

Михаил Карпов

Замкнутый круг «Китайского Чуда»

«Самым большим мифом о Китае ... является то, что эта страна перестала быть социалистической»
Дж. Стадвелл «Мечта о Китае», 2003

Милтон Фридман (лидер Чикагской экономической школы) - губернатору провинции Сычуань, призывая ускорить темпы рыночных реформ в Китае: *«...не следует отрезать мышинный хвост по одному дюйму. Чтобы уменьшить боль, надо отсечь хвост одним махом».*
Губернатор провинции Сычуань – Милтону Фридману: *«Мой дорогой профессор! У нашей мыши столько хвостов, что мы даже не знаем, с какого именно начинать!»*
Р. Макгрегор «Партия: тайный мир коммунистических властителей Китая», 2010

Введение.

«Китайское чудо»: постановка проблемы или о чем пойдет речь в этой книге.

Системные преобразования в Китайской Народной Республике продолжают уже более трех десятилетий. Истоки «китайского пути», его направление и динамика, соотношение спонтанного и просчитанного, радикального и постепенного, критерии успехов и неудач, применимость в других странах и даже его «всемирно-историческое значение» неизменно вызывают огромный интерес, разнообразные дискуссии и уже давно стали объектом широкого, порой безудержного теоретизирования.

С другой стороны, мне думается, что по-прежнему сохраняют актуальность строки, написанные почти два десятилетия назад известным китайским экономистом Шэн Хуном: «Вплоть до настоящего времени исследования [реформы – М.К.] остаются на стадии обыкновенной теории, которой крайне недостает эмпирических оснований. Получить общее представление о таких содержательных переменных в области человеческих отношений и общественных норм можно лишь путем их непосредственного восприятия». [Шэн Хун, 1996, с.80]

Здесь, впрочем, наблюдается интересная закономерность. Лавинообразный рост объемов самой разнообразной информации о Китае в последние десятилетия, равно как и не менее динамичное увеличение профессионального и популярного спроса на нее, не привели – по крайней мере, пока – к формированию целостной и внутренне непротиворечивой

картины того, как и в каком направлении движется современный Китай. Эта картина отсутствует как у апологетов «китайского пути», так и у скептиков. Иными словами, и у первых, и у вторых всегда найдутся в запасе достаточно убедительные аргументы для того, чтобы «дезавуировать» определенный «образ Китая», предлагаемый оппонентами.

В отечественном «КНРоведении» дела обстоят особенно непросто. Идеологическое и мировоззренческое наследие советского периода, а также остро пережитые драма распада СССР и трудности постсоветских реформ постоянно подталкивают многих исследователей к вольной или невольной апологетике «китайского пути». В нем склонны видеть едва ли не «упущенный шанс Горбачева», а те реформы Дэн Сяопина, которые на рубеже 1970-80х годов жестко критиковались в СССР – в том числе и профессиональными китаеведами - как «отступление от социализма», теперь превозносятся – зачастую теми же самыми людьми - как «глубоко продуманная и успешная стратегия».

Впрочем, и у наших западных коллег, несмотря на более фундаментальный научно-методологический задел и значительные материальные возможности, «пазл» современного Китая отнюдь не сложился. Отсюда периодически звучащие из уст видных американских и западноевропейских синологов признания о «состоянии неопределенности», в котором пребывает современное «КНРоведение». [Dittmer, Hurst, 2002]

В середине 1990х годов видные китайские экономисты Линь Ифу, Цай Фан и Ли Чжоу выпустили совместную книгу под названием «Китайское

чудо. Стратегия развития и экономические реформы», в которой с позиций экономической «неоклассики» пытались дать обобщающую и динамическую картину рыночных преобразований в КНР. Скажем сразу - несмотря на ряд серьезных достоинств, эта книга отнюдь не внесла окончательной ясности в вопрос о том, что происходит, или, что будет происходить в современном Китае. Более того, с нашей точки зрения, кое в чем она сделала этот вопрос еще запутаннее. Однако само словосочетание «китайское чудо» быстро получило чрезвычайно широкое распространение в мировой научной и популярной литературе и в публикациях СМИ. Смысл и значение этого понятия в интерпретациях его «пользователей» не сильно отличались от того, что предлагали считать «китайским чудом» Линь Ифу с соавторами.

Знакомство с отмеченной книгой, равно как и с большим количеством научных и популярных публикаций, идущих, так или иначе, в ее «кильватере», дает основание считать, что китайские и зарубежные эксперты, политики и журналисты склонны видеть «чуждость» «китайского пути» в следующих двух плоскостях:

Во-первых, это сохраняющиеся на протяжении более чем трех десятилетий рекордно высокие темпы экономического роста. Среднегодовые значения этого роста за весь период рыночных реформ в КНР не опускались ниже 9%. Данное обстоятельство, наряду с исторически беспрецедентной повышательной динамикой общей социально-экономической модернизации (совокупной мощи) Китая, является, по мнению многих наблюдателей,

ключевым и наиболее очевидным показателем, которое дает основания для характеристики развития КНР в категориях «чуда».

Вторая плоскость понимания «китайского чуда», с нашей точки зрения, более существенна и интересна. Кроме того, она - в силу своей дискуссионности, идейно-политической остроты и объективной сложности для вычленения, объяснения и восприятия – заметно менее четко артикулируется в существующей литературе. И, тем не менее, эта плоскость подспудно присутствует как в книге Линь Ифу, так и в большом числе других работ, посвященных развитию современного Китая. Эта вторая плоскость понимания «китайского чуда» вольно или невольно существует также в умах многих китайских и зарубежных экспертов и наблюдателей, даже если – по тем или иным причинам - и не высказывается со всей определенностью. Речь идет о том, что столь впечатляющая динамика экономического роста, расширения сферы рыночных отношений и модернизации в КНР имели и имеют место в стране, которая на уровне официальной идеологии продолжает придерживаться концепции и «ценностей» «социалистического строительства». Более того, политическая система современного Китая в полной мере сохраняет институты и практики «партийного государства ленинского типа». В этом государстве руководящая коммунистическая партия, построенная по известному из истории КПСС территориально-производственному признаку, не просто контролирует, но непосредственно подчиняет себе и интегрирует все ключевые государственные и общественные организации, а также субъектов

экономической деятельности. Кроме того, есть основания полагать, что степень этого подчинения и интеграции в современной КНР, несмотря ни на какие рыночные реформы, не только не ниже, но кое в чем даже выше, чем некогда в СССР и в других бывших европейских странах «победившего социализма». Это «выше» касается в первую очередь объема практических полномочий партийных организаций в государственных, общественных и производственных субъектах системы.

Не секрет, что большинство социалистических страны Европы, включая и Советский Союз, на протяжении десятилетий экспериментировали с рыночными реформами. Некоторые из европейских соцстран – прежде всего, Венгрия и бывшая федеративная Югославия – достаточно далеко прошли по пути этих экспериментов. Настолько далеко, что рассматривались «либеральными реформаторами» социализма из менее в этом смысле «продвинутых» Москвы, Берлина, Праги и Варшавы как, своего рода, образцы для подражания.

Однако эти реформы не переросли в «мирную эволюцию», не спасли венгров от системных кризиса и распада, а югославов – и от разрушительной и кровопролитной войны. Фундаментальные работы политологов и историков, посвященные, к примеру, причинам югославской трагедии 1990х годов, показывают, что реальным «триггером» острого вооруженного конфликта в этой стране выступили отнюдь не только этнические или конфессиональные противоречия и не «старые счёты» Второй мировой войны между сербами и хорватами. С точки зрения механизма

возникновения кровопролития, гораздо более существенной оказалась структура и динамика взаимодействия институтов партийного государства «ленинского типа» в стране, вынужденной на деле реализовывать принципы федерализма. В частности, речь идет о месте, роли и соотношении влияния республиканских (региональных) партийных организаций и командования федеральных вооруженных сил. [Bunce, 1999] Иными словами, оказывается, собака и здесь зарыта не столько в истории и культуре, сколько в институтах и практике «реального социализма».

Но даже там, где – как в Венгрии, Польше или бывшей Чехословакии – не пролилось ни капли крови и нелегитимные в глазах общества компартии были отстранены от власти в ходе свободных выборов, даже там не приходится говорить о плавной реформе и реструктуризации государства «ленинского типа». Уход компартии, отрыв ее от государства везде принимал форму институциональной деструктуризации, то есть социально-политической революции и происходил на фоне глубокого экономического спада, так называемой «трансформационной рецессии». Революция – это отнюдь (слава Богу!) не обязательно трупы, баррикады и штурм правительственных зданий. Кстати сказать, столь экстремальные обстоятельства «смены режима» имели место, как известно, лишь в Румынии. Революция – это, прежде всего, качественная, структурная и динамическая характеристика общественных изменений. И в этом смысле во всех без исключения бывших соцстранах Европы и в бывшем СССР на рубеже 1980-90х годов произошли именно революции.

В середине 1990х годов в ряде стран Центральной и Восточной Европы, прежде всего, в Венгрии, Чехии и Польше, предпринимались весьма любопытные исследования, целью которых было выяснение воздействия последствий рыночных реформ, проводившихся еще при «победившем социализме», на ход, темпы, последовательность и глубину посткоммунистической трансформации.

Указанные страны выделялись в бывшем «восточном блоке» сравнительно высоким уровнем благосостояния (в сравнении, скажем, с Румынией или СССР), но ощутимо различались между собой по масштабу и глубине инициированных компартиями рыночных реформ. В Венгрии такие преобразования начались еще в 1950-е годы и, развиваясь циклически и неравномерно, охватили, тем не менее, значительное общественное пространство. В бывшей ЧССР краткосрочная «Пражская весна» пала под гусеницами советских танков летом 1968 года. Реформы были резко остановлены и пребывали «в коме» вплоть до конца 1980х. Коммунистическое руководство Польши, также опасаясь советского вторжения, существенно «подморозило» инициированное было строительство «социализма с человеческим лицом». Однако температура «заморозков» была все же несколько выше, чем в реально пережившей «братскую» интервенцию Чехословакии.

В умозрительном плане логично было предположить, что в тех странах, где рыночные реформы в той или иной мере начали осуществляться еще при коммунистах, последовавшие за «бархатными революциями» радикальные

социально-экономические преобразования должны были бы проходить не столь болезненно и более быстро.

Результаты проведенных исследований оказались несколько обескураживающими даже для специалистов. Выяснилось, что какая-либо положительная зависимость между накопленным опытом «социалистических» реформ и степенью адаптации общества к посткоммунистическим изменениям в целом отсутствует. Иными словами, даже в относительно «благополучных», в территориальном и историко-культурном отношении близких, но разных по опыту реформ странах Центральной и Восточной Европы полномасштабное становление «рынка и демократии» проходило болезненно и неравномерно. Конкретные структурные факторы и причины драматизма фундаментальной общественной трансформации в разных странах были, конечно, не одинаковы. Однако эти различия не позволяют однозначно говорить о «сравнительной легкости» перехода для изначально «более рыночных» обществ и «сравнительной трудности» для тех, кто в силу исторических причин оказался обделен опытом «реформированного социализма». [Lorentzen, Widmaier, Laki, 1999]

Повсеместно революционный характер посткоммунистических преобразований, равно как и их сопоставимый драматизм в различных по «рыночной составляющей» бывших соцстранах наводит на мысль, что система «реального социализма» обладает некими общими чертами, которые

настолько снижают «адаптивные способности» государства «ленинского типа», что делают его, в конечном счете, не реформируемым.

Институциональный и социально-экономический крах всех без исключения европейских государств «ленинского типа» является, так сказать, «медицинским фактом», от которого невозможно отмахнуться и который требует научного осмысления через призму не только истории и культуры, но и системного экономического и политологического анализа. К слову сказать, такой анализ в полной мере не проведен до сих пор.

На этом фоне реформы в Китае предстают как «история успеха» отнюдь не только с точки зрения рекордной динамики роста ВВП. Индустриализация и масштабное инфраструктурное строительство в КНР, сопровождаемые существенным расширением сферы рыночного регулирования в национальной экономике при сохранении в неприкосновенности (и даже укреплении!) институтов партийного государства «ленинского типа» выглядят как нечто из ряда вон выходящее. Здесь и лежит вторая отмеченная нами плоскость восприятия «китайского пути» как «чуда».

Отмеченное «чудесное» обстоятельство может иметь два логических объяснения. Первое состоит в том, китайские реформы пока не затронули тех звеньев системы, которые являются ее внутренними скрепами и, следовательно, КНР еще предстоит пройти через этап структурного кризиса государства «ленинского типа». Однако, для того, чтобы стать в полной мере убедительным, данное объяснение нуждается в глубоко и структурно

разработанном эмпирическом подтверждении. Неоспоримо, что по степени радикальности и глубины рыночная трансформация в современном Китае уже сейчас оставила далеко позади все имеющиеся в истории аналоги «реформированного социализма» - в частности, опыт венгерских и югославских преобразований. Это касается структуры и характера реформ в сферах ценообразования, «малой приватизации», акционирования госсобственности и создания фондового рынка, а также в области сельского хозяйства.

Таким образом, напрашивается второе возможное объяснение. В КНР за прошедшие три десятка лет удалось то, что не получилось ни в одной из европейских социалистических стран. Фундаментальный переход к рыночному регулированию социально-экономической жизни оказался возможным при сохранении и – более того – при поддержке институтов партийного государства «ленинского типа». «Рынок» и «социализм», оказывается, вполне системно совместимы. При этом такая генетическая трансформация произошла не революционным, а эволюционным путем, то есть без драматической ломки политических институтов и идеологии, без острого социального кризиса и глубокого экономического спада. Рыночная трансформация и параллельная ей модернизация привели не к упадку и дезинтеграции, а к укреплению и консолидации институтов партийного государства и «совокупной государственной мощи».

Если положение вещей, в самом деле, таково, то перед нами нечто совершенно беспрецедентное. В этом случае «китайский путь» реформ

приобретает поистине всемирно-историческое значение. Вот оно, китайское чудо без всяких кавычек!

Однако и это второе логически возможное объяснение требует фундаментальной эмпирической проверки. Здесь, как и в первом случае, необходимо предметно разобраться, что это за «системные скрепы социализма», которые в странах европейского «восточного блока» и в СССР оказались непреодолимыми для коммунистов-реформаторов, а в Китае смогли быть либо обойдены, либо постепенно трансформированы? Почему в Европе рыночное преобразование социализма, застопорившись, обвалилось, а в КНР, как полагают многие наблюдатели, идет по нарастающей? Наконец, можно ли рассматривать сложившуюся в Китае модель социально-экономического и политического устройства как устойчивую, обладающую лучшими, чем в бывших европейских соцстранах, «адаптивными способностями»?

На пути верификации обеих гипотез стоят очень значительные препятствия как технического, так и методологического свойства. К первым относятся – в первую очередь – огромный объем и структурная сложность материала.

Методологические же трудности не менее, а, возможно, и более серьезны. Концептуальное наследие «советологии» - опыта изучения и осмысления истории развития систем «ленинского типа» в СССР и Восточной Европе – подверглось после распада Советского Союза и «восточного блока» уничтожающей критике и ныне – за кажущейся

неактуальностью – по большей части предано забвению. Ссылаться на теоретические работы «советологов» в наши дни не модно и, пожалуй, может даже быть контрпродуктивным для исследователя в «большой западной науке». Есть риск прослыть «реакционером» и уж почти наверняка очутиться за рамками «либерального», «глобалистского» и «девелопменталистского» мейнстрима. Причина такого положения вещей, между тем, не лишена исторической иронии. В свое время вполне «либеральный» и «девелопменталистский» мейнстрим «советологии» оказался не в состоянии предвидеть и объяснить крах восточноевропейских государств «ленинского типа». Это обстоятельство было воспринято многими обществоведами в США и Западной Европе как «целостная катастрофа западной академической науки» и поставило жирный крест на всей «советологии» и профессиональных карьерах многих «советологов». Их просто перестали воспринимать в достаточной степени серьезно.

Проблема, однако, состоит в том, что, при всех несомненных теоретических и эмпирических просчетах «советологов», мировое обществоведение вплоть до сегодняшнего дня не имеет какого-либо иного вразумительного опыта осмысления истории и динамики развития «реального социализма». Интересно, что современное западное «КНРоведение», уже давно разорвав «советологическую» пуповину и даже как бы стесняясь ее наличия в прошлом, воспроизводит ныне, по сути дела, все ключевые подходы, концепции и школы канувшей в лету «советологии».

Очевидно, изучение систем «ленинского типа» имеет свою семантическую природу, диктуемую природой объекта изучения.

Впрочем, в изобилии имеются примеры того, что, изучая современный Китай, вполне можно абстрагироваться от того факта, что вы имеете дело с государством «ленинского типа». Так поступают в большинстве своем авторы – приверженцы экономического мейнстрима. Работая в системе координат, где определяющими понятиями и величинами выступают глобализация, модернизация, темпы роста ВВП и «развивающиеся рынки», эти специалисты склонны относиться к политической системе КНР как к сугубо технической совокупности явлений, специфической «институциональной среде», имеющей, кроме того, ряд важных инструментальных достоинств, в частности, для широкого привлечения иностранных инвестиций. Здесь «китайское чудо» понимается, прежде всего, а иногда и исключительно, как «чудо роста», а монополия компартии на власть – как экзотическая и в ценностном отношении чуждая, но неизбежная, а кое в чем даже полезная вещь. Иными словами, для этой группы экспертов партийное государство «ленинского типа» в КНР не является фундаментальной проблемой и объектом изучения. Характерно, что за прошедшую пару десятилетий в свет вышли тысячи книг и статей, в которых рыночные преобразования в Китае рассматриваются вне системного контекста однопартийного государства.

Тем не менее, вопрос о том, произошло ли «китайское чудо» в системном смысле, то есть удалось ли китайской компартии действительно

решить тот комплекс фундаментальных и тесно взаимосвязанных социально-экономических и идейно-политических проблем, которые не поддались решению в бывшем СССР и соцстранах Европы, сохраняет свою практическую и научную актуальность. Более того, эта актуальность растет. Без ответа на поставленный вопрос невозможно разобраться в многочисленных и, подчас, полярно противоположных прогнозах относительно перспектив развития самой многонаселенной страны мира, декларирующей «приверженность социализму» и до сих пор руководимой партийным государством «ленинского типа».

Предлагаемая книга попытается определить теоретическую логику и наметить эмпирическую последовательность поисков решения этой дилеммы.

В первой части работы речь пойдет о типологии систем «ленинского типа» и проблематике «пределов реформ» в институтах и практике «реального социализма» через призму наработок «советологии» и современного «КНРоведения». Для отечественной китаистики постановка проблемы в таком ключе представляется новаторской. Насколько нам известно, в нашей стране пока нет работ, посвященных развитию системных преобразований в КНР в подобном широком сравнительно-методологическом плане. Более того, в мировой синологии, питающейся преимущественно логикой и наработками «неоклассического мэйнстрима», также ощущается недостаток такого рода подходов.

В фокусе второй части работы – структурные особенности и динамика рыночной реформы ценообразования в КНР и ее социально-экономические, политические и институциональные последствия. Выбор этого сюжета определяется тесно взаимосвязанными обстоятельствами методологического и практического свойства.

С одной стороны, реформа цен – включая цену на капитал - во всех без исключения соцстранах является ключевым и одновременно одним из самых глубоких и трудных преобразований, определяющим кардинальное изменение логики поведения хозяйственных и политико-административных субъектов системы. [Kornai, 1992] Эмпирический опыт «реформированного социализма» как в Восточной Европе, так и в КНР дает основания заключить, что в сфере ценообразования технически заложена главная «путевая стрелка», переводящая экономические «локомотивы» системы с «командно-административных» рельсов на «рыночные». При этом угол положения рычага этой «стрелки» имеет важнейшее значение для общего состояния и динамики всей системы не только в сугубо экономическом, но и в широком социально-политическом смысле. Иными словами, этот угол положения рычага ценообразования не только определяет направление реформ, но и сам определяется предпосылками, глубиной и характером уже осуществленных общественных и институциональных изменений.

С другой стороны, опыт рыночной реформы ценообразования в КНР - с точки зрения своей последовательности, механизма, структуры и динамики - является поистине уникальным для всех без исключения соцстран. В Китае

– в отличие от бывших «народных демократий» в Венгрии и Югославии – реформа цен с самого начала и неизменно опережала преобразования в системе общего управления экономикой, финансами и государственной собственностью и, по сути дела, заложила фундамент «рыночного социализма с китайской спецификой». Более того, по нашему убеждению, ответ на будоражащий умы вопрос о применимости «китайского пути» в бывшем СССР следует искать в плоскости выяснения возможности (или невозможности) осуществления «перестроечной» реформы ценообразования по китайскому образцу.

Предлагаемый нами взгляд на реформу цен в КНР как на путеводную основу всего процесса рыночных преобразований в этой стране также является во многом новым для отечественной китаистики, склонной подходить к этому сюжету как к важной, но скорее технической и инструментальной проблеме. [Жигулева, 2006] Существующие за рубежом крупные работы по реформе цен в соцстранах вообще и в КНР в частности, как будет показано ниже, нуждаются в определенных уточнениях и переосмыслении. [Kornai, 1992; Naughton, 1995; Fan Gang, 1996; Zhang Yu, 1997; Csanadi, 2006; Zhang Jun, 2006]

Третья часть книги посвящена определению и характеристике тех фундаментальных институтов и практик партийного государства «ленинского типа» в современной КНР, которые, по нашему мнению, скрепляют общественно-экономическое пространство «рыночного социализма с китайской спецификой» в единое целое. Предпринятый анализ

структуры и динамического состояния этих скреп позволяет, на наш взгляд, сформулировать ответ на главный вопрос – состоялось ли «китайское чудо» в системном смысле? Удалось ли реформаторам в КНР обойти или эволюционно трансформировать те фундаментальные, генетические диспропорции и противоречия «реального социализма», которые в европейских соцстранах и в бывшем СССР пришлось преодолевать революционным путем?

Разумеется, всякий ответ такого рода по определению носит промежуточный характер, ибо история в режиме реального времени не имеет конца. Эта бесконечность, однако, совсем не исключает того, что некоторые общественные системы в силу ряда присущих им фундаментальных особенностей, даже подвергаясь мутациям и меняя формат, продолжают движение по замкнутому кругу, воспроизводя таким парадоксальным образом собственную системную конечность. Кстати сказать, Фрэнсис Фукуяма в своей известной и нередко критикуемой книге о «конце истории» писал вовсе не о повсеместном и окончательном торжестве «либеральной демократии», а как раз о таком циклическом воспроизводстве собственной конечности большинством недемократических систем. Впрочем, разве не эта системная и человеческая конечность в бесконечности времени и идеалов наполняет историю смыслом, интересом и страстью?

Пролог

«Битва угля с электричеством» или случай из практики китайского «экономического чуда»

Древний Сиань, столица богатой историко-культурными достопримечательностями и каменным углем провинции Шэньси, что в центральном Китае. Февраль 2009 года, канун открытия ежегодных сессий провинциального Собрания Народных Представителей (СНП) – парламента – и Политического Консультативного Совета – органа «межпартийного сотрудничества под руководством коммунистической партии». Ситуация на угольных электростанциях провинции вот уже несколько месяцев близка к критической: запасы угля для производства электроэнергии пополняются в объеме, достаточном для работы станций лишь в течение одного дня. Утром 9 февраля департамент промышленности и информации Народного Правительства провинции Шэньси распространяет срочное уведомление, адресованное трем крупнейшим государственным электроэнергетическим холдингам, действующим на территории провинции, а также всем угольным компаниям и провинциальному управлению железнодорожного транспорта, содержащее требование в кратчайшие сроки достигнуть долгосрочной договоренности о цене на уголь. На период, пока цена остается несогласованной, департамент настаивает на осуществлении текущих сделок между производителями угля и электроэнергии по «временной цене» из расчета 385 юаней за тонну угля, что на 41,5% превышает прежнюю «временную цену» в 272 юаня, сделки по которой осуществлялись с января

по сентябрь 2008 года. Однако, по признанию электроэнергетиков, и эта прежняя «временная цена» была для большинства станций непосильно высокой, обусловив огромные убытки отрасли, колеблющиеся у различных производителей электроэнергии в Шэньси в пределах от 100 млн. до 500 млн. юаней. Тем не менее, промышленно-информационный департамент правительства провинции, игнорируя бедственное финансовое положение станций, диктовал в феврале 2009 года новую «временную цену» и в указанном уведомлении грозил электроэнергетикам: «В отношении тех электростанций, которые проявляют выжидание, промедление и недостаточную активность в закупке угля, чем вызывают критическое сокращение запасов, руководящие органы провинции, координирующие электроэнергетику, будут исходить из принципа: увеличение поставок угля тем, у кого большие запасы; сокращение поставок тем, у кого малые запасы».

Принципиально важным для понимания развернувшегося противостояния является то обстоятельство, что контрольный пакет (в большинстве случаев около 100%) акций угольных компаний Шэньси принадлежал правительству провинции, которое и выступило в свое время их учредителем. Управление же электроэнергетическими холдингами находилось в руках центрального правительства в Пекине. Такие холдинги, как правило, не имеют советов акционеров, но лишь советы директоров, председатели которых являются одновременно секретарями партийных организаций этих холдингов и занимают высокие должности в аппаратах правительств соответствующих уровней. Также необходимо иметь в виду,

что в процессе идущей в Китае уже более двух десятилетий реформы ценообразования цены на уголь были декларированы «свободными», то есть их теоретически могут определять сами производители. Что касается цен на электроэнергию, то они все еще относятся к категории «централизованно регулируемых» - то есть, по сути, директивных, определяемых структурами центрального правительства.

Агрессивная линия правительства провинции вызвала соответствующую реакцию у производителей электроэнергии, подконтрольных Пекину. Еще поздней осенью 2008 года пять энергетических холдингов формируют «союз покупателей угля», призванный занять жесткую позицию в отношении угольщиков. Представитель электроэнергетиков, казалось бы, имел весомые политико-административные и экономические основания, когда резко парировал властям Шэньси: «Мы все предприятия центрального подчинения, мы мощные покупатели! Что для нас важнее – сохранить собственное существование или подчиниться воле местного правительства? Кто как не мы сможем обуздать местническую политику?»

Однако, несмотря на такую отповедь в адрес местных властей, подконтрольные Пекину электростанции Шэньси с середины февраля все-таки начинают закупку угля именно по новой «временной цене» в 385 юаней за тонну. Провинциальное правительство осталось при своих интересах, убытки станций продолжали множиться, а долгосрочный ценовой договор между угольщиками и энергетиками так и не был заключен.

Одним из крупных государственных акционерных предприятий центрального подчинения, оказавшихся в наиболее бедственном положении, стала электростанция, расположенная в уезде Люлянь, где единственным поставщиком угля был завод по производству отопительных брикетов, так что промышленный уголь приходилось завозить по проложенной через горный хребет железной дороге. Себестоимость электроэнергии в Люляне оказывалась на 40 юаней выше, чем у станций на равнине по другую сторону хребта и на 80-100 юаней выше, чем у тех, которые располагались в других уездах в непосредственной близости от угольных месторождений. Общая ситуация для Люляня усугублялась еще и тем, что в уезде имелось самое большое в провинции Шэньси число предприятий по добыче железной руды, потреблявших львиную долю производимой электроэнергии. Простой электростанции и перебои в подаче электричества могли иметь поистине катастрофические последствия для горнорудной промышленности провинции в целом, так что энергетикам Люляня приходилось закупать уголь у конкретных производителей и по 600, и по 800 юаней за тонну. Учитывая, что электростанция Люляня входила в госхолдинг, находившийся полностью под контролем Пекина, ее руководство в лице директора и главного снабженца не имело официальных полномочий и каналов для влияния на ценовую политику провинциального угольного монополиста – учрежденного правительством провинции Шэньси в июле 2006 года 100%-го госхолдинга по транспортировке и продаже угля. Этот холдинг в свою очередь находился

в полном административном подчинении департамента промышленности и транспорта при правительстве провинции Шэньси.

Вплоть до самого конца 2007 года перевозка и продажа угля в провинции, будучи монополизированы правительственным холдингом де-юре, еще не были таковыми де-факто. Руководство электростанции в Люляне отмечало, что в прежние времена сохранялась возможность закупать относительно дешевый уголь у малых шахт, в том числе частных, а также и в других провинциях. Однако к январю 2008 года правительству провинции удалось поставить транспортировку и реализацию угля под свой контроль. С тех пор функции начальника отдела топливного снабжения электростанции в Люляне свелись к получению информации о ценах на уголь от начальника соответствующего отдела провинциального госхолдинга-монополиста и в доведении этой информации до директора электростанции, а также до вышестоящих структур электроэнергетического госхолдинга в Сиане и Пекине. Эти структуры в отличие от низовых дочерних компаний – электростанций - уже имели полномочия вести переговоры о цене на уголь с провинциальным правительственным монополистом от имени центрального правительства. Однако и здесь ситуация начала развиваться по весьма запутанному бюрократическому сценарию. Головные холдинги электроэнергетиков в Пекине поручили вести все переговоры по вопросу о ценах своим дочерним филиалам в провинциях. Более того, пекинское руководство отраслью перед лицом агрессивного ценового наступления провинциальных угольщиков заняло довольно странную позицию, наложив

запрет на закупку угля электростанциями у провинциальных монополистов по «чрезмерно высоким ценам» и угрожая нарушителям как финансовыми, так и административными санкциями. Не разъяснив толком, что означают «чрезмерно высокие цены на уголь», Пекин мотивировал запрет тем, что рост производства электроэнергии требует снижения ее себестоимости, а основным потребителем электричества в любом случае являются предприятия провинциального подчинения. Таким образом, головные холдинги электроэнергетики, контролируемые органами центрального правительства, по собственному признанию, «рассчитывали на добросовестность и соответствующие действия местных властей» по снижению цен на уголь. По сути, Пекин пытался надавить на провинциальные власти, угрожая бойкотом закупок угля у местных шахтеров и последующим обвалом поставок электроэнергии. Произошло, однако, не «соответствующее снижение», а значительное повышение цен. При этом низовые звенья головных холдингов центрального подчинения – электростанции – оказались между Сциллой штрафных санкций своих пекинских учредителей и Харибдой ценового монополизма провинциальных правительств.

В этих условиях электростанция в Люляне, имея своего сотрудника в качестве депутата Собрания Народных Представителей провинции Шэньси (к слову сказать, единственного представителя низового звена электроэнергетики в провинциальном парламенте!), его устами без обиняков озвучила свои злоключения на открывшейся в начале марта 2009 года

ежегодной сессии СНП Шэньси. Этот демарш, впрочем, также не имел сколько-нибудь значимых реальных последствий.

Однако объяснять установление новой «временной цены» на уголь в феврале 2009 года в провинции Шэньси лишь волонтаристскими действиями местных властей и угольно-транспортного холдинга-монополиста было бы большим упрощением. Точнее, этот ценовой волонтаризм имел свою глубокую подоплеку. Дело в том, что в Шэньси, как и в ряде других угледобывающих провинций Китая, в частности, в соседней Шаньси, электростанции центрального подчинения, потребляющие местный уголь, в установленном порядке должны производить оплату лишь по факту отгрузки. Однако этот «установленный порядок» существует лишь на бумаге. Дело в том, что все без исключения участники описываемых событий в долгах, как в шелках. Убытки большинства угледобывающих госхолдингов провинции, равно как и у электроэнергетиков центрального подчинения, исчисляются сотнями миллионов юаней. Однако, простои с отгрузкой и, следовательно, с производством электричества, чреватые глобальными сбоями всей социально-экономической системы. По признанию руководства монополии по доставке и реализации угля в Шэньси, отказ поставлять сырье электростанциям за долги сам по себе не только не решит, но лишь усугубит проблему «плохих долгов», окончательно превратив их в безнадежные. Так что уголь местные компании так или иначе все равно отгружают, а дочерние предприятия столичных компаний электроэнергию производят. Одновременно и те, и другие прибегают к всевозможным формальным и

неформальным комбинациям: первые для того, чтобы снизить цену на уголь, а вторые – чтобы, насколько возможно, взыскать долги за поставки. В ход идут все средства – от скрытого лоббизма и санкций по линии партийной дисциплины до эмоциональных выступлений на сессии Собраний Народных Представителей. Однако проблема решения не находит. Когда ситуация в провинции Шэньси стала достоянием центральной печати, заместитель совета директоров угольно-транспортного холдинга открыто жаловался, что «каждый раз в ноябре-декабре мой блокнот пухнет от названия предприятий - текущих должников. Эти должники – дочки пекинских компаний – ведут себя, словно господа-бары. Ездишь к каждому из них, от двора ко двору, а возвращаешься с таких переговоров по недоимкам не солоно хлебавши. Здесь какие-то расписки, там – неформальные посиделки за ужином в ресторане, а уголь им все равно изволь поставлять! Это политическая задача!»

К середине лета 2009 года общий объем задолженности электростанций перед угольщиками Шэньси превысил 1 млрд. юаней.

Все это влечет за собой следующую проблему. Ежегодно в четвертом квартале руководство угольного и транспортного холдинга Шэньси, по собственному признанию, сталкивается с крайним дефицитом средств на уплату налогов провинциальному правительству. А неуплата налогов или уплата их не в полном объеме – не меньший, если не больший политический проступок в сравнении с отказом отгружать уголь безнадежным должникам. Провинциальное правительство – основной учредитель, инвестор и, во

многих случаях, последний кредитор большинства крупных и средних предприятий местного подчинения. Деньги в бюджете провинциального правительства – основной катализатор темпов экономического роста. В 2008 году ВВП провинции Шэньси вырос на 15%. Объем угледобычи превысил показатели 2007 года на 30%. Согласованные с Пекином контрольные цифры на 2009 год – учитывая мировой кризис – оказались несколько меньше – 13%. Однако для того, чтобы уложиться в эти показатели объем угледобычи в провинции в 2009 году должен быть увеличен как минимум на те же 30% в сравнении с 2008 годом.

Кроме того, в январе 2009 года провинциальное правительство Шэньси поставило перед своим угольно-транспортным холдингом-монополистом задачу не из легких: без учета объемов задолженности предыдущих лет, угольщики провинции обязаны завершить 2009 финансовый год без недоимок по сделкам с электроэнергетиками, обеспечивая, таким образом, 100% налоговых выплат в местный бюджет. При этом правительство Шэньси, подобно пекинским властям – учредителям электроэнергетических холдингов, апеллировало к «государственной необходимости». В соответствующей бумаге, направленной руководству угольных компаний, говорилось: «несмотря на отдельное подчинение (электроэнергетиков и угольщиков – М.К.) центральному и местному комитетам по управлению госимуществом, все являются государственными предприятиями и перед лицом государственной ответственности угольно-транспортный холдинг пров. Шэньси должен исходить из общего положения вещей».

В действительности, как утверждали многие мои собеседники и в Сиане, и в Пекине, правительство провинции Шэньси, задавшись целью собрать в 2009 году до 10 млрд. юаней налогов, отнюдь не считало принципиальным, будет ли вообще подписан долгосрочный договор по ценам на уголь между электроэнергетиками и шахтерами. В этом смысле пассаж февральского уведомления о «необходимости в кратчайшие сроки заключить долгосрочный договор» выглядит, как максимум, благим пожеланием. «Действия предприятий определяются рынком. Рано или поздно они сядут и договорятся. Правительство провинции не собирается выступать ничьим любезным ходатаем в вопросе о формировании контрактной цены на уголь», - так прокомментировал официальное отношение к ситуации не пожелавший опубликовать свое имя сотрудник отдела промышленности и транспорта местного правительства. Таким образом, обнародованная этим правительством 9 февраля 2009 года «временная цена» на уголь в 385 юаней за тонну была призвана создать необходимый финансовый задел и обеспечить налоговые поступления в бюджет провинции от угольных предприятий вне зависимости от того, будет или не будет подписан долгосрочный договор между провинциальными производителями и курируемыми из Пекина потребителями. Местное правительство и угольщики провели расчеты и пришли к выводу, что если «временная цена» на уголь будет ниже 385 юаней за тонну, то при существующих объемах задолженности и уровне финансовой дисциплины

угольные компании просто не смогут внести требуемые налоговые сборы в местный бюджет.

Характерно, что попытки центрального правительства как-либо воздействовать на Сиань с целью пересмотра установленной цены в сторону понижения успехом не увенчались, так что электростанциям пекинских холдингов в Шэньси пришлось принять предложенные на местах правила игры. Для хозяйствующих субъектов центрального и местного подчинения установка на выполнение плана по общим темпам экономического роста, оказывается, гораздо важнее расчета издержек.

Что касается самих предприятий низового уровня – электростанций и шахт - то вопреки прогнозу местного чиновника они так ни о чем и не договорились. Долгосрочное ценовое соглашение повисло в воздухе. Практика такого рода соглашений между предприятиями угольной промышленности и электроэнергетики существовала в Китае в начале 90х годов, однако к началу 2000х от нее почти повсеместно отказались как производители, так и потребители. Объясняя причины кризиса системы долгосрочных соглашений, мои китайские собеседники в институте экономики Пекинского университета и в бюро переводов – одном из аналитических подразделений – ЦК КПК были склонны указывать преимущественно на внешние обстоятельства. По их мнению, эта практика получила распространение на относительно раннем этапе экономических реформ в Китае под влиянием изучения опыта стран с развитыми рыночными отношениями, в частности, США и Великобритании. Сроком действия таких

соглашений в Китае, как правило, служил 20-летний цикл жизни электростанции. Однако впоследствии ведущие экономики мира отказались от этой практики, отдав предпочтение биржевому ценообразованию. Замечу, что это утверждение верно лишь отчасти. Дело в том, что отказ от долгосрочных ценовых соглашений в области производства электроэнергии в развитых странах Запада касался лишь тех электростанций, которые использовали природный газ. С угольщиками электроэнергетики продолжали работать на базе долгосрочных ценовых соглашений. Последствия азиатского финансового кризиса 1998 года обусловили убыточность многих контрактов китайских энергетиков с зарубежными партнерами, в то время как на внутреннем рынке страны образовался некоторый избыток сырья и мощностей. В этих условиях китайские производители и потребители получили дополнительные стимулы к отказу от принципа долгосрочных ценовых соглашений, причем пошли здесь даже дальше Запада, ликвидировав таковые как по газу, так и по углю. В новом столетии, когда динамичный экономический рост в Китае возобновился и об «относительном избытке» факторов производства говорить перестали, возвращения к практике долгосрочных ценовых соглашений, тем не менее, не произошло.

Не умаляя значения внешних воздействий, должен сказать, что мне бросилось в глаза совпадение по времени между развертыванием акционирования госсобственности и демонтажем практики долгосрочных соглашений. И то, и другое как раз приходится на период между 1992 и 2000 годами. Дело выглядело так, будто учредители и руководство новых, по

преимуществу, государственных холдингов и прочих акционерных компаний просто не были заинтересованы в относительно долгосрочных ценовых ориентирах. И это притом, что всеобъемлющее директивное планирование и ценообразование¹ утратило силу лет двадцать тому назад, а биржевое ценообразование на сырье и другие факторы производства в Китае вплоть до сегодняшнего дня находится, по сути, в зачаточном состоянии. Отвечая на вопрос о том, верно ли мое наблюдение и, если да, то в чем причина такого положения вещей, мой собеседник, научный сотрудник института управления при Пекинском университете Хань Сяопин в июне 2009 года высказался так: «Тут есть рациональное зерно. Наша страна – Китай – исходит из политического приоритета больших предприятий. Очень многие говорят только о реформе цен и молчат о реформе механизма (управления государственными предприятиями – М.К.). Потому что реформа механизма слижет у многих сметану, а реформа цен лишь добавляет многим этой сметаны». Из этих слов напрашивается вывод о том, что рыночная реформа цен в Китае не только не повышает, но наоборот – снижает степень прозрачности механизма ценообразования. Кроме того, подконтрольные центральным и местным партийно-государственным органам предприятия – как производители, так и потребители – не заинтересованы в повышении прозрачности ценообразования, да и вообще не торопятся оформить договорные отношения, так как вполне понимают: садиться и договариваться должны не они, а партийно-государственные боссы центрального и местного

¹ Последнее, впрочем, вообще вряд ли когда существовало в КНР. Впрочем, об этом речь впереди.

правительств. В этой связи принципиально важным обстоятельством является то, что «новую временную цену» на уголь объявило именно правительство провинции, а не руководство угольных холдингов и, тем более, не руководство шахт. И это происходит не смотря на то, что в условиях «свободного ценообразования» на уголь определять цену, по крайней мере, теоретически, должны непосредственные производители. Договоренность же между центральными и местными партийно-государственными боссами определяется в решающей степени не расчетом издержек, а задачами поддержания высоких темпов экономического роста и консолидации собственных доходов, от которых в конечном итоге и зависит этот разогреваемый госинвестициями экономический рост.

Вернемся, однако, к описанной «битве угля с электричеством» и обобщим ее основные параметры.

Во-первых, все основные герои драмы – и провинциальные угольщики-монополисты, и расположенные в провинции электростанции центрального подчинения - являются представителями важнейших как для Шэньси, так и для страны в целом отраслей промышленности. Как сказали бы ныне у нас – представителями «системообразующих» отраслей.

Во-вторых, и те, и другие являются государственными предприятиями, принявшими форму акционерных компаний, входящих в состав холдингов, учредителями которых выступают соответственно местные и центральные партийно-правительственные структуры. С юридической точки зрения, право на учредительство последние получили от местных и центральных комитетов

по управлению государственным имуществом. Причем как в случае с угольщиками, так и с электроэнергетиками, доля государства в холдингах и дочерних АО стремится к 100%.

В-третьих, и первые, и вторые, несмотря на впечатляющие темпы роста объемов производства, являются хронически убыточными.

В-четвертых, не будучи включены в директивно-распределительную вертикаль (которой уж много лет как не существует), не прибегая к услугам товарно-сырьевой биржи, страдая от тяжелого долгового бремени, наши герои, судя по всему, не особо заинтересованы в прозрачности ценообразования и относительно долгосрочных ценовых ориентирах.

В-пятых, «раунд» произошел между «боксерами» разных весовых категорий в том смысле, что цены на уголь были «уже освобождены», а цены на электроэнергию – «еще регулируемы».

В-шестых, спусковым крючком резкого обострения в отношениях между угольщиками и электроэнергетиками в провинции Шэньси в начале 2009 года стало одностороннее решение провинциального правительства о введении новой «временной» цены на уголь, превышающей предыдущую «временную» почти в два раза. Таким образом, местные институты партийно-государственной власти имеют права и возможности определять параметры «уже освобожденных» цен. Конфликт выплеснулся в виде взаимных обвинений и острых дискуссий на заседаниях и – в особенности – в кулуарах очередной сессии местного СНП, благодаря чему и стал доступным для прессы и непосвященных. Вместе с тем, как выясняется,

такая «инициатива» властей провинции в области ценообразования диктовалась, в сущности, политическими соображениями, вытекающими из логики действия партийно-государственной и территориально-административной вертикали. Руководящие органы в Сиани были озабочены консолидацией собственной налоговой базы, увеличением поступлений и созданием финансового задела, объемы которого соотносились бы с задачей удержания высоких темпов роста ВВП провинции, контрольные цифры которого были утверждены в ходе сложного и непрозрачного торга с центральным правительством. Выполнение этих контрольных цифр стало и обязательством и делом политического престижа для провинциального руководства, ключом к возможному получению от Пекина в будущем различного рода административных, финансовых и иных бонусов. Не удивительно, что Пекин, осознающий неразрешимость многолетних долговых тяжб между компаниями и заинтересованный в стимулировании темпов увеличения ВВП (политическая установка: Китай – локомотив роста в условиях глобального спада!), встал, по существу, на сторону провинциального правительства.

Кроме того, нельзя пройти мимо того обстоятельства, что местным властям Шэньси удалось неким образом монополизировать не только добычу угля в провинции, но и его доставку потребителям на ее территории. Абсолютное большинство поставок угля в Шэньси идет по железной дороге. Между тем, железнодорожный транспорт в Китае – по крайней мере, официально – является централизованно регулируемой естественной

монополией. Очевидно, те участки вагонных путей, которые идут от шахт к электростанциям, оказались в силу тех или иных причин, более послушны стрелочникам из Сианя, а не из Пекина.

В-седьмых, цифра в 385 юаней за тонну угля является лишь нижней границей цены, за которой фискальные и инвестиционные планы правительства Шэньси обречены на провал. Несомненно, эта граница также являлась предметом торга между местным правительством и представителями угольщиков. Потолок цены, как «уже освобожденной» в ходе реформы ценообразования, не был и не мог быть определен. Мы видели, что сделки между конкретными производителями и потребителями угля могут заключаться по ценам, превышающим заявленный «временный» уровень в разы. Здесь в свои права вступают издержки, спрос и предложение, а проще говоря - рынок.

И, наконец, следует помнить, что такого рода «весенние обострения» случаются в Китае ежегодно.

Думается, что описанная «угольно-электрическая коллизия» в своих основных параметрах является «рыночным социализмом с китайской спецификой» в миниатюре. Здесь и впечатляющие темпы роста, и партийно-административная вертикаль с характерным стилем регулирования, и высокая степень финансово-экономической автономии местных правительств, и идущая, но все никак не завершающаяся реформа ценообразования, и акционерная собственность, и частное предпринимательство (ведь есть в Шэньси и частные шахты, поставляющие

уголь электростанциям), и всеобщая взаимная задолженность астрономических масштабов, и, так сказать, «рыночные отношения».

Но что это за рынок? Каковы его место и функции в данном переплетении подконтрольных компартии административных иерархий, холдинговых вертикалей и смешанной, а точнее, не очень прозрачной структуры собственности? Каковы внутренняя логика и возможные тенденции развития такой модели политико-экономических отношений? Попробуем разобраться.

Глава 1

Партийное государство ленинского типа и проблема его реформирования.

Даже частичное знакомство с океаном мировой научной и публицистической литературы по истории и современности партийного государства в КНР создает устойчивое ощущение дежа-вю у тех читателей, кому известна историография «советологии». То есть, история становления и эволюции концептуальных подходов западной науки (прежде всего, в США, ФРГ и Франции) к изучению «систем ленинского типа» в бывшем СССР и соцстранах Восточной Европы. С одной стороны, это естественно, так как вплоть до второй половины 80х годов XX века основные направления в изучении КНР на Западе, так или иначе, питались методологическими наработками «коллег-советологов». Одновременно, статьи таких крупных китаеведов – историков, политологов, культурологов и экономистов - как Л.Пай [1968], Р.Макфаркар [1958, 1960], Д.Пауэлл [1968, 1971] печатались в ведущем «советологическом» журнале «Problems of Communism», который также регулярно публиковал обзоры и рецензии научной литературы по проблемам развития КНР. С другой стороны, однако, необходимо иметь в виду, что со второй половины 80х годов, а тем более в 90е годы, после громогласно объявленного на страницах все того же «Problems of Communism» «конца советологии», методологическая и аналитическая связь между «советологами» и исследователями КНР на Западе оборвалась. Крах

СССР и «советского блока» на Востоке Европы и, одновременно, бурный экономический рост в КНР, обусловивший то явление, которое в мировой литературе называют ныне «подъемом Китая», казалось бы, должны были окончательно развести теории и оценки бывшей «советологии» и нынешнего «КНРоведения». Очень многие среди современных специалистов по социально-политическому и экономическому развитию КНР (как на Западе, так и в России) и вправду, либо недостаточно хорошо знакомы с научным наследием «советологии», либо не приемлют его по мировоззренческим и идеологическим причинам и, в силу этого, склонны относиться к нему весьма критически. [Бородич, 2008; Титаренко, 2009; Leutner, 1996; Lieberthal, 2003; Nolan 1992, 2004; Pei, 1993; Sullivan, 1995; Weggel, 1999; White, 1993]. Однако, даже после разрыва «советологической» пуповины, содержание, характер и эволюция научного и политического дискурса в современном КНРоведении удивительным образом воспроизводят таковые в канувшей в Лету «советологии». С нашей точки зрения, это обстоятельство указывает не только на типологическое сходство объектов изучения «советологии» и «КНРоведения», но и на сходные тенденции внутренней эволюции этих объектов. Учитывая определенную историческую ретроспективу, можно с уверенностью утверждать, что ключевым объектом изучения и «советологов», и специалистов по Китайской Народной Республике были и остаются, так или иначе, место, функции и внутренняя эволюция партийного государства «ленинского типа». Партийное государство – важнейшая институциональная и практическая скрепа систем «ленинского типа». В этом

отношении в мировой науке достигнут консенсус. Однако характер и эволюция такого государства являлись предметом острых дискуссий в бывшей «советологии», и остаются таковым в нынешнем «КНРоведении». В контексте нашего повествования было бы, думается, уместно провести краткий обзор и сопоставление основных концепций партийного государства «ленинского типа» и его внутренней эволюции в «советологии» и в китаеведении. Это позволит наглядно продемонстрировать семантическую близость обоих дискурсов и, учитывая исторический и научно-методологический опыт «советологии», возможно, поспособствует в некоторой степени отделению зерен от плевел в исследовательских подходах современных специалистов по КНР. Попытки такого сравнительного обзора, насколько нам известно, не предпринимались ни в отечественной, ни в зарубежной литературе.

«Советология» и «КНРоведение» о партийном государстве «ленинского типа» и его внутренней эволюции

В 1992 году известный американский историк Мартин Малиа в статье «Из-под обломков. Что дальше?» - своего рода эпитафии на «советологию», опубликованной в последнем номере журнала «Problems of Communism», провозгласившем «конец советологии», писал: «Советология развивалась как попытка применения универсальных методологий общественных наук к [изучению] коммунистического мира. Она рассматривалась как часть

«специальных исследований» ... регионов мира. Сначала это произошло в университетах США, а впоследствии было скопировано в Западной Европе. В настоящее время ее результаты экспортируются в пост-коммунистические страны. Мы [профессиональные советологи] обязаны информировать ученых в этих странах о том, что же они от нас получают». [Malia, 1992, p. 94] Это было, так сказать, подведение итогов. А начало следует, пожалуй, отнести к ноябрю 1939 года, когда другой американский историк Карлтон Хайес прочитал в Философском Обществе США лекцию «Новизна тоталитаризма в истории Западной цивилизации», в которой впервые обобщил ключевые, с его точки зрения, особенности «тоталитарной» модели социально-политического устройства:

1. Монополизаций всех властей в обществе
2. Мобилизация массовой поддержки
3. Использование современных технологий в области образования и пропаганды
4. Неконтролируемое использование силовых методов [Tucker, 1963, p. 29-30]

Классик изучения социально-политической антропологии «тоталитарного» правления Ханна Arendt уже после второй Мировой войны указала на то, что эти монополизация и мобилизация принимают специфическую институциональную форму партийного или партократического государства. [Arendt, 1951] «Если в рамках традиционной автократии или авторитарного режима основным инструментом

политического господства остается государство, выступающее ядром политической системы, то тоталитаризм в этом отношении является своего рода исключением. Государство утрачивает значительную долю собственной значимости, поскольку используется партией только в качестве внешнего фасада, прежде всего для осуществления представительства во внешнем не тоталитарном мире. За этим фасадом действуют реальные величины – партия и репрессивные органы. Причем роль секретной полиции выходит далеко за рамки поддержания status quo в традиционных деспотиях. Она становится важным, если не решающим инструментом в революционном процессе создания «нового человека» и строительства нового социального порядка. А значимость всепроникающих партийных суперструктур, их функциональная нагрузка и реальные властные полномочия оставляют позади себя государственные институты. Применительно к тоталитарным системам, поэтому оказывается вполне правомерным говорить о доминировании партии в связке партия-государство и даже о поглощении партией государственных институтов». [Работяжев, Соловьев, 2005, с. 66]

Такая партия, с точки зрения своей внутренней организационной структуры, строилась согласно сформулированному В.И.Лениным принципу «демократического централизма» и по известному из устава КПСС «территориально-производственному признаку», означавшему наличие и руководящее положение партийных организаций, как на производстве, так и в территориально-административных единицах. Именно поэтому впоследствии в мировой литературе за подобными политико-

административными конструкциями закрепилось наименование «системы ленинского типа».

К.Фридрих и З.Бжезинский – авторы еще одного претендующего на фундаментальность исследования «тоталитарной системы» в 50е годы XX века - сформулировали следующие базовые черты, присущие таким государствам:

1. Развернутая идеология, охватывающая все жизненно важные стороны человеческого бытия, сфокусированная на некоем совершенном состоянии общества.

2. Возглавляемая одним человеком единственная массовая партия, чье ядро безраздельно предано идеологии, которая либо стоит над бюрократической государственной организацией, либо слита с ней.

3. Система террористического полицейского контроля, поддерживающего партию и осуществляющую контроль над ней самой в интересах ее лидеров и использующих при этом достижения современной науки, в частности, психологии.

4. Технологически обусловленный и почти полный контроль над средствами массовой информации и коммуникации.

5. Аналогичный контроль над эффективными средствами вооруженной борьбы.

6. Централизованный контроль и руководство всей экономикой посредством бюрократической координации ее ранее независимых составных частей, распространяемый на большинство других общественных

организаций и групп. [Friedrich, Brzezinski, 1962, p.15; Работяжев, Соловьев, 2005, с. 72]

Впоследствии определением, описанием и уточнением базовых черт «тоталитарной системы» занимался целый ряд исследователей [Арон, 1993; Работяжев, Соловьев, 2005; Linz, 1975; Schapiro, 1972; Spiro, 1968], однако точкой отсчета для них практически неизменно служили тезисы К.Фридриха и З.Бжезинского.

Работы Л. Фон Мизеса, Ф. Хайека, Й. Шумпетера, Я.Корнаи, М.Чанади и ряда других авторов, написанные в разные годы XX столетия, значительно конкретизировали и обосновали, в частности, нерыночный характер монопольного контроля партийного государства в сфере экономики.

Что касается китаеведения в 50-60 годы XX века, то подходы сторонников ранней «тоталитарной» концепции в «советологии» нашли более или менее целостное отражение в монографиях и статьях Р.Волкера [Walker, 1955], Ю.Глюкштайна [Gluckstein, 1957], Р.МакФаркара [MacFarquhar, 1958], М.Майснера [Maisner, 1967], Д.Пауэлла [Powell, 1968], В.Ростову [Rostow, 1954], П.Тана [Tang, 1957], Дж.Таунсенда [Townsend, 1970], Дж.Хадсона [Hudson, 1956], Б.Шварца [Schwartz, 1954]. Несомненное влияние «советологической» концепции тоталитаризма в те годы испытали такие известные синологи, как Ф.Шурманн [Schurmann, 1971], Ф.Тайвес [Teiwes, 1979] и Л.Пай [Pye, 1968], впоследствии, однако, не ассоциировавшие себя с этой теорией в полной мере.

Следует отметить, что в 50е годы XX века – в разгар «холодной войны» - когда «тоталитарная» концепция стала методологически господствующей в молодой «советологии», ее понятийный аппарат стал широко использоваться во внешнеполитической риторике США. В частности, в марте 1954 года Госсекретарь США Дж. Фостер Даллес говорил в столице Венесуэлы: «Мировой коммунизм является...политической организацией, управляемой лидерами Коммунистической партии Советского Союза. Тоталитаризм представляет собой не теорию, не доктрину, но агрессивную и решительную политическую силу, поддерживаемую огромными ресурсами и находящуюся на службе у самой безжалостной империи современности». Этот отрывок его выступления был тут же опубликован на первых страницах весеннего выпуска журнала «Problems of Communism», позиционировавшего себя как сугубо научное издание. Мотивируя публикацию столь резкого идейно-политического заявления, редакция журнала поясняла: «Это [выступление] больше, чем просто заявление по вопросам американской внешней политики. Это, фактически, исследование политики мирового коммунизма». [Problems of Communism, 1954, № 3, p. 1-2] Такая отчасти вольная, отчасти невольная идейно-политическая ангажированность концепции «тоталитаризма» вкупе с другими ее научно-методологическими неточностями вскоре сослужила ей плохую службу, восстановив против «тоталитарной школы» целый фронт леволиберальных и левых критиков в западном научном и политическом сообществе.

Кризис «тоталитарной» концепции в ранней «советологии» в полной мере стал ощутим уже к началу 60х годов. В научно-аналитическом плане его квинтэссенция заключалась в том, что «предполагаемое всевластие тоталитарного правления заставляло воспринимать все политические решения [в этой системе] как прямой результат решений на самом верху, не принимая во внимание их исполнение конкретными и конкурирующими бюрократическими аппаратами. Также вне поля зрения оставалась сфера взаимодействия между политикой и обществом. Такой подход становился все более проблематичным перед лицом «десталинизации» и открывшейся новой информации о коммунистических системах. При таких обстоятельствах критическая переоценка классической тоталитарной теории не являлась «политически мотивированной», но отразила рост эмпирических, теоретических и методологических знаний». [Mueller, 1997, p.14] Концепция «тоталитаризма» в духе Х.Арендт и К.Фридриха с З.Бжезинским (при всей огромной мировоззренческой разнице между этими исследователями) представлялась теперь едва ли не метафизическим описательством, которое следовало опровергнуть с помощью методов социологического анализа, применив их к изучению «коммунистических обществ». Часть либеральных и большинство левых критиков теории «тоталитаризма» на Западе делали и ныне продолжают делать акцент на том, что отказ от господствовавших в 50е годы «консервативных» подходов был вызван исключительно научными причинами. Современный политолог Д.Херспин, в частности, пишет: «Необходимо помнить, что основная причина отказа экспертов в США от

тоталитарной модели или от взглядов, предлагавшихся русскими эмигрантами [первой и второй волны], состояла в том, что и то, и другое плохо справлялось с задачей объяснения перемен в советской политической системе после смерти Сталина». [Hersping, 1992. p.115]

Оппоненты «социологической школы», в частности, известный американский политолог А.Мотыль, указывали, что после отказа от «тоталитарной» концепции «советология» 60-80х годов XX века «погрязла в бихевиоризме, то есть стала, по сути, лишь механически реагировать на всякое новое вбрасывание информации о советских системах. Всем известная «кремленология» - блестящий тому пример!» [Motyl, 1993, p. 78]

Причины этого явления, по мнению исследователя, сводились к тому, что, во-первых, на рубеже 50-60х годов резко возрос поток информации о положении в СССР и других социалистических странах. В этих условиях довольно примитивная фактология очень быстро заменил собой научно-методологический. Во-вторых, задачи для исследований в области «советологии» ведущим аналитическим центрам и университетам ставили государственные органы, заинтересованные не в теоретических разработках, а в прикладных «непредвзятых» рекомендациях. В-третьих, свой вклад внесли средства массовой информации «с их поиском жареных фактов, увлечением всем необычным и экзотическим, стремлением избежать историзма, систематизации, сравнительного анализа». [Motyl, 1993, p. 80-81]

Забегая немного вперед, отметим, что это описание в огромной мере совпадает с той ситуацией, которая сложилась в современном китаеведении в

плане оценки процессов реформ в КНР. На лицо резкий рост потока информации, не проясняющей, как говорилось выше, общей картины, а также стремление к «непредвзятым подходам» и – одновременно – журналистская «жажда экзотики».

Почти через два десятилетия, на базе накопленного исторического и историографического опыта, в 1983 году Рональд Амман предложил разделить теории «советологии» на две группы:

Теории группы «А» - теории «социального контроля», исходящие из примата государства (в системах «ленинского типа»). Ключевыми здесь выступают концепции «тоталитаризма» и «нео-традиционализма» (воспроизводства системами «ленинского типа» ряда традиционных форм политической интеграции общества [Pipes, 1954, 1989, 1995]). Данные теории представляли системы партийных государств «ленинского типа» построенными «сверху вниз» - по воле элит партии-государства путем насилия.

Теории группы «Б» - «теории социального контракта», «теории социально-экономического метода». Ключевыми здесь выступают теории «экономического роста», «модернизации», «конвергенции». Данные теории представляли системы партийных государств «ленинского типа» как продукт консенсуса между партийно-государственными элитами и значительными группами в обществе, базирующегося на социальной пассивности, маргинальном характере протестов, авторитаризме и конформизме общественно-политической культуры, а также на социально-экономических

достижениях и общественно-политических «лифтах», созданных за годы правления коммунистических партий. [Amman, 1983, p. 477-478]

Именно теории группы «Б» получили явное преимущество в «советологии», начиная с рубежа 50-60х годов и вплоть до краха восточно-европейского социализма, распада СССР и «конца советологии» в 1989-1992 годах.

Сторонники теорий «экономического роста» и «модернизации» делали акцент на высоких темпы роста ВВП экономик социалистических стран и социально-экономических последствиях этого роста в плане формирования в этих странах «современных индустриальных обществ». Сторонники теории «конвергенции», по сути дела, доводили аргументы адептов «экономического роста» и «модернизации» до логического конца и утверждали, что «сложные, современные индустриальные общества должны иметь демократические политические системы. Автократия и авторитаризм не в состоянии справиться с управлением современным обществом. Общества с аналогичными или сходными экономическими и социальными системами должны иметь сходные политические системы». [Huntington, Moore (ed.), 1970, p.4; Gailbraith, 1967; Kerr, 1962; Marcuse, 1958; Parsons, 1960; Sorokin, 1944] Отсюда следовал вывод о возможности и вероятности в некоторой исторической перспективе конвергенции (то есть превращения в типологически однородные) социально-экономических и политических систем СССР и США.

Некоторые западные наблюдатели усмотрели в реформе хозяйственного механизма в СССР 60х годов даже движение в сторону госкапитализма. [Cliff, 1963; Goldman, 1968]

То обстоятельство, что в процессе индустриализации в СССР действительно были достигнуты многие показатели, которые обычно применяют как универсальные характеристики степени модернизации (высокие темпы экономического роста и инвестиционных накоплений, урбанизация и социальная мобильность, всеобщая грамотность и элементы социального государства), отодвигало на второй план, если не дальше, проблематику партийного государства «ленинского типа». В отношении последнего многие сторонники теорий группы «Б» пришли к весьма своеобразным умозаключениям. Основоположник теории стадий экономического роста В.Ростову, к примеру, писал: «Коммунизм является лишь бесчеловечной формой политической организации, способной инициировать и поддерживать процесс экономического роста в таких обществах, где стадия предпосылок к взлету [экономического роста – по теории Ростову] не создала значительного коммерческого среднего класса...Это своего рода болезнь, которая может заразить переходные общества...» [Rostow, 1967, p. 164]

Исследователь политической социологии Д.Каутски был убежден, что «коммунистические системы не имеют никаких особых отличительных характеристик, кроме политико-государственных символов [созданных ими самими]». Характерные черты, которые им приписывала теория

«тоталитаризма», по мнению автора, можно было найти во многих других системах. Ключевое различие, считал Каутски, пролегает между «развивающимися» («мобилизационными») режимами, некоторые из которых исповедуют коммунистическую идеологию, и режимами «развитыми» («адаптационными»), в число которых автор включал как индустриальные социалистические страны, так и западные либеральные системы. Базовый критерий «развитости» - степень индустриальной модернизации. [Kautsky, 1973, p.34-63] Ему вторил либеральный социолог А.Майер: «Нет такой вещи, как советская политическая система. Есть последовательная замена систем, отличных друг от друга по целям, структурам и функциям». [Meuer, 1965, p. 8-9]

Американский историк Р.Такер, в свою очередь, прямо писал: «...концепция «тоталитаризма» не способствовала прогрессу в сравнительном изучении тех форм автократии, которые появились в текущем столетии. Иными словами, тоталитарная диктатура не является каким-либо новым политическим явлением. Новое в XX веке – это революционные режимы, основанные на массовых движениях под однопартийной опекой». [Tucker, 1963, p. 7-8] Далее автор утверждал, что такие общественные системы, как Россия при Ленине, Китайская Республика при Чан Кайши, КНР при Мао Цзэдуне, Турция при Кемале Ататюрке и Египет при Насере есть, в сущности, части одного общественно-политического континуума. Впрочем, большую проблему для Такера – добросовестного исследователя - представляли, говоря его собственными словами, как ленинская

«беспощадная диктатура одной партии», так и «метаморфоза ленинизма в сталинизм как эволюция массового революционного режима». «Режим большевистской партии в России [при Ленине] был настолько авторитарен, что он был заменен автократией Сталина без осознания внешним миром того, что произошло нечто значительное». [Tucker, 1963, p.41] В сталинском режиме историк уже склонен был видеть «элементы настоящего тоталитаризма», однако все же не нашел оснований поддерживать тогда эту «не способствующую прогрессу» теорию.

Обобщая социально-политические перемены в системах «ленинского типа» после смерти Сталина, американский политолог А.Леви отмечал: «Имеет место уход от массового террора, восстанавливается до некоторой степени личная безопасность и уважение к закону. Инвестиции перераспределяются в пользу производства предметов потребления, что влечет некоторый рост уровня благосостояния. Имеет место постепенное улучшение в отношениях между политическими элитами и интеллигенцией. В высшем эшелоне партийного руководства начались более свободные дискуссии, что привело к формированию олигархической формы принятия решений». [Levi, 1969, p. 138-139] Другой исследователь Р.Левенталь приходил к концептуальному заключению, что «...компартия не может больше претендовать на использование государственной власти для преобразования общества в соответствии со своими утопическими целями. Она понимает, что должна реагировать на требования общества. Поскольку она уже более не в состоянии продолжать свое революционное наступление,

но и не готова ограничить себя до пределов представительства отдельных социальных сил, постольку компартия не является ни тоталитарной, ни демократической. Превратившись, по своей сути, в авторитарную, она занимает обороняющиеся позиции по отношению к силам автономного общественного развития. Компартия подобна опекуну, который цепляется за свою роль в то время, когда ее опекаемый уже заметно повзрослел». [Loewenthal, 1971, p. 114-115]

Попыткой до некоторой степени совместить позиции сторонников теорий «А» и «Б» стало выдвижение Г.Скиллингом концепции борьбы «групп интересов» в советском партийно-государственном аппарате. [Skilling, 1966, p.435-451; 1970, p. 120-150] С точки зрения политолога, такие «группы не только существуют, но и выдвигают ряд политических идей, с которыми вынуждена считаться и которые учитывает при формировании политического курса советская правящая элита». [Работяжев, Соловьев, 2005, с.107] Дж.Хьюг, опираясь как на подходы Скиллинга, так и его оппонентов [Odom, 1976, p. 542-567; Schwartz, Kech, 1968, p. 840-851; Griffiths, 1971, p. 300-324] разработал теорию «институционального плюрализма» в системах «ленинского типа», полагая, что «группы интересов» имеют тенденцию к консолидации вокруг реально существующих в «советских системах» общественно-политических институтов. [Hough, 1979, p.37-60]

Подобные подходы создали почву для описания партийно-государственных режимов советского типа в категориях корпоративизма [Schmitter, 1974, p. 100; Bunce, 1983, p.13-15; Bunce, Echols, 1980] и

«классической бюрократической политики» [Kassof, Hough, 1977; Meyer, 1965, p. 468] А.Майер, к примеру, уподобил весь СССР «огромной бюрократии, сравнимой по своей структуре и функциям с огромными корпорациями, армиями или правительственными агентствами». [Mayer, 1965, p. 480]

С середины 70х годов как сторонники теорий группы «А», так и группы «Б» испытывали значительное влияние концепции «бюрократического авторитаризма» с ее повышенным вниманием к роли технократических элит и силовых структур. [O'Donnell, 1973]

В ход шли даже экзотические сравнения КПСС и других компартий в соцстранах с «партиями альпинистов, связанных между собой одной веревкой. Такого рода связи ... смягчают жесткость правил и помогают в разрешении конфликта интересов...». [Josza, 1983, p. 169] В рамках этих концепций для объяснения внутренней социально-политической и хозяйственной механики СССР и других соцстран широко применялись теории коммуникативной зависимости [Hoffmann, 1969; Mickiewicz, 1985] и отношений по принципу патрон-клиент [Pye, 1985, p. 27].

Концептуально-методологическая неразбериха в типологии «советских» систем и в оценках перспектив их развития нарастала и к началу 70х годов XX столетия кое в чем приобрела черты научного гротеска. Так, тот же Скиллинг, например, писал о четырех типах коммунистических режимов:

1. «Квази - тоталитаризм», характеризующийся тотальной политико-экономической властью и жестким подавлением или манипулированием оппозицией. СССР при Сталине, КНР в период культурной революции, Польша, Венгрия, ЧССР, Румыния в 1948-1954 годах.

2. «Консультативный авторитаризм». Позиции компартии в политической системе и в обществе остаются неизменными, однако происходит ослабление террора, рост институционального плюрализма и фракционности в партийном руководстве, а также «технократизации» политических элит. Такое состояние имеет место в СССР в период Хрущева и раннего Брежнева, а также в европейских соцстранах, кроме Румынии, после смерти Сталина.

3.«Квази – плюралистический авторитаризм». В этом состоянии происходит усиление конфликтов между группами интересов и рост их влияния на принятие политических решений. Лидирующая роль партии, однако, по-прежнему не меняется. Это характерно для Венгрии и Польши в середине 50х годов, для СССР в период активной «оттепели» при Хрущеве, а также для ЧССР и вновь для Польши в 60е годы.

4. «Демократизирующий и плюральный авторитаризм». Таким образом, по мысли автора, следует описывать процессы в ЧССР с января по август 1968 года, в Венгрии в 1956 году, в СФРЮ после 1966 года. [Skilling, 1970, p. 123-126]

Знакомство с этой классификацией невольно наводит на мысль о справедливости высказанных впоследствии А.Мотылем критических

замечаний относительно «методологической несостоятельности» и «бихевиоризма советологии» тех лет, оказавшейся не в состоянии научно «переварить» поток информации о состоянии и развитии «советских систем».

Что касается китаеведения, то во второй половине 50х годов на страницах журнала «Problems of Communism» вспыхнула довольно острая концептуальная полемика между двумя британскими китаеводами Ю.Глюкштайном и Р.Макфаркармом. Первый сначала в своей монографии, а затем в статье высказался в том смысле, что «жестокость коммунистического режима в Китае» обоснована экономической необходимостью модернизации... «еще более чем в России после 1917 года». Маоистский «тоталитаризм» вызван к жизни хозяйственными и социальными причинами, а не «коммунистической доктриной». [Gluckstein, 1957, p. 253] Макфаркарм возражал, отмечая, что в 20е и 30е годы КПК контролировала самые отсталые районы Китая и не осуществляла никакой индустриализации. Тем не менее, ключевые принципы ее власти и проводимой ею массовой общественной мобилизации, были тоталитарными. Таким образом, делал вывод Макфаркарм, «тоталитарная сущность режима отнюдь не связана с задачами индустриализации». [MacFarquhar, 1958, p. 4]

В целом, отход от тоталитарной концепции в начале 60х годов и, одновременно, сомнительная применимость теорий «модернизации» и, тем более, «конвергенции» для объяснения и характеристики событий периода маоистской культурной революции, привели в западном китаеведении к не менее хаотическому и реактивному, чем в советологии, научному поиску.

Используемые в эти годы и, отчасти, впоследствии основные модели анализа и типологии политической системы КНР можно, с нашей точки зрения, описать следующим образом.

1.«Круглый стол в духе Яньани» - единство идейно-политических ценностей и позиций лидеров КНР, относительная стабильность в отношениях между ними, своего рода «союз друзей и единомышленников» без серьезных внутренних конфликтов. Такая модель была, с точки зрения ряда западных исследователей, характерна для КПК в период прихода к власти в Китае. [Compton, 1952; Lancelot, 1961]

2. Политическую систему КНР вплоть до конца 50х годов XX века, по мнению отошедшего от теории тоталитаризма Ф.Шурманна, следовало описывать в категориях структурно-функциональной теории в духе Т.Парсонса. Ф.Шурманн писал о почти совершенном единстве идеологии и организации в коммунистическом Китае. «Дружеские отношения» лидеров периода гражданских войн и борьбы за власть сменились бюрократической соподчиненностью. Относительное единство политической линии и организационная дисциплина создали эффективную и целеустремленную бюрократию. [Schurmann, 1966]

3. События Большого скачка и, впоследствии, культурной революции позволили некоторым исследователям предложить маоистско-революционную модель политической системы КНР, предполагавшую замену организационной структуры «сверху» массовым участием «снизу». [Schwartz, 1966; Meisner, 1977; Paulenz, 1975]

4. Модель «смены поколений» в китайской политике стремилась пояснить внутренние причины «стадиальной эволюции» маоизма. [Rostow, 1954; Barnett, 1974]

5. Во второй половине 60х и вплоть до настоящего времени значительное место в КНРоведении отводится т.н. «фракционной» модели политической системы КНР, в основу которой положено изучение различных групп интересов в китайских политических элитах, закономерностям их формирования, динамике развития и конфликтности. [Whitson, 1973; Nathan, 1976; Domes, 1973; Byung-joon, 1976; Hong, 1978; Pye, 1981]

6. Модель «бюрократической *политии*», предложенная для анализа политических процессов в КНР после 1949 года известным американским китаистом Л.Паем [Pye, 1981; 1985], была заимствованная последним из работ К.Джексона по политической истории Индонезии. [Jackson, 1978] Пай полагал, что модели групп интересов, институционального плюрализма и структурного функционализма в духе Парсонса, Скиллинга, Хьюга и Шурманна не подходят для анализа политических процессов в КНР в силу чрезвычайно низкой степени институционализации последних. «Бюрократическая полития» - это такая политическая система, в которой власть и участие в принятии политических решений ограничены исключительно кругом государственных служащих и ... офицерским корпусом ... Реальную власть получают через личное соревнование в кругах [политических] элит». [Jackson, 1978, p. 5] Неформальные связи и создаваемые на их основе подвижные фракции играют здесь ключевую роль.

Таким образом, Пай интегрировал «фракционные» подходы в модель «бюрократической политики». По мнению автора, некоторый поворот от «бюрократической политики» к «бюрократической политике» (читай, к «институциональному плюрализму») наметился в Китае лишь с переходом к экономическим реформам в начале 80х годов XX века. [Pye, 1981, p. 87-97; 1992, pp. 193, 207-208] Оппоненты Пая указывали, что модель «бюрократической политики», отчасти применимая к КНР 50х-начала 60х и рубежа 70-80х годов, плохо справляется с задачей объяснения феномена массовой мобилизации периода культурной революции. [Schran, 1971; 1982]

В целом, для западного китаеведения 60-70х годов XX века был характерен постепенный переход от «консенсусных» к «конфликтным» моделям объяснения и типологии политического процесса в КНР. Одновременно снижались интерес и внимание к проблематике структуры и функций институтов партийного государства «ленинского типа». Наряду с общим для советологических исследований тех лет разочарованием в концепции «тоталитарных институтов», дополнительным аргументом в пользу этого у китаеведов явились, думается, хаос и полупаралич этих структур в КНР в 60-70е годы.

На рубеже 70-80х годов – в контексте отхода китайского руководства от характерных для радикального маоизма практик массовой мобилизации – в западном китаеведении вновь возник интерес к институтам политической системы КНР и к их типологии. Некоторые исследователи склонны были определять политическую систему КНР после смерти Мао Цзэдуна,

разгрома «банды 4х» и начала экономических реформ, как «авторитарную». [Harding, 1982, p. 243; Oksenberg, Bush, 1982, p. 19] Логика этого определения, вызванная снижением уровня политического насилия в Китае, переходом КПК к «коллективному руководству» и поиском ею каналов обратной связи с обществом, была вполне аналогичной той, что привела в свое время Р.Левенталя к характеристике КПСС 60-х годов как «авторитарной партии».

В 80е годы, по мере консолидации позиций Дэн Сяопина и развертывания экономических преобразований, появились исследования структуры и механизмов политической системы КНР через призму «бюрократической политики» (bureaucratic policy approach). Сторонники такого подхода также были склонны определять режим КПК как «авторитарный», «автократический». [Harding, 1981; Lieberthal, Oksenberg, 1988]

Что касается советологии, то авторы и сторонники теорий группы «А» перешли в 60-е - первой половине 80х годов на оборонительные позиции, стремясь одновременно усовершенствовать свои подходы, соотнести их с новыми реалиями систем «ленинского типа». З.Бжезинский формулирует более четкое определение «тоталитаризма»: «...это система, в которой технологически продвинутые инструменты политической власти применяются без всяких ограничений централизованным руководством...с целью осуществления тотальной социальной революции...на основании определенных произвольных идеологических постулатов, провозглашенных

этим руководством в атмосфере принудительного единства всего населения». [Brzezinski, 1962, p. 19-20] Автор допускал, что такая система вполне может быть рационалистической и технократической с точки зрения своих средств, однако остается иррациональной с точки зрения провозглашаемых целей. Выражая сомнения в возможности социально-политической демократизации советского индустриального общества, он писал: «демократия предполагает определенную философскую традицию, фундаментальное отношение терпимости, отсутствие доктринального фанатизма, иными словами, все то, что лишь косвенно относится к сфере «материального достатка» и то, что, думается, даже отдаленно не существует в советской реальности». [Brzezinski, 1962, p. 27]

Ряд исследователей сформулировали концепции «административного тоталитаризма» [Kassof, 1969] и «рационализированного тоталитаризма» [Cocks, 1970].

Известный историк Р.Конквест писал о том, что фундаментальные основы сталинизма в СССР остаются нетронутыми. По-прежнему КПСС монополизировала политику, идеологию, право, экономику, социальную и территориальную мобильность, по-прежнему низок уровень реального потребления, а крестьянство является «коллективизированным рабом». «До тех пор, пока [положительный] образ Советского Союза затмевает все эти факты, он остается опасным миражем». [Conquest, 1962, p. 7-8]

Два года спустя З.Бжезинский и С.Ханингтон подвергли резкой критике теорию «конвергенции»: «Если не удастся доказать, что уже

произошли или происходят существенные сдвиги **в развитии отношений между системой и обществом в США и СССР** или если невозможно доказать, что модели развития этих обществ фундаментально схожи, что лишь факт эволюции [советской системы] сам по себе не делает конвергенцию вероятной». [Brzezinski, Huntington, 1964, p. 436]

Серьезным сомнениям были подвергнуты положения сторонников теории «модернизации» о прямо пропорциональной зависимости становления институтов политической демократии и либерализации общественной атмосферы от степени индустриального развития и технологического прогресса. Советолог из ФРГ К. фон Бейме, основываясь на широком аналитическом сопоставлении европейских соцстран, писал в этой связи: «Если мы попытаемся обнаружить связь между показателями распространения средств коммуникации, образования и роста экономики в целом и степенью политической либерализации, то будем разочарованы. Градация социалистических стран с точки зрения степени их хозяйственного развития не имеет аналогии со степенью их общественно-политической свободы». [Beume, 1975. s. 333]

Экономист и политолог из США Д.Лэйн доказывал неуместность характеристики советской экономики после смерти Сталина как госкапиталистической: «Планирование заменило рынок, отсутствует производство для извлечения прибыли и для широких отношений обмена. Полная занятость ликвидировала «резервную армию труда» и создала иной

тип трудового процесса, принципиально отличный от такового при капитализме». [Lane, 1969, p. 63; 1985, p. 97]

В.Одом, как представляется, обоснованно усомнился в концепциях «групп интересов» Скиллинга и «советского корпоратизма» Шмиттера, критикуя преувеличенную этими авторами степень независимости общественно-политических субъектов советской системы от правящей компартии. [Odom, 1976, p. 542-567]

Фундаментальное обновление концепции тоталитаризма следует, однако, искать в работах С.Хантингтона, Кл.Мура и Х.Линца. Первые два автора, избегая употреблять окончательно скомпрометированный в западном обществоведении термин «тоталитаризм», писали о формировании в мире к середине XX века двух типов «однопартийных систем»: «слабых», или «ограничивающих политическое представительство», и «сильных революционных», или «ликвидирующих и ассимилирующих альтернативные общественно-политические силы». Ключевым критерием «слабости» и «силы» выступала степень монополизации источников политико-экономической власти. Примером «слабой» однопартийной системы для авторов выступила Испания периода правления Ф.Франко – «авторитарный режим», по терминологии, предложенной в более ранней статье Х.Линца. [Linz, 1970, p. 251-283] «Сильные революционные» однопартийные системы, по мнению авторов, характерны для стран с компартиями во главе, провозгласившими курс на строительство социализма. Внутренняя эволюция «слабых» систем приводит к постепенному отказу от монополии на власть и

к демократизации, т.е. к формированию законодательно закреплённого и ответственного общественно-политического плюрализма. Эволюция «сильных» однопартийных систем проходит три фазы:

1. Трансформация. На этой стадии происходит насильственный слом прежнего общественно-политического и экономического порядка и принудительная гомогенизация общественных отношений.

2. Консолидация. То есть установление единоличного превосходства партии как источника власти и легитимности, опирающегося на ортодоксальную идеологию. На этом этапе основной конфликт сосредотачивается вокруг отношений между харизматическим вождём и бюрократизированной партией-государством. В революционных системах власть вождя высоко персонифицирована, высшие лидеры зачастую вообще могут не занимать никаких формальных постов. Отсюда возникает стремление вождя, подогреваемое вполне обоснованными подозрениями в нелояльности партийной бюрократии, обратиться к массам через голову номенклатуры с целью мобилизации эгалитарного энтузиазма «низов» для укрепления легитимности собственной харизматической власти.

3. Адаптация. На этом этапе, как правило, после физической смерти харизматического вождя, ортодоксальная идеология в реальной жизни уступает место прагматическим и технократическим подходам, политическое руководство приобретает более «институциональные» формы и становится олигархическим, появляются явные различия в интересах группировок внутри партийно-государственных элит и обществе, а партийный аппарат

вынужден аккумулировать и регулировать эти интересы. Массовое участие в системе становится в меньшей степени продуктом идеологической мобилизации и в большей степени результатом бюрократических процедур. Характерный для фаз трансформации и консолидации масштабный «революционный» террор уступает место более «точечным» политическим репрессиям, призванным лишь поддерживать системное «статус-кво».

[Huntington, Moore (ed.), 1970, p. 6-45]

Таким образом, сторонники теории тоталитаризма попытались предоставить фундаментальную методологическую систему координат для понимания логики внутренней эволюции и стадиальности в развитии партийных государств «ленинского типа».

Следует отметить, что еще во второй половине 50х годов некоторые западные китаеведы – политологи и историки, пытаясь объяснить внутренние пружины советско-китайского конфликта, указывали на «несовпадение по фазам» общественно-политического развития между Китаем при Мао Цзэдуне и СССР периода раннего Хрущева. По мнению американца Г.Хадсона, «Китай, в отличие от СССР, в настоящее время [1955-1956 гг. – М.К.] не выходит из сталинизма естественным образом, а лишь входит в него по собственному образцу. Именно здесь истоки напряжения между Мао и Хрущевым, Советским Союзом и КНР». [Hudson, 1956, p. 21] Р.Макфаркар, по сути дела, предсказывая культурную революцию, писал в 1958 году: «В Китае, в отличие от СССР периода позднего Сталина, оппозиция в

отношении к Мао еще существует, так что основные «чистки» еще впереди».

[MacFarquhar, 1958, p. 6]

Дж.Таунсенд, сравнивая стадию «консолидации» в СССР и КНР, констатировал, что конфликт между харизматическим вождем и партийной номенклатурой имел различные институциональные последствия. В Советском Союзе Сталин, несмотря на беспрецедентную жестокость «чисток», не пошел на ликвидацию ВКП(б)-КПСС как структуры власти. Конфликт же между Мао Цзэдуном и КПК вылился во второй половине 60х годов в институциональное разрушение китайской компартии. Исследователь был склонен объяснять такое различие низкой степенью реальной институционализации КПК, в особенности на местах, огромной ролью армии в консолидации власти китайских коммунистов. Кроме того, для КПК в 40-50е годы была характерна чрезвычайно низкая кадровая мобильность в высшем эшелоне партийной власти. Позиции «верхушки» партии были недостижимы снизу. КПК, по словам Таунсенда, превратилась в «орудие в руках политической клики, группировавшейся вокруг Мао Цзэдуна. Господство этой клики серьезно ослабило партию как институт. В итоге, репрессии Мао Цзэдуна против высшего эшелона КПК привели к организационному параличу всей партии. «Монолит» КПК распался на различные властные группировки». [Townsend, 1970, p. 291-292] Тем не менее, исследователь прогнозировал, что «в перспективе вероятно восстановление системы однопартийной власти. КПК остается логичным инструментом для организации китайского общества в смысле

политического руководства им и выработки планов дальнейшего развития для страны». [Townsend, 1970, p. 306] К аналогичному выводу относительно наиболее вероятного будущего для разгромленной Мао Цзэдуном КПК приходил и Л.Пай. [Pye, 1971, p. 32-33]

В общем контексте советологического дискурса тех лет и с точки зрения интересующей нас здесь проблематики реформ в КНР наибольший интерес представляет, однако, именно стадия «адаптации» партийного государства «ленинского типа». Иными словами, в какой степени можно рассматривать эту стадию как фундаментальный отход от «революционно-террористических» практик «сильных однопартийных систем» времен господства откровенных социальных утопий? Возможно ли, вслед за Левенталем, определять «адаптирующиеся» коммунистические системы как «авторитарные»?

По нашему мнению, наиболее существенный вклад в разработку этой проблематики внес известный политолог из США Хуан Линц, предложивший и подробно обосновавший концепцию «пост-тоталитарного режима», содержательно аналогичного стадии «адаптации» по Хантингтону и Муру. Насколько нам известно, термин «пост-тоталитарная система» был впервые введен в оборот Р.Такером, «метавшимся» в 60е и 70е годы между теориями группа «А» и адептами «либеральной социологии». Такер писал: «Советская политическая система, после того, как, хотя бы частично, отбросила наследие сталинского террора, должна быть обозначена, по крайней мере, временно, как «пост-тоталитарная». [Taker, 1968, p. 571]

Работы Х.Линца конца 60х-90х годов XX века наполнили этот термин конкретным и структурированным содержанием. Характерно, что начинает Линц с экономической сферы, отталкиваясь от классификации хозяйственных систем «реального социализма», предложенных М.Монтиасом. Последний полагал, что эти системы следует делить на четыре типа: мобилизационные (СССР и КНР периода «ленинизма- сталинизма» и «радикального маоизма»), централизованно регулируемые (СССР и большинство европейских соцстран в 60-70е годы), децентрализованно регулируемые (КНР и СФРЮ) и «рыночно-социалистические» (на момент написания статьи Монтиаса – Венгрия и СФРЮ). [Montias, 1970, p. 219] Исторический опыт КНР периода Большого скачка, заметим, свидетельствует, что мобилизационный тип вполне может быть децентрализованно регулируемым. Линц пришел к выводу, что для «пост-тоталитарных» режимов характерно либо децентрализованно регулируемая, либо «рыночно-социалистическая» системы. [Linz, 2000, s. 241]

Далее автор пишет: «пост-тоталитаризм следует понимать, как определенный континуум [общественно-политических и экономических систем], который колеблется от «ранних» к «замороженным» и к «зрелым» формам. Ранний пост-тоталитаризм имеет много общего с тоталитарным режимом в зрелой фазе, но отличается от него ограничением или существенным видоизменением роли вождя [СССР в середине 50х годов]. «Замороженный» пост-тоталитаризм характеризуется сохранением и

отсутствием эволюции механизмов контроля над обществом со стороны партии-государства при дозированной терпимости к некоторым критикам режима и при достаточно развитом институциональном плюрализме [СССР, ГДР, ЧССР, ПНР в 60-начале 80х годов]». [Linz, 2000, s. 245-246] «Зрелый» пост-тоталитаризм подразумевает важные и динамичные изменения во многих социально-экономических сферах при сохранении полной монополии правящей компартии на власть [Венгрия и СФРЮ в 60-70 годы]. От себя добавим, что КНР эпохи экономических реформ вполне соответствует такому определению. Линц, однако, отмечает, что этот континуум не следует понимать, как закономерное последовательное чередование от «ранних» форм к «зрелым» в каждой из соцстран. Иными словами, разные страны вполне могут пройти как все три стадии, так и «затормозиться» на какой-то определенной. Большинство европейских стран социализма, включая СССР, пройдя «раннюю» стадию, оставались на «замороженной» вплоть до системного коллапса.

Для нашего исследования, принципиально важным представляется фундаментальный тезис Линца о том, что «пост-тоталитарная» система генетически отличается от любой формы «авторитаризма» и, следовательно, с научно-методологической точки зрения, не может быть охарактеризована как «авторитарная». Линц пишет: «Социально-экономический плюрализм в пост-тоталитарном режиме в смысле его объема и [форм] реализации отличается от такового в авторитарной модели...Как правило, при авторитаризме существует большой общественно-

экономический плюрализм. Однако, дело не только в этом. Разница с точки зрения форм реализации, образа и состояния такого плюрализма между пост-тоталитарными и авторитарными режимами еще более существенна. В пост-тоталитарном обществе, как для господствующего режима, так и для оппозиции, точкой отсчета, ключевым отправным пунктом является режим тоталитарный. Огромное значение имеет существование этого предыдущего этапа, на котором когда-то режим ликвидировал все источники и формы ответственного и организованного плюрализма. Официальная роль партии обеспечена и законодательно закреплена. Институциональный и некоторый общественный плюрализм пост-тоталитарного режима не следует путать с ответственным политическим плюрализмом». [Linz, 2000, p.246-247] В этой связи Линц формулирует понятия «гражданского общества» («civil society») и «политического общества» («political society») и подчеркивает качественные различия между ними. «Гражданское общество» подразумевает наличие и определенную активность далеко не всегда многочисленных и организационно четко оформленных низовых добровольных общественных объединений. Их цели и деятельность (экология, благотворительность и т.д.) не имеют непосредственного идейно-политического содержания. Активизация «гражданского общества» возможно на стадии «либерализации [недемократического] режима». «Политическое общество» предполагает «наличие политических партий, комитетов или иных организаций, действующих с целью получения политической власти [конституционным путем]». [Linz, 1999, p. 7] Появление и активная деятельность

«политического общества» соответствуют стадии «демократизации [ранее недемократического] режима. По мнению Линца, возможное развитие пост-тоталитарного режима от «ранних» к «зрелым» формам предполагает постепенную «либерализацию» общественно-политической жизни с появлением и активизацией ряда институтов «гражданского общества». Однако, даже на этапе «зрелости» ни один пост-тоталитарный режим не переходит к «демократизации». Таким образом, появление «политического общества» при пост-тоталитаризме невозможно. «Плюрализм, ограниченный сферами партийной бюрократии и государственной технократии, не дает пост-тоталитарному режиму необходимой гибкости для внутренних изменений в отличие от авторитарных моделей. Термин «пост-тоталитаризм» предполагает, что этот тип режима с точки зрения своих основ не следует понимать, как самостоятельный тип политического порядка. Этот тип появляется в результате изменений в той системе, которую принято называть «тоталитарной». В силу этого пост-тоталитаризм – в отличие от демократии, авторитаризма и тоталитаризма – не является самодостаточным, генетически самостоятельным, но переходным, эволюционным типом режима. Это означает, что никто не сможет создать пост-тоталитарный режим, если прежде на его месте не было режима тоталитарного. Эмпирические факты свидетельствуют, что перемены в тоталитарном режиме не ведут напрямую к режиму авторитарному, а к тому или иному типу пост-тоталитарного состояния. От тоталитаризма к авторитаризму не существует прямой непрерывной линии развития». [Linz, 2000, pp. 249, 252-253] Дальнейшая

разработка типологии политических режимов осуществлялась Линцем в соавторстве с А.Стэпаном, результатом чего стала их совместная фундаментальная монография, увидевшая свет в 1996 году. [Linz, Stepan, 1996]

В середине 80х годов в западном китаеведении появилось несколько работ, описывающих КНР после смерти Мао Цзэдуна в категориях «пост-тоталитаризма». [Moody, 1983; Tang Tsou, 1986] Ключевым объектом исследования для их авторов стали параметры и степень преемственности и разрыва Дэн Сяопина и его сторонников с идейно-политическим и социально-экономическим наследием маоизма. П.Муди и Ц.Тан констатировали значительную общественно-экономическую эволюцию в Китае после Мао, высказали убеждение в том, что она будет продолжаться, однако, признали значительные неопределенности и сложности на ее пути. Одновременно появились оценки социально-политической системы КНР на рубеже 70-80х годов как «неотрадиционной», то есть воспроизводящей под руководством КПК ряд принципиальных механизмов общественно-политической интеграции, характерных для традиционного «имперского» Китая. [Walder, 1986]

Точные и содержательные, по нашему мнению, формулировки Хуана Линца, тем не менее, в полной мере не отвечают на вопросы о ключевых скрепах систем «ленинского типа» и перспективах их дальнейшей внутренней эволюции.

Короткое пятилетие «перестройки и гласности» в СССР породило новый прилив энтузиазма у сторонников «либеральной социологии» и теории модернизации. М.Горбачев рассматривался многими из них как «лидер трансформации, признавший в полной мере, что сложное урбанизированное общество в какой-то момент перестает отвечать призывам отсталых политических институтов». [Lewin, 1988, p. 130; Mueller, 1998, p. 25] Впрочем, наиболее дальновидные среди сторонников теорий группы «Б» признавали, что попытки даже ограниченных экономических и политических реформ в СССР «будут связаны с ожесточенной политической борьбой. Миллионы плановиков, хозяйственников, администраторов и рабочих имеют гарантии занятости при существующей системе и решительно выступают против всяких реформ, направленных на повышение [хозяйственной и политико-административной] эффективности». [Cohen, 1985, p. 76; см. также Lane, 1985, p. 72-78]

Во второй половине 80х годов интеллектуально активизировался противоположный научный и идейный лагерь. Бжезинский, еще в 1968 году отметивший, что КПСС превратилась в тормоз развития СССР и не в состоянии возглавить эволюционную трансформацию советской системы [Brzezinski, 1968, p. 48], не без сарказма назвал «перестройку» Горбачева «расстройкой». Подчеркивая, что социализм не возрождается, а загнивает, известный политолог давал прогноз дальнейшего развития ситуации в СССР, который впоследствии оказался в значительной мере воплощенным в реальности. С точки зрения Бжезинского, наиболее вероятными сценариями

эволюции советской системы на рубеже 80-90х годов было усиление хаоса и тенденция к возобновлению стагнации, которые, в свою очередь, ведут к попытке репрессивного и регрессивного политического переворота и, возможно, к распаду СССР как к последствию комбинации отмеченных выше вариантов. [Brzezinski, 1989, p. 99-100] Здесь, однако, следует со всей определенностью отметить, что *оценки Бжезинского в тот момент не разделялись абсолютным большинством западного, в частности, американского научного, политического и разведывательного сообщества.* В науке теории группы «Б» продолжали доминировать и даже переживали своеобразный ренессанс, а политики и спецслужбы, действительно, судя по всему, опасаясь хаоса в СССР, по-прежнему стремились сформулировать «непредвзятые» подходы к советской системе. [Berkowitz, Richelson, 1995] ЦРУ США, к примеру, лишь летом 1991 года (!) констатировало, что «страна [СССР] переходит от стагнации к упадку». [Dalin, Lapidus (ed.), 1995, p. 328] Западногерманский социолог К.Мюллер писал, что последовавший вскоре «экономический коллапс [в СССР] и политическая апатия в пост-коммунистических обществах показали, в какой мере западные исследователи, при всей осторожности их прогнозов, *преувеличивали степень рационализма в системах советского типа*» (курсив мой – М.К.). [Mueller, 1998, p. 26]

Тот факт, что западная советология, несмотря на почти полувековой опыт изучения СССР и других стран «победившего социализма», оказалась не в состоянии с достаточной степенью убедительности и определенности

спрогнозировать (разумеется, не хронологически, а с точки зрения внутренней логики и механики развития) коллапс систем «ленинского типа» на востоке Европы, известный американский историк Мартин Малиа назвал «целостной интеллектуальной катастрофой западной академической науки». [Malia, 1993, p. 84] Формально «конец советологии» - за исчезновением объекта исследований - был провозглашен, как уже отмечалось, на страницах журнала «Problems of Communism» летом 1992 года. То, как быстро изучение СССР и других бывших соцстран перестало считаться актуальным и оказалось, по сути, свернуто, в значительной мере подтверждает мнение ряда экспертов, в том числе, того же М.Малиа, о преимущественно прикладном характере советологии. Во всяком случае, именно так, сугубо практически, рассматривалась эта область обществоведения большей частью западного политического и силового истеблишмента. Вместе с тем, пережитая «целостная интеллектуальная катастрофа» вернула научную актуальность теориям группы «А». По признанию многих специалистов, несмотря на серьезные недостатки, именно эти теории, исходившие из приоритетного изучения системы политической власти для понимания внутренней эволюции бывших соцстран, более точно описывали и объясняли принципы и механизмы взаимодействия между партийным государством и обществом, нежели «либеральная социология». В 1992-1994 годах, когда выходили в свет итоговые советологические сборники и бывшие эксперты по странам «восточного блока» подводили баланс концептуальных удач и просчетов, теория тоталитарного партийного государства «ленинского типа» вновь,

спустя почти полвека, оказалась в фокусе внимания. Причем, настолько в фокусе, что некоторые специалисты всерьез заговорили о возникновении «неототалитарной школы». [Habich, 1996; Mueller, 1997; 1998] Впрочем, до формирования «научной школы» дело не дошло, да и вряд ли могло дойти. Тот же К.Мюллер на примерах «неотрадиционалистских» подходов Р.Пайпса и «неототалитарных» подходов М.Малиа к истории СССР весьма убедительно продемонстрировал и обосновал отсутствие внутреннего методологического и мировоззренческого единства среди ключевых фигур «нового-старого» направления. [Mueller, 1998, p. 29-34] Возвращение интереса к теории «тоталитаризма» в начале 90х годов, тем более, не означало полной и однозначной реабилитации концепций начала-середины 50х, в духе К.Фридриха и раннего Бжезинского. С нашей точки зрения, существо происходившего точно, образно и эмоционально выразил А.Мотыль: «либеральная» советология оказалась в своеобразной методологической ловушке ... Отказываясь [в свое время] от так называемой «тоталитарной» модели, советологи отказывались от ее здоровых теоретических претензий, по сути, от теории вообще. Отказ от теории толкал советологию на исполнение роли «служанки» государственного истеблишмента [США и ряда других западных стран], или, что еще хуже, средств массовой информации. Ныне нет иной альтернативы, кроме возвращения советологии к теории ... Советологи должны научиться мыслить как политологи, то есть категориями сравнения. Кроме того, естественно, можно любить народы, языки и культуры Советского Союза, но

очень трудно не испытывать чувство трагической горечи, если не сказать стыда, когда речь идет о практической политике советских властей. Советологи не могли не сталкиваться с тем фактом, что советское государство в течение длительного времени ... осуществляло преступления против человечности. При всех своих недостатках, тоталитарная модель предлагала серьезную моральную позицию: все тоталитарные режимы от Гитлера до Сталина заслуживают осуждения. Отказ от тоталитарной модели оставил своего рода моральный вакуум, так как «бихевиоризм» и «чистая социология» исходили из примата «научной объективности».

«Тоталитаризм» - не застывшая модель, а типологическая конструкция в рамках сравнительного подхода ... это отличительная черта государственных систем, характеризующая их структуру, а также формы и степень их проникновения в общество». (курсив мой – М.К.)

[Motyl, 1992, p. 310; 1993, p. 80, 82-83, 87]

Ренессанс теорий группа «А» дополнительно опирался на общий для западной науки рост интереса к институциональным исследованиям на рубеже 80-90х годов, обусловленный публикацией новаторских работ в этой области и появлением «неоинституциональных» подходов. [North, 1989, 1991; March, Olsen, 1989; Mayntz, Scharpf, 1995; Immergut, 1998] В первой половине 90х годов отчетливо проявилась также тенденция к «экономизации политических наук» [Sandschneider, 1995, s.166], то есть к стремлению изучать «роль экономических действий в политических процессах и роль политического поведения в экономической сфере». [Alt, Alesina, 1996, p. 645-

646; Heilmann, 2000, s. 25-26] Представляется, что эмпирический опыт как эволюции «советских систем», так и советологической историографии, естественным образом сближал теории группы «А» с институциональными и неинституциональными подходами. И тех, и других интересовали, по сути, «государственные и корпоративные системы» в их взаимосвязи с социально-экономическими процессами.

В первой половине 90х годов эксперты в целом справедливо отмечали, что «ни «консервативные» теории группы «А», ни «либеральные» теории группы «Б» не смогли в полной мере охватить динамику советской политики. Вместе с тем, стратегия [изучения «советских систем»], которая предполагала бы использование всех этих теорий, так сказать, «батареей», смогла бы приблизить нас к пониманию того, как [«советская»] система работает и как она может реагировать на внешние изменения». [Fleron, Hoffmann, 1993, p. 63] Одновременно, бывшие сторонники «либеральной социологии» вынуждены были признать: «В пике разного рода «функциональным теориям», провозглашавшим позитивную зависимость между индустриализацией и демократизацией, неоспоримое достоинство теории «тоталитаризма» состоит в том, что она делала особый упор на самостоятельном значении ... *иррациональной власти* (курсив мой – М.К.). Суть [теории «тоталитаризма»] – в доказательстве непрерывности определенной формы [политического] доминирования, сохранявшейся, несмотря на глубокие социальные изменения [в «советских системах»]]. [Mueller, 1998, p. 29]

Распространенные на рубеже 80-90х годов среди советологов и китаеведов ожидания коллапса системы власти КПК в Китае по образу и подобию краха компартий в СССР и социалистических странах Восточной Европы не стали реальностью. Впрочем, сегодня можно определенно утверждать, что «конец советологии», критика и даже известное забвение ее методологических наработок и уход КНРоведения в «автономное научное плавание» в первой половине 90х годов не привели к потере содержательной актуальности советологического научного и мировоззренческого дискурса. Эта актуальность возродилась в рамках исследований реформ в КНР. Семантическая и методологическая связь между подходами к изучению систем «ленинского типа» в бывшем СССР и некогда «социалистической» Восточной Европе и к процессам развития преобразований в современном Китае весьма ощутима даже тогда, когда сами нынешние китаеведы не в полной мере отдают себе в этом отчет. В общем, здесь совершенно уместно перефразировать известное изречение времен династической Франции: «Советология умерла! Да здравствует КНРоведение!» В подходах и оценках современных исследователей партийного государства в КНР можно без труда отыскать практически все ключевые «парадигмы» советологии: от концепций «тоталитаризма» и «неотрадиционализма» до теорий «либеральной социологии», «корпоративизма», «фракций – групп интересов», «модернизации» и даже «конвергенции».

Весьма эмоциональной и одновременно претендующей на научность попыткой объяснить крах надежд на демократизацию КНР по сценарию

Восточной Европы и, вместе с тем, показать, что «еще не все потеряно» явилась статья Люсьена Пая «Неустойчивое государство, разочарованное общество», увидевшая свет на страницах журнала «Foreign Affairs» осенью 1990 года. [Pye, 1990, p. 3-9] Известный китаевед подчеркивал, что особенности политической культуры Китая, исторически сформированные механизмы взаимодействия между государством и обществом в этой стране, а также специфические черты государственного строительства под руководством КПК не дают оснований для механического уподобления КНР тому, как развивалась ситуация в бывшем СССР и других европейских соцстранах. Вместе с тем, усиление репрессивности партийного государства в Китае после кровавого подавления протестных выступлений летом 1989 года вовсе свидетельствует о наличии полного единства в партийно-государственном руководстве и о возвращении «полного единообразия» в обществе. Процессы реформ будут продолжены, а разбалансированность системы будет лишь нарастать.

З.Бжезинский, комментируя социально-политический кризис и экономические проблемы КНР на рубеже 80-90х годов и оценивая перспективы, писал: «...не следует полагать, что неудачи в экономической политике Китая приведут к возрождению [господства] идеологии. Наоборот, такие провалы, скорее всего, будут рассматриваться многими китайцами, как дополнительные доказательства в пользу невозможности экономического успеха в квази-коммунистической атмосфере и ... [необходимости] полной ликвидации марксистско-ленинских ограничений на политическую свободу.

Таким образом, политическое измерение [экономических] перемен будет приобретать все большее значение. Китаю почти наверняка предначертано пережить обострение политической напряженности». [Brzezinski, 1989, p. 250]

Принципиальные различия относительно оценки сути и перспектив развития КНР в «пост-коммунистическом» мире, оформившиеся в китаеведении первой половины 90х годов, нашли свое целостное отражение в полемике между Барретом Маккормиком и Гордоном Вайтом на страницах известного академического журнала «Australian Journal of Chinese Affairs» в 1994 году. Маккормик был склонен характеризовать КНР эпохи реформ в категориях «тоталитарной» модели и «государства ленинского типа». Он подчеркивал, что такое государство обладает более высокой степенью автономности от общества, нежели все другие типы государств. Партия и государство слиты воедино, причем примат власти - в руках партийной номенклатуры, которая не является «классом» в традиционном понимании марксистской политической экономии капитализма. Партия-государство выступает активным центром притяжения и регулирования всех ключевых общественно-экономических процессов. Оно опирается на разветвленную систему жестко контролируемых общественных организаций – «приводных ремней» партийно-государственных структур. Экономические и общественно-политические преобразования в КНР Маккормик рассматривал, как стремление партийного руководства сделать процесс принятия и реализации властных решений более рациональным. С этой целью партия

пошла на активизацию деятельности подконтрольных ей формальных и неформальных структур в экономике и в обществе. Однако вскоре выяснилось, что эта деятельность подрывает позиции самой правящей партии, что вынуждает последнюю восстанавливать примат собственной власти, в том числе, и откровенно репрессивными методами. Впрочем, «иррациональность» партийного руководства всем и вся очень скоро вновь становится очевидной и следует очередной цикл «либерализации» с очередным репрессивным завершением. Автор предлагал рассматривать динамику экономических и политических реформ в КНР через призму таких циклов чередования «реформ» и «контрреформ». [McCormick, 1990; 1994]

Близкие Маккормику взгляды высказывал в те годы тайваньский исследователь Чэнь Ань. [Chen An, 1993]

Гордон Вайт описывал КНР эпохи реформ как «государственно-социалистическое развивающееся государство» (state-socialist developmental state). Автор предлагал рассматривать понятие «развивающееся государство» в широком и узком смысле. В широком смысле – это тип государства, возникшего во многих странах «Востока» и «Юга» в постколониальный период, и ориентированное на модернизацию. Такую модернизацию следует понимать, как совокупность социально-экономических перемен, происходящих, однако, не спонтанно, а под управлением государства. Соответственно, централизация и планирование выступают здесь как отличительные и неизбежные черты организации процессов модернизации. В узком смысле Вайт выделял два типа «развивающихся» государств в

Восточной Азии: «капиталистические» - Япония, Южная Корея, Тайвань, и «социалистические» - КНР, Северная Корея, Вьетнам. Он признавал существенные политические различия между этими типами «развивающихся» государств. Вместе с тем, он считал, что в КНР вполне возможна внутренняя эволюция от «социализма» к «азиатскому капитализму» через т.н. «двухступенчатый политический переход. Сначала от «коммунизма» к авторитаризму, а затем – к «восточноазиатской демократии» по образцу Тайваня, Южной Кореи или Сингапура. Для этого необходимо осуществить на практике разделение партии и государства, ликвидировать партийные организации на госпредприятиях, радикально сократить государственное вмешательство в экономику, оптимизировать партийную номенклатуру, а также отказаться или существенно ограничить партийное руководство массовыми общественными организациями. При этом, в партийно-государственном руководстве следует постоянно заниматься нейтрализацией как «консерваторов», так и «радикальных реформаторов», ибо первые угрожают застою, а вторые – обрушением всей конструкции «развивающегося государства». Надо отдать должное Вайту: он не повторял известных из «либеральной советологии» пассажей о «неизбежности демократической эволюции» партийного государства и признавал, что на пути такой трансформации стоит масса препятствий, а ее успешный итог отнюдь не предопределен. Вместе с тем, он полагал, что «история на стороне партии реформ и модернизации» и перечислял причины для оптимизма: снижение привлекательности идей марксизма-ленинизма и

Мао Цзэдуна, умение китайского руководства гасить социальную напряженность, постепенный прогресс экономических реформ, в том числе, в сфере отношений собственности, а также появление зачатков гражданского общества в КНР. [White, 1993, p. 197, 253-256]

Задорный оптимизм, связанный с развитием в КНР в эпоху реформ различных форм гражданской активности, в первой половине 90х годов был характерен для работ другого весьма известного политолога, ныне – научного сотрудника фонда Карнеги, Пэй Миньсиня. Автор утверждал, что гражданское общество в КНР в своем развитии с конца 70х годов по масштабам и степени активности далеко оставило позади себя гражданское общество в СССР в эпоху перестройки и к середине 90х становится ключевым фактором системной трансформации в Китае. [Pei Minxin, 1994]

В середине 90х годов в западном китаеведении оформилась семантически не связанная с советологией «постмодернистская» «школа дискурса». [Apter, Saich, 1994; Sullivan, 1995] По мнению одного из ее видных представителей Майкла Салливана, подходы, которые ставят во главу угла анализа партию-государство (McCormick, 1990; Vivien Shue, 1988; Walder, 1986 etc.), а также «механизмы бюрократической политики и организации» (Schurmann, 1971; Harding, 1981; Lieberthal, Oksenberg, 1988 etc.) не достаточно объясняют, как конфликты в элитах влияют на политику государства и на не связанную непосредственно с государством часть китайского социума. В своей диссертации доктора философии, защищенной в университете Висконсина в 1995 году, Салливан писал: «Вместо того чтобы

концентрироваться на банальных вопросах о том, что нужно Китаю – авторитаризм или демократия, дискурсный подход рассматривает то, как авторитарные или демократические решения влияют и воспринимаются различными группами элиты и социума в целом. Это, в свою очередь, помогает понять, как взаимодействие между различными дискурсами превращает идеи политической демократии и авторитарной модернизации в основную демаркационную линию общественно-политической борьбы в Китае и [помогает объяснить механизм] выбора китайским руководством того или иного политического курса». [Sullivan, 1995, p. 96] Салливан полагал, что общественно-политический дискурс в КНР в период реформ становится все менее марксистско-ленинским и маоистским. Будучи, по собственному признанию, сторонником «либерально-демократического», а не «авторитарно-модернизационного» дискурса, автор отказывался связывать успехи экономических реформ в КНР с «авторитарной модернизацией», возглавляемой КПК. Касаясь оценки перспектив развития Китая, Салливан писал: «Дальнейшая трансформация экономической и политической системы КНР зависит от реформы бесчеловечных и иррациональных ленинских политических институтов, которые продолжают подавлять политические свободы и мешают ... экономическому развитию. Вопрос о будущем Китая связан в первую очередь с тем, насколько сможет нынешняя политическая система устоять в условиях ... изменений, вызванных экономическим ростом и расширением контактов с мировым сообществом». [Sullivan, 1995, pp. 554-555, 558] Таким, на первый взгляд, парадоксальным образом рассуждения

автора об изначально определяющем значении «дискурса» упиралась вдруг в проблему эволюции «иррациональных» институтов партийного государства «ленинского типа».

Американский исследователь Дж. Фьюсмит, отнюдь не разделяя подходов «школы дискурса», представил весьма содержательный аналитический обзор борьбы идей в общественном мнении КНР и ее взаимосвязи с расстановкой политических сил в китайских элитах в первой половине 90х годов. [Fewsmith, 1994]

Середина 90х годов в западном китаеведении была отмечена ростом интереса к описанию социально-политических процессов в реформирующемся Китае в категориях корпоративизма. [Shirk, 1994, p. 180-250; Unger, Chan, 1995, p. 29-53]

Политолог-китаевед из США Марк Лапер, сопоставляя процессы преобразований в КНР, позднем СССР и постсоветской России, сформулировал концепцию «реструктуризации власти» (power restructuring), постоянно происходящей в системах «ленинского типа» и объясняющей динамику внутренней эволюции «реального социализма». В основе этой «реструктуризации власти» лежит «борьба за ресурсы и за политическое право (власть) ими распоряжаться». По мысли Лапера, такой подход позволяет дополнить и оживить «излишне статичные представления» о партийных государствах, характерные для «тоталитарных» и «неотрадиционалистских» концепций. [Lupher, 1996, p. 216-260]

Особняком стоит точка зрения американского китаевода П.Нолана который в своих работах конца 90х – начала нулевых годов допускал перспективу эволюции «китайской модели» в до сих пор нигде и никем не реализованное общество «третьего пути» - конструктивно отличное как от ленинизма, так и от либерального капитализма. [Nolan, 1995; 2004]

Исследователь из ФРГ Себастиан Хайльманн в 1998 году пришел к выводу, что КНР вообще более не является социалистической страной, так как в ходе реформ здесь произошли кардинальные преобразования в сфере государственного регулирования экономикой и в структуре собственности. [Heilmann, 1998, s. 88-123] Однако, спустя два года, Хайльманн скорректировал свою позицию, признав сохранение в КНР, несмотря на проведенные реформы, политических институтов «ленинского типа» и их по-прежнему ключевую роль с точки зрения социально-экономической интеграции китайского общества. [Heilmann, 2000, ss. 25-47, 263-288] Кроме того, исследователь указал на ограниченный потенциал «двухколейных» преобразований «по нарастающей». По его мнению, «по крайней мере, с середины 90х годов обозначились пределы такого пути реформ: болезненные «вторжения» в сферу интересов субъектов государственной экономики стало невозможно далее откладывать без того, чтобы не сводить на нет перспективы общего экономического развития». [Heilmann, 2000, s. 277]

Во второй половине 90х и в нулевые годы на Западе появилось значительное число работ, посвященных влиянию на Китай процессов экономической глобализации [Михеев, 2003; Dittmer, Liu, 2006; Guthrie, 2009;

Kelly, Rajan, Goh, 2006; Liu, 2004 etc.]. Авторы этих исследований не задаются вопросом о типологии общественно-экономической системы, как в дореформенный период, так и в эпоху «реформ и открытости», констатируя лишь «необратимый характер» реформ в КНР, набирающие обороты процессы включения хозяйства и общества Китая в мировую экономическую систему, высокие темпы экономического роста в этой стране. Признание существования в КНР однопартийной системы и «государства-Левиафана» меркнет перед ярким полотном впечатляющих успехов хозяйственной, технологической и общественной трансформации. Сторонники такого подхода констатируют «отставание политических реформ» в КНР от экономических (отечественный исследователь В.Михеев, например, считает, что на Западе Китай ныне воспринимается одновременно как «свой» экономически и как «чужой» политически [Михеев (ред.), 2002; 2005]) но исходят из того, что это – временное явление и постепенная политическая трансформация не за горами. Более того, сохранение ключевых рычагов управления в руках государства трактуется, вполне в духе подходов Г.Вайта к «развивающимся государствам», как преимущество, способствующее дальнейшему углублению реформ.

Характеризуя общее состояние изучения социально-экономических и идейно-политических процессов в современной КНР на Западе на рубеже нового тысячелетия, американские китаеведы Л.Диттмэр и У.Хэрст отмечали, между тем, одно весьма важное обстоятельство. Дело в том, что относительно возросшая открытость политического режима в Пекине

(интервью партийных и госчиновников иностранным журналистам, проведение международных конференций, публикация статистических данных по многим направлениям и т.д.) и значительное увеличение базы источников для исследований не прибавляют, тем не менее, ясности в общей картине многоуровневой системной динамики современного Китая. В силу фрагментарности новых источников, а также вследствие недостаточной надежности многих из них, этой общей картине трансформации по-прежнему остро не хватает многих внутренних связующих звеньев. «Пазл» все так же не складывается. Это признание ощутимо перекликается с отмеченным в свое время А.Мотылем «обвальным нарастанием» информации о «реальном положении» в европейских соцстранах в 60-80е годы и неспособностью тогдашней советологии «научно переварить» этот информационный поток. Обилие и фрагментарность источников о состоянии дел в современном Китае приводят к обилию и фрагментарности исследований. В то время, как одни группы специалистов занимаются почти исключительно исследованиями на макроуровне и тяготеют к не всегда оправданным обобщениям, другие группы, напротив, поглощены совершенно локальной (как в региональном, так и в системном смысле) тематикой и стремятся избегать каких бы то ни было обобщающих выводов. С одной стороны, основные социально-политические и экономические группы субъектов системы, в общем, известны, с другой - «почти ничего не известно об отношениях между этими группами или о роли «эффектов взаимодействия» [между этими группами], которые определяют их двухсторонние связи с государством». [Dittmer,

Hurst, 2003, p. 47] Американские синологи призвали «больше работать в области анализа «средних уровней» [системы]». [Dittmer, Hurst, 2003, p. 48]

Обобщающие работы в западном китаеведении, увидевшие свет к середине нулевых годов, с точки зрения оценок состояния и перспектив эволюции партийного государства «ленинского типа» в современной КНР, следует, думается, разделить на три направления.

Первое направление предрекает возможный и, даже неизбежный, коллапс «социализма с китайской спецификой». Наиболее заметной работой данного направления является, несомненно, книга Гордона Чана «Грядущий коллапс Китая» («The Coming Collapse of China»). [Chang, 2001] Автор, проработавший длительное время в качестве юриста в Шанхае и столкнувшись, очевидно, в полной мере с нелюбимой подноготной «рыночного социализма с китайской спецификой», пришел к выводу, что под грузом острейших социально-экономических, политических, экологических и моральных проблем власть КПК клонится к коллапсу. По мысли автора, такое развитие событий можно было ожидать уже к 2005 году. Здесь нельзя не отметить, что предпринятая Чаном попытка хронологически столь точного прогноза выглядела явно некорректной уже к моменту публикации книги и не оправдалась впоследствии. Вполне фундированное перечисление автором множества действительно болезненных и, как подчас может показаться, почти неразрешимых проблем развития современного Китая, между тем, совершенно не давало ответа на вопрос о том, каким образом и почему этот системный коллапс, собственно, должен произойти. Иными

словами, сам механизм коллапса в виде динамических причинно-следственных связей между отмеченными проблемами остался за пределами повествования.

Еще одной работой, в которой гипотеза о возможном коллапсе современной модели политического устройства КНР высказывается достаточно определенно, стала книга финансового аналитика британского журнала «The Economist» Джо Стадвелла «Мечта о Китае» («The China Dream»), увидевшая свет в 2003 году. [Studwell, 2003] С нашей точки зрения, работа Стадвелла – результат десятилетней деятельности автора в качестве консультанта по иностранным инвестициям в КНР – заслуживает самого серьезного внимания. Автор пишет о параллельно существующих ныне в КНР двух экономических системах: первой, хорошо известной и вызывающей восхищение за рубежом – ориентированной на экспорт, и второй, существенно менее изученной – ориентированной на внутренний рынок. Накопление критической массы социально-экономических противоречий именно в этой «второй» экономике КНР способно, по мысли автора, привести к обрушению «китайской модели» в целом.

Второе направление, сторонники которого стремятся обосновать возможную и – в итоге - неизбежную демократизацию Китая, наиболее последовательно представлено работами Брюса Гилли, в частности, его монографией «Демократическое будущее Китая» («China's Democratic Future»). [Gilley, 2004] Автор отмечает, что не разделяет ни «манихейских» представлений о Китае, как «феодалной автократии», ни «востоковедных

увлечений» надеждами на то, что будущее Китая связано с ренессансом традиционной культуры. Гилли считает, что наиболее вероятным сценарием дальнейшего развития КНР является переход к той или иной форме демократического устройства, который будет осуществлен «сверху» в результате кризиса власти КПК. Вполне в духе теорий «либеральной социологии» 60-80х годов, сыгравших «злую шутку» с советологией, автор пишет о модернизации и урбанизации, о растущем «гражданском обществе» и «среднем классе» в КНР как предпосылках перехода к демократии. Именно эти силы, как считает Гилли, в союзе с реформаторами из партийно-государственных элит и при поддержке компетентной китайской бюрократии смогут проложить дорогу к политическому плюрализму в самой многонаселенной стране мира. Принимая в принципе гипотезу автора о возможности оперативного и даже стратегического союза между реформаторами «сверху» и активными социальными группами «снизу» как ключевом механизме и движущей силе политической трансформации в КНР, мы, однако, склонны полагать, что сама эта трансформация отнюдь не обязательно должна привести к демократической консолидации китайского общества и государства.

Третьим и, пожалуй, наиболее объемным по числу работ направлением в оценках перспектив развития КНР к середине нулевых годов явилось выдвижение и попытка доказательства гипотезы о том, что КНР еще длительное время останется «эластично авторитарной» (*resilient authoritarian*). [Nathan, 2006] Согласно мнению известного американского

политолога-китаевода Эндрю Нэтэна, в пользу такого сценария в обозримом будущем свидетельствует способность китайской компартии мобилизовать и сохранить широкую общественную поддержку путем умелого и эффективного сочетания экономического роста, пропаганды, репрессий и внешнеполитических успехов. [Nathan, 1997; 2003] Сторонник аналогичных подходов французский исследователь А.Лаиберте писал: «...среди китайских граждан превалирует мнение, что хотя правление КПК и привело к ... недостаткам из-за того, что партия идентифицирует свои интересы с интересами растущей корпоративной элиты, это – все же необходимая цена, которую нужно заплатить за продолжение общего экономического усиления. Ограничение политических свобод вызывает раздражение, но оно неизбежно, ибо соответствует решению основной задачи – выполнению [партией] великой исторической миссии возвращения Китая к периоду великой славы после относительного упадка ... Глобализация оказала трансформирующее влияние на Китай. Вместо того, чтобы изучать, ослабило ли это влияние глобализации китайское государство, гораздо полезнее определить, как партия-государство изменились под давлением глобализации ... «Девелопменталистское» сознание доминирует в подходах китайской элиты». [Laiberte, Lanteigne (ed.), 2008, pp. 159, 165, 170-176]

Знакомство с такими пассажами и, в частности, как нам кажется, со значительно упрощающими суть дела декларациями об «идентичности интересов партии и корпоративной элиты», позволяет, думается, понять, почему иные китаеведы обращаются к теориям «либеральной социологии» в

своем стремлении «уравновесить» подобную апологию «китайского авторитаризма». В этом же контексте уместно, полагаем, напомнить любопытные замечания Люсьена Пая: «Для китайцев характерны замечательная склонность к подавлению эмоций, к соблюдению общих правил поведения и к пассивности в отношении к власти. Однако, когда власть терпит очевидную неудачу, вспышки агрессии становятся легитимными. Атака на «суррогат власти» в лице правительства может быть в высшей степени жесткой. В китайской политической культуре бывает весьма затруднительно сохранять конструктивное отношение к власти, и деструктивные импульсы легко выходят на поверхность». [Pye, 1985, p. 298]

В другом месте Пай не без сарказма писал: «Центральные власти провозглашают великие программы. Местные власти склоняют головы в молчаливом согласии, но идут каждая своим путем, демонстрируя тем самым ограниченность власти центра. Центр же, не решаясь открыто обнаружить собственную беспомощность, обращает взоры к новым великим свершениям. Несокрушимая идея о том, что Китай остается великой цивилизацией, питает удобный комплекс собственного превосходства и делает большинство китайцев неисправимыми оптимистами, поскольку они обязаны думать, что положение вещей, которое имеет место быть в настоящий момент – лишь досадная аномалия и что величие неизбежно придет. Особые отношения между государством и обществом в Китае позволяют его лидерам упиваться ... величием, а бюрократам – заниматься фракционной борьбой. Китайскому же народу предоставлена возможность поиска комфорта и безопасности в

неформальных личных отношениях, способных защитить людей от политических бурь». [Pye, 1992, pp. 9, 255-256]

Следует, безусловно, отметить, что многие исследователи, в принципе разделяющие тезис о стабильности и, в целом, успешности «авторитарной адаптации» партийного государства в КНР, оставляют вопрос о конечном итоге этой адаптации, тем не менее, открытым. Известный китаевед из США Дэвид Шамбо в этой связи пишет: «Внутренние реформы в КПК позволили избежать коллапса. Атрофия [партии-государства в Китае] и его адаптация происходят одновременно. КПК не ожидает неизбежного коллапса ... Уроки, извлеченные КПК из распада КПСС, сводятся к тому, что необходимо избегать идеологической догматики, застоя в элитах и стагнации [экономического] роста. Пока адаптация идет удовлетворительно, однако вопрос о перспективах остается открытым». [Shambaugh, 2008, p. 9]

Аналогичные оценки высказывают в своих работах последнего десятилетия К.Либерталь, Р. Макгрегор, К.Бродсгаард, С.Кеннеди и Э.Волдер. [Lieberthal, 2003; McGregor, 2010, Brodsgaard, 2006; Kennedy, 2011; Walder, 2006]

Последний автор полагает, однако, что в отдаленной исторической перспективе монополия КПК на власть эволюционирует в «стабильную однопартийную систему», типологически сопоставимую с политическим доминированием либерально-демократической партии в послевоенной Японии или партии «Народного действия» в Сингапуре. [Walder, 2006, p. 31]

В контексте третьего направления следует рассматривать и выдвижение британским исследователем Дж. Купером Рамо тезиса о

формировании в нулевые годы т.н. «Пекинского консенсуса» в противовес «Вашингтонскому консенсусу». Концепция «Вашингтонского консенсуса», как известно, была сформулирована в начале 90х годов на почве осмысления причин и итогов коллапса «социалистической системы» на востоке Европы и долгового кризиса в Латинской Америке и базируется на монетаристских установках «либеральной неоклассики» в экономической сфере. Рамо полагал, что успехи социально-экономического курса и внешней политики КНР в 90е годы свидетельствует о кризисе «неолиберализма» и предлагал в качестве альтернативы новые ориентиры – общую устойчивость политико-экономической системы, основанную на постоянном обновлении и экспериментировании в области внутренней политики, и использование противоречий между крупнейшими игроками на международной арене («ассиметричный ответ»). Эти черты, по мысли автора, в полной мере находят воплощение в действиях Пекина и, следовательно, заслуживают того, чтобы именоваться «Пекинским консенсусом». [Ramo, 2004] По-своему новаторская и умозрительно вполне убедительная картина, написанная Рамо, не лишена, с нашей точки зрения, известного упрощения. Ей, полагаем, не достаёт углубленной проработки многих внешне не очевидных, но в конечном итоге чрезвычайно важных деталей и особенностей внутренней функциональной механики «китайской модели».

В русле третьего направления, как представляется, следует рассматривать и «неотрадиционалистские» подходы О.Веггеля и Чжэн Юннэня. Исследователь из ФРГ Оскар Веггель, критикуя

«европоцентристские» теории «тоталитаризма» или «либеральной социологии», пишет: «Все локальные традиции и культы [в Китае] – даосских и буддийских святых и т.д. – адепты которых могли исповедовать все, что угодно от буддизма до местных обычаев, должны были восходить к некоему общему знаменателю, с помощью которого проявления повседневности могли бы определяться либо как «греховные» и «аморальные», либо как «правильные», «легитимные». [Weggel, 1999, s. 806]

Для определения этого «общего знаменателя» Веггел вводит в оборот термин «метаконфуцианство». По мысли автора, ключевые черты «метаконфуцианства» сводятся к ценностям коллективизма, иерархии, стабильности, административной «дуальности» (двуединство централизма и местного управления), семейного воспитания и образования, бюрократической традиции. Китаевед полагает, что именно этот конструктивный общественный и культурный фундамент создает среду для результативной «авторитарной эволюции». С нашей точки зрения, такой подход вовсе не исключает уместности применения как «тоталитарно-бюрократических», так и «либерально-социологических» научных конструкций для анализа общественных процессов в Китае.

Американский исследователь китайского происхождения Чжэн Юннэнь декларирует целесообразность не нормативного, но позитивистско-описательного подхода к рассмотрению функциональных особенностей современного китайского государства. Отталкиваясь, по собственному признанию, от холистической социологии Э.Дюркгейма, он описывает

систему и принципы власти КПК в КНР после смерти Мао Цзэдуна как своеобразное однопартийное «императорство». Впрочем, и этот автор - вполне в духе описательного позитивизма - оставляет открытым вопрос о перспективах эволюции такой системы. [Zheng Yongnian, 2010, p. 10-17]

Во второй половине нулевых годов оформилось еще одно направление в оценке состояния и перспектив эволюции современной китайской государственности. Оно связано с весьма любопытной эволюцией взглядов упоминавшегося выше известного политолога, научного сотрудника фонда Карнеги Пэй Миньсиня. К середине нулевых годов от некогда заразительного оптимизма, связанного с развитием в КНР гражданского общества, у Пэй Миньсиня не осталось и следа. В 2005 году в одном из своих интервью политолог признался, что в оценках перспектив развития КНР он превратился в «умеренного пессимиста». В конце 2006 года вышла в свет его новая книга «Китайский переход в западне» («China's Trapped Transition»), где Пэй выдвинул гипотезу, согласно которой динамику системных преобразований и общее социально-экономическое и политическое состояние в КНР на рубеже нового тысячелетия следует характеризовать, как «равновесие частичных реформ» («equilibrium of partial reforms»). [Pei Minxin, 2006, pp. 10-23, 182-237] Это равновесие, по мнению автора, порождает застойные тенденции во всех ключевых сферах жизни современного китайского общества. Такая постановка вопроса оказалась необычной и даже парадоксальной для западного китаеведения. Оперативными аксиомами для большинства зарубежных сиологов за годы

реформ в КНР стали «рост ВВП», «реформы по нарастающей», «эластичный авторитаризм», «либерализация», «подъем Китая», наконец «коллапс», но уж никак не «застой». Между тем, тезисы Пэй Миньсиня явились своего рода аналитическим обобщением взглядов, оценок и ощущений, выраженных в полемических выступлениях последнего десятилетия некоторыми китайскими социологами и экономистами разных идейных направлений – от «либералов» до «новых левых», в частности, Хэ Сяодун и Сунь Липин. [Хэ Сяодун, 2000; Сунь Липин, 2003, 2005, 2009] Пэй Миньсинь писал о том, что три десятилетия «частичных» и «постепенных» реформ в Китае произвели на свет «гибридную» и «неполноценную» («bastard») социально-экономическую и политическую систему. В этой системе ценообразование по-прежнему подвержено административному и произвольному регулированию, государственные банки-монополисты безнадежно кредитуют по-прежнему убыточные и монопольные госпредприятия, в сферах народного образования, социального обеспечения и экологии наблюдаются не столько реальные реформы, сколько эрозия и деградация. Экономический рост, действительно обеспечивший процветание ряду привилегированных социальных групп, позволяет партийно-государственным элитам изымать властную ренту, не прибегая к серьезному ущемлению материальных интересов «новых китайцев». В результате «политический класс» современного Китая лишен ключевых стимулов к проведению по-настоящему глубоких социально-экономических и политических преобразований. Сращивание партийно-государственных элит и криминала,

прежде всего, на региональном уровне способствует формированию подобия закрытых «мафиозных» квазигосударственных структур на местах. Коррупция – ключевой элемент «равновесия» – приобрела повсеместно укорененный (endemic) и системный характер. Реальные успехи реформ, равно как и их неудачи лишь усиливают эту коррупционную составляющую. Такое положение вещей, вызванное само по себе многовекторными, непоследовательными и частичными реформами, проводившимися в стране в течение многих лет, обладает известной инерцией (своего рода, «внутренним равновесием» или «застоем») и может продолжаться достаточно долго. В более отдаленной исторической перспективе, по мнению Пэй Миньсиня, весьма вероятными сценариями являются конвульсивная, спонтанная «демократизации» - по сути, все тот же пресловутый «коллапс» – или «ползучий переход» власти к региональным партийно-государственным элитам, ведущий к de facto «федерализации» Китая. Наиболее вероятным спусковым механизмом «демократических конвульсий» или ускорения процессов «ползучего перехода власти», согласно Пэю, может стать обострение борьбы в «политическом классе» КНР по вопросу о перераспределении сужающейся базы доступных режиму ресурсов.

Неортодоксальный для западного китаеведения диагноз «застой», поставленный «поднимающемуся Китаю» Пэй Миньсинем, вызвал критическую реакцию со стороны приверженцев концепции «эластичного авторитаризма», концентрированным выражением которой стала рецензия Эндрю Нэтэна на книгу Пэя, опубликованная на страницах журнала «Foreign

Affairs». Признавая тот факт, что Пэй Миньсинь предложил «ценную и заслуживающую внимания альтернативу трем существующим направлениям оценок развития современной КНР» («коллапс», «демократическая консолидация» и «динамичный авторитаризм»), известный американский китаевед высказал ряд как терминологических, так и принципиальных возражений. Прежде всего, он отметил «неточность термина «равновесие частичных реформ», подчеркнув, что всякие реформы по определению «частичны». Кроме того, раз есть «равновесие», то о чем же, собственно, следует беспокоиться? Нэтэн вполне справедливо указывал, что иницируя и осуществляя реформы, партийно-государственное руководство КНР никогда не задавалось целью полностью демонтировать существующие в стране после 1949 года властные институты и практики. В Китае продолжается экономический рост, крупные государственные корпорации, действительно получающие огромную помощь от правящей партии, выходят на мировой рынок, в стране реализованы серьезные преобразования в сферах экономического управления и трудовых отношений. Кроме того – на это рецензент делал особый акцент – китайское руководство осознает наличие и остроту констатированных Пэй Миньсинем проблем и «ориентируется на поиск их решения». Заключительная часть рецензии Нэтэна, между тем, настолько примечательна, что мы приведем здесь ее ключевой абзац: «Было бы разумно поставить вопрос о том, какие события могут привести к крушению процессов [развития современного] Китая, какими бы эти процессы ни были. Выделяются два непредсказуемых фактора, имеющих

достаточную значимость для потенциального изменения хода [современной] истории Китая: первое – это резкое ослабление экономики США, которое разрушит жизнеобеспечение многих китайцев и подорвет общественный договор между КПК и китайским народом; второе – это война между США и Китаем по поводу Тайваня, которая радикально изменит отношения Китая с остальным миром и [общественные] отношения внутри самого Китая ... Вашингтон предпочитает сохранять диктаторский режим в Китае, так как [этот режим] является [для США] понятным партнером, но, в то же время, [Вашингтон] хочет подтолкнуть Китай к демократизации. Считается, что китайские лидеры серьезно обеспокоены тем, насколько Соединенные Штаты хотели бы видеть в Китае «цветную революцию». В настоящий момент ответ должен быть таков, что лидеры США сами этого не знают» .[Nathan, 2006, p. 61] Приведенный отрывок весьма любопытен в контексте текущего мирового финансово-экономического кризиса, роли и места в нем США и КНР и его возможных последствий для судеб «рыночного социализма с китайской спецификой».

Что касается российского китаеведения, то здесь доминируют либо откровенно апологетические, либо умеренно-оптимистические оценки состояния и перспектив развития партийного государства «ленинского типа» в современной КНР.

У части российских наблюдателей доминирует мнение о глубокой изначальной продуманности стратегии реформ в КНР. Известный востоковед А.Кива, к примеру, пишет: «...особо следует подчеркнуть, что стратегия

развития КНР была очень продуманной. Прежде чем ее принять, окружение Дэн Сяопина изучило опыт НЭПа, косыгинских реформ, реформ в Венгрии, в «новых индустриальных странах», и даже пригласило в Пекин «крестного отца» неolibерализма М.Фридмана. И только после этого выработало собственную оригинальную модель реформ и открытости...»[Кива, 2009, с.29]

Политолог-китаевед В.Бородич, очевидно, полагает, что «социалистическая демократия под руководством правящей компартии» - это реальность. Автор, в частности, пишет: «В политической трансформации КНР не произошло изменения системы партии гегемона. КПК продолжает укрепляться, как институт руководства всем процессом общественно-политической трансформации ... руководство КПК решило сделать плюралистичной не всю институциональную подсистему, а саму партию ... Сам факт динамичного, конструктивного и контролируемого хода реформ подтверждает справедливость установки КПК на сохранение за компартией роли главного субъекта реформ ... Институты социалистической демократии в КНР развиваются». [Бородич, с. 219-220, 230]

Известный российский китаевед М.Титаренко считает, что модель организации общества и производства в КНР «объективно являет собой альтернативу традиционному западному либеральному варианту развития». [Титаренко, 2009, с. 5]. Автор, судя по всему, склонен согласиться с официальным выводом китайского руководства относительно того, что

«только социализм может спасти Китай, только реформы и открытость могут развивать Китай». [Титаренко, 2009. с.5; Жэньминь жибао, 18.12.2008].

Другой российский синолог – специалист по социально-политическим процессам в КНР - К.Кокарев склонен к более сдержанным оценкам. Он, в частности, признает, что в 90е годы в Китае произошло «...заметное усиление карательно-репрессивных функций режима. При этом методы деятельности партийно-государственных органов, с некоторой поправкой на новые условия, по существу, оставались прежними: организовывались массовые политико-идеологические кампании, проводились кадровые «чистки» по идеологическим критериям, уголовному преследованию подлежали все те, кто выступал против политического курса КПК. Ограничено применение командно-административных методов в экономической сфере. Изменившиеся условия ... вынудили КПК открыть доступ в партию для лиц, чья деятельная активность направлена на получение прибыли и личное обогащение, а не на декларируемые цели служения народу». [Кокарев, 2005, с. 48] Кокарев определяет политический режим в КНР на современном этапе как «авторитарный с элементами экономического либерализма» [Кокарев, 2004, с. 306] и полагает, что для него не закрыт путь цивилизованной трансформации в демократический режим по тайваньскому образцу. [Кокарев, 2005, с. 49]

Китаевед-политолог Н.Мамаева, однако, считает, что такое определение, как «авторитаризм с элементами экономического либерализма» не вполне исчерпывает суть дела, так как за ним «не просматривается все

разнообразии политической действительности [в современной КНР], активно адаптирующейся к требованиям времени». [Мамаева, 2007, с. 215] Исследовательница, судя по всему, разделяет мнение ряда зарубежных специалистов о формировании в КНР системы «консультативного авторитаризма» [Steven Tsang, 2010] и отмечает: «Одно из центральных мест в процессе адаптации партии к новым потребностям в сфере управления ... занимает процесс принятия решений в партийных и государственных органах с привлечением ученых, общественности и населения». [Мамаева, 2007. с. 212-213, 214] В этой связи уместно напомнить, что в свое время Г.Скиллинг применил определение «консультативный авторитаризм» для характеристики отношений между правящим компартиями и обществом в 60е годы в Болгарии, ГДР, Румынии, Венгрии и Польше, а также в СССР в период «оттепели» Хрущева. [Skilling, 1970, p. 281-288] Дальнейшие пути эволюции-революции европейских соцстран весьма убедительно продемонстрировали, что такие практики «общественных консультаций», действительно имевшие место на определенных этапах существования партийных государств «ленинского типа», тем не менее, не могут считаться типологически определяющими для данного вида политических режимов.

По-своему интересна заочная дискуссия о применимости опыта реформ в КНР в бывшем СССР и в России. Такие авторы, как Д.Сакс [Sachs, Woo, 1994], М. Чанади [Csanadi, 2006] , Е.Гайдар [Гайдар, 1997], А.Ослунд [Aslund, 1995, 2007] и М.Карпов [Карпов, 1999] считают, что в нашей стране отсутствовали социально-экономические, институциональные и культурные

предпосылки для реализации «китайской модели» преобразований. Ряд отечественных специалистов придерживаются прямо противоположной точки зрения – С.Глазьев, А.Вольский, Ю.Маслюков [Гайдар, 1997, с. 40]

Большинство китайских коллег отмечают «успехи» китайских реформ и «неудачи» российских. По вопросу же о применимости хранится, как правило, политкорректное молчание, ибо декларировать применимость – за отсутствием убедительной эмпирики - сомнительно, а утверждать неприменимость - ставить под сомнение «международное значение» китайского опыта и ряд идеологем официального Пекина. В частности, растиражированное в Китае представление о «фундаментальной ошибочности» курса М.Горбачева, который якобы начал преобразования в СССР с политической реформы. Вместе с тем, Чжан Цзюнь имплицитно приходит к выводу об «упущенной возможности» движения бывшего СССР по «китайскому пути», сопоставляя действия китайского и советского руководства в области реформы цен и политического контроля в госсекторе и указывая на то, что он считает «непоследовательностью» московских реформаторов. [Чжан Цзюнь, 2006]. Интересно, что при этом он широко использует исследование об экономических реформах в СССР периода «перестройки», принадлежащее перу известных сторонников неолиберализма К.Мэрфи, А.Шляйфера и Р. Вишны [Murphy , Schleifer , Vishny, 1992].

Проблематика «пределов реформ» в системах «ленинского типа»

Как бывшие советологи - сторонники теорий группы «Б» в 60-80е годы XX века, так и многочисленные современные КНРоведы, указывающие на уроки, извлеченные КПК из советского коллапса и ее адаптацию к процессам глобализации, по их собственному признанию, исходили (исходят в отношении КНР) из признания наличия рациональности в действиях партии-государства. Однако, после распада «реального социализма» на востоке Европы, видные представители советологических школ констатировали, что склонны были переоценивать степень этого рационализма. Вынужденно признавая в начале 90х годов справедливость ряда положений концепции «тоталитаризма», они увидели ее главное достоинство в «...упоре на самостоятельное значение иррациональной власти...» [Mueller], которая сохранялась на протяжении всего периода существования партийных государств «ленинского типа» в странах «восточного блока».

Здесь, однако, возникает вопрос из области политической философии. Что вообще следует считать «рациональным» или «иррациональным» в политике и в экономике, причем, отнюдь не только в «тоталитарных» режимах? Экономист из США Роберт Шиллер, к примеру, в своих относительно недавних работах весьма ярко продемонстрировал, насколько может быть иррациональным поведение общественно-экономических субъектов во вполне демократических и капиталистических системах современного Запада. [Shiller, 1982, 2000, 2003] Вероятно, действия людей, в

самом деле, можно считать лишь условно рациональными, а всякая общественно-экономическая система имеет свои «иррациональные зоны».

Мы рассматриваем, однако, «пост-тоталитарный» Китай и речь идет об «иррационализме», присущем именно системам «ленинского типа». К примеру, можно ли считать иррациональными действия «власти - системы», направленные на самосохранение? Тем более, тогда, когда ради этого самосохранения «власть – система» готова пойти на некоторые подвижки в статус-кво. Ведь «глубокие социальные» и иные изменения действительно происходили в «советских системах» и партийные государства «ленинского типа», так или иначе, учитывали их. Изучение этих изменений и реакции на них со стороны партийных государств составляло вполне фундированное содержание всех без исключения теорий группы «Б». Иными словами, вопрос можно поставить так: насколько «рациональны» или «иррациональны» реформы в системах «ленинского типа»? Скажем, можно ли считать иррациональным отказ Председателя Государственного комитета СССР по ценам В.Павлова весной 1987 года пойти на частичную либерализацию ценообразования? Будущий член ГКЧП мотивировал этот отказ убыточностью добычи сырья и заниженной стоимостью рабочей силы. Павлов, однако, вовсе не цеплялся за статус-кво: он предлагал постепенное, административно контролируемое повышение цен для преодоления убыточности, а его опасения относительно возможного хаоса в экономике страны в случае радикального введения хозрасчета при реально существующих ценовых дисбалансах были совершенно обоснованны.

[Пихоя, Соколов, 2008, с. 185] Парадоксальным, на первый взгляд, образом, рациональное решение советского руководства о дозированном повышении цен и постепенном введении хозрасчета через полтора года ввергло экономику «флагмана мирового социализма» в спираль роста цен и дефицитов, в итоге привело к всеобщему параличу системы и – постфактум – стало выглядеть как совершенно иррациональное!

Иницируя переход к радикальной реформе цен в КНР весной 1988 года, Дэн Сяопин вполне рационально исходил из того, что клубок резко обострившихся в тот период социально-экономических и политических проблем был вызван введением «двухколейного» ценообразования (о чем речь подробно пойдет ниже) и отсутствием адекватного механизма централизованного управления такими ценами. Радикальная либерализация цен или их одномоментное административное повышение до умозрительного рыночного уровня логично представлялись мерой, способной раз и навсегда избавиться от ценовой «двухколейности», решить проблему системной коррупции, макроэкономических дисбалансов и – заодно – серьезно укрепить политические позиции группировки реформаторов в высшем эшелоне партийно-государственного руководства. Курс на радикальную реформу цен, однако, имел абсолютно иррациональные последствия в виде глубокого социально-политического и экономического кризиса, короткого, но крайне болезненного периода гиперинфляции летом и осенью 1988 года и, наконец, массового движения протеста в Пекине и ряде других городов страны весной 1989 года, силовое подавление которого обернулось кровопролитием. По

своему не менее логичные попытки положить конец «двухколейной модели» путем административной рецентрализации ценообразования (не взяли рынком, так возьмем приказом!) на рубеже 1989 и 1990 годов обернулись дальнейшим дроблением механизма ценообразования и несомненным увеличением совокупных издержек.

Известный политолог из США Джузеппе Ди Пальма в середине 90х годов был склонен констатировать: «Серьезным заблуждением стало бы изображение ... руководства [реформирующихся социалистических стран] как уверенно занимающего «срединные реформаторские позиции» и шаг за шагом продвигающего [общество] к демократии. Между монополистическим аппаратом [партийной власти] и совершенно неорганизованным общественным сознанием слишком мало пространства для *Reforma Pactada* [переход к политическому плюрализму на основе многосторонней договоренности различных общественных объединений] по образцу Испании [после смерти Ф.Франко]. Конец коммунистических режимов неизбежно принимает форму краха, отречения ... Единственный вопрос, по которому может быть достигнут компромисс во имя того, чтобы избежать кровопролития, это вопрос о возмездии». [Di Palma, 1995, p. 243] Говоря формально, эта констатация Ди Пальма не безупречна. Опыт демонтажа партийного государства «ленинского типа» в Венгрии в 1987-1990 годах дает пример как раз такой политической трансформации на основе многостороннего «пакта» различных общественных сил («negotiated revolution» [Tokes, 1995]), обусловленного рядом исторически сложившихся

в этой стране явных и неявных внутренних и внешних сдержек и противовесов. «Венгерские договоренности» достаточно хорошо описаны и проанализированы в специальной литературе. [Hankiss, 1990; Karpov, 1999; Kis, 1991-92; Tokes, 1995] И, тем не менее, что касается процессов «схода со сцены» государств «ленинского типа» в соцстранах Восточной Европы в целом, то, по своей сути, мнение Ди Пальма совершенно справедливо. Здесь везде – даже там, где не пролилось ни капли крови - имела место не «реформа-реструктуризация» политико-экономической системы, а ее распад-деструктуризация, сопровождавшаяся значительным и болезненным хозяйственным спадом и общественно-политической неопределенностью. Недаром даже Рудольф Токеш, подчеркивая «договорный» характер политической трансформации в Венгрии, все же описывал ее в категориях «революции», а не «реформы». [Tokes, 1995] Напомним, кстати, что М. Чанади постоянно называет поведение субъектов системы «политически рациональным», хотя совокупный результат этого поведения оказывается губительным для системы в целом. В аналогичном духе высказывался в свое время и Бжезинский, отмечая «рационализм методов и иррационализм целей тоталитаризма». Единственный возможный логический вывод состоит в том, что *ключевые несущие конструкции - скрепы системы «ленинского типа» настолько иррациональны (обладают чрезвычайно низкими адаптивными способностями [Dickson, 1997]), что даже по-своему рациональные действия в пределах этой системы и во имя ее могут оказаться бессильны или иметь в конечном итоге результат,*

противоположный ожидаемому. Иными словами, система обладает удивительной способностью девальвировать и даже содержательно видоизменять не только рациональные действия, направленные на ее сохранение (самосохранение), но и смысл самого понятия «рационализм».

Политэкономическое содержание скреп «системы» подробно описано в работах Л. фон Мизеса, Я.Корнаи и М.Чанади и *сводится к феномену «мягкого бюджетного ограничения» как в экономической, так и в социально-политической сферах систем «ленинского типа».* Этот феномен, в свою очередь, вызван ликвидацией или длительным подавлением рыночных отношений в экономике, а также принудительной насильственной гомогенизацией общественно-политической сферы, осуществленных правящей партией-государством «ленинского типа» на этапах «трансформации» и «консолидации» режима (по Хантингтону и Муру). *Здесь, думается нам, и есть ключ к пониманию базовых причин «системной иррациональности».* Эмпирический опыт свидетельствует, что вполне рациональные реформы, упираясь в эти скрепы, зачастую имеют весьма иррациональные последствия, в то время как отказ от этих скреп означает отказ от системы как таковой. Однако, целенаправленный отказ от системы и разрушение этих скреп предполагают настолько высокую степень радикализма сознания и действий, что категории «реформ» здесь уже вряд ли уместны. Кроме того, несомненно, что такая степень радикализма может появиться лишь в условиях некоего

чрезвычайного стечения многих обстоятельств объективного и субъективного свойства.

Короче говоря, встает вопрос о необходимости вычленить и охарактеризовать эти «низко адаптивные» скрепы в институциональном и в практическом отношениях и – соответственно – о пределах реформ в системах «ленинского типа».

Как ни удивительно это может показаться, но проблематика пределов реформ как таковая почти не удостоилась научной разработки в океане советологической и КНРоведческой литературы. На ранних этапах советологии она подменялась довольно невнятными рассуждениями о «способности» или «неспособности» «тоталитарных» систем к внутренней эволюции. К.Фридрих и З.Бжезинский, выступившие в качестве своего рода «законодателей мод» на начальной стадии изучения систем «ленинского типа», не дали вразумительного ответа на ключевой вопрос о потенциале реформирования и направлениях возможной эволюции очерченной ими «тоталитарной модели». Они, в частности, писали: «Предсказание возможного направления тоталитарной эволюции ныне еще более проблематично. Мы предпочитаем простую экстраполяцию современных тенденций и оценку с учетом долгосрочных исторических наблюдений потенциала автократических режимов. Исходя из этого, перспективы тоталитарных диктатур представляются весьма неопределенными. Оставляя в стороне возможность ликвидации тоталитаризма в ходе войны, [его гибель] могла бы стать результатом внутренней трансформации. Но если один из

тоталитарных режимов исчезнет, это не исключает появления на его месте другого в том случае, если для этого созреют необходимые условия...» [Friedrich, Brzezinski, 1956, p. 302-303]. По резонному замечанию современных российских исследователей Н.Работяжева и Э.Соловьева, «подобная беспомощность поставила все их [Фридриха и Бжезинского] построения в весьма двусмысленное положение». [Работяжев, Соловьев, 2005, с. 75]

Х.Линц, формулируя и обосновывая на рубеже 60-70х годов свою концепцию «пост-тоталитарного режима» как завершающей фазы режима «тоталитарного», ближе всех, думается, подошел к проблеме «пределов реформ» в системах «ленинского типа». Утверждая, что «пост-тоталитарное» состояние является производным от «тоталитарного» и генетически с ним связано, он подчеркивал, что от «тоталитаризма» («пост-тоталитаризма») к авторитаризму и другим типам режимов «не существует прямой непрерывной линии развития». [Linz, 2000, p. 253] Иными словами, для окончательного преодоления «тоталитаризма» необходим некий качественный системный скачок. Однако Линц никак не прояснил и не конкретизировал этот свой вывод, сделанный, как нам кажется, - за отсутствием в те годы какой-либо убедительной эмпирики – преимущественно на основе завидной аналитической интуиции.

Сторонники теорий группы «Б», вполне естественно в силу своего научно-методологического и мировоззренческого подходов, подчеркивали способность «советских систем» к внутреннему реформированию и не

задавались вопросом о возможных «пределах реформ». Адепты теорий «модернизации» и, в особенности, «конвергенции» вообще считали постепенную и целостную социально-экономическую и идейно-политическую эволюцию режима в СССР неизбежной. Однако, видные советологи этого направления, как правило, также указывали на значительные трудности и препятствия на пути такого реформирования в виде неизбежной социальной и имущественной дифференциации в эгалитарных обществах, сопротивления плановых и контрольных ведомств, а также силового лобби, обеспокоенного возможным снижением обороноспособности стран Варшавского Договора, и т.д. [Berliner, 1957, p. 75-76; Cohen, 1980, p. 11-26; 1985, p. 59-61; Meyer, 1965]

В середине 70х годов западногерманский советолог К. фон Бейме обратил внимание на опережающие темпы экономических реформ в сельском хозяйстве по сравнению с промышленным сектором социалистических стран Восточной Европы. Он отмечал: «Наиболее сильно это заметно в Польше, где с октября 1956 года аграрные товарищества начали распускать. Аналогичные тенденции имеют место в Чехословакии и Венгрии с 1954 года, а в Югославии еще с 1950 года. [В Югославии] в 60е годы постепенно стало возможным сделать более свободными процессы получения в частное владение сельскохозяйственного оборудования. К 1973 году более 80% земельных угодий в Польше оказалось в руках крестьян-единоличников. Эти тенденции к деколлективизации свидетельствуют, что, к скрытому неудовольствию партийного руководства, правящим компартиям

не удалось полностью предотвратить процесс возвращения к простым формам малого крестьянского хозяйства». [Beume, 1975, s. 59-60]

Опережающее и в целом успешное проведение рыночных реформ в сельском хозяйстве и циклическое замедление аналогичных преобразований в индустриальном госсекторе восточноевропейских соцстран отмечали впоследствии многие специалисты по этому региону. [Berend, 1988; Kornai, 1990; Revesz, 1990; Szamuely, 1984a, p. 1-24, 1984b, p. 43-67]

В КНР, как известно, наиболее ускоренные, глубокие и успешные с точки зрения общего социально-экономического эффекта преобразования также были проведены на рубеже 70-80х годов именно в сельском хозяйстве (внедрение т.н. «семейного подряда»), еще до начала крупных преобразований в сфере городской промышленности. [Бергер, 1984, 1985; Бони, 2003; Dorn, Wang Xi (ed.), 1990; Sacks, Woo, 1992] Объясняя это явление, экономист из университета в Гонконге Чжан Учан (Steven Cheung) перечислял причины «относительной легкости» преобразований («приватизации») в сельском хозяйстве по сравнению с индустриальным сектором. По его мнению, во-первых, факторы производства в виде оборудования, машин или «торговых марок - брэндов» [в индустриальном госсекторе] не находятся в исключительной собственности какого-либо одного «члена корпорации». Следовательно, они не могут быть с легкостью подвергнуты такому же «физическому разделу», как участок земли, который можно поделить между индивидуальными крестьянскими хозяйствами. Во-вторых, срок службы индустриальных факторов производства, как правило,

конечен и существенно менее длителен, чем период производственного использования земельных угодий. В-третьих, производственный процесс в промышленности и торговле структурно намного более сложен и внутренне теснее взаимосвязан, чем в сельском хозяйстве. Соответственно, выстраивание эффективной «контрактной (арендной) цепочки» сталкивается с большими трудностями, ибо у нижестоящих звеньев объективно существует меньшее пространство для договорного маневра в целях защиты собственных административно-хозяйственных интересов. В-четвертых, соотношение прибылей и убытков в сферах промышленности и торговли, как правило, подвергается более резким колебаниям в зависимости от рыночной конъюнктуры, чем в сельском хозяйстве. Это обстоятельство существенно сокращает сроки контрактных (арендных) отношений в индустриальном секторе. И, наконец, производительность в торгово-промышленном секторе зависит от качества человеческого капитала в гораздо большей степени, чем производительность аграрная. Торгово-промышленная деятельность предполагает более высокую стоимость рабочей силы и, следовательно, большой объем необходимых оборотных средств. [Cheung, 1990, p. 24-25]

Выводы указанных исследователей, также как и собственный опыт изучения экономических преобразований в промышленном госсекторе КНР в 80е годы и в Венгрии в 60-70е годы [Карпов, 1995, 1997; Karpov, 1999], позволили автору этих строк в 90е годы впервые в отечественной литературе поставить вопрос о вычленении «не поддающихся реформированию социально-экономических основ тоталитаризма». Отмечая причины

опережающих рыночных реформ в сельском хозяйстве и пробуксовки таковых в индустриальном секторе соцстран, мне довелось тогда писать: «сам характер производственного процесса в сельском хозяйстве, т.е. прежде всего, крестьянского труда на земле, многовековые традиции трудовой этики, относительная самодостаточность крестьянского хозяйства, опосредованность его привязки к городу, а, следовательно, к сфере высшей власти и политики вообще, обусловили значительную устойчивость, инерцию и сопротивление деревни в отношении принудительного огосударствления и централизации. Кроме того, отмеченные особенности сельскохозяйственного производства особенно сильно проявляются, прежде всего, на микроуровне, т. е. на уровне конкретной крестьянской семьи, двора, фермы. Представляется, что даже там, где коллективизация приняла наиболее насильственные и законченные формы, полного подавления хозяйственных и психологических особенностей деревенского труда и быта не произошло. Иное дело промышленность... С одной стороны, политическая монополия компартии на власть обеспечивает [в ходе и в результате социалистической индустриализации] создание и функционирование промышленного госсектора [в параметрах мягкого бюджетного ограничения]. С другой стороны, подобный госсектор, будучи исключительно «дитем социалистической индустриализации», является наиболее надежной и мощной социально-экономической опорой партийной диктатуры. Сформированное на этой основе организационное, политическое и хозяйственное единство компартии и промышленного госсектора – своего

рода, тоталитарный партийно-индустриальный симбиоз – и является, с нашей точки зрения, несущей конструкцией реального социализма ... Ликвидация [этой конструкции] сопряжена с системным обвалом, грозящим и власть имущим, и самым широким слоям общества». [Карпов, 1996, с. 30-32, 46]

Более углубленный анализ реформ в промышленном госсекторе КНР в 90е и нулевые годы – акционирование, создание и развитие фондового рынка и, наконец, продажа-передача «в частные руки» контрольных пакетов акций ряда бывших госпредприятий - свидетельствовал о необходимости продумать и внести уточнения в формулировку о «партийно-индустриальном симбиозе». Тем не менее, я решился привести здесь этот отрывок своего прежнего исследования, ибо до сих пор полагаю, что зона поиска «нереформируемых» звеньев-скреп системы была определена мною тогда в целом верно.

Несомненно, наиболее фундаментальная на сегодняшний день попытка описать и объяснить внутреннюю логику, структуру, последовательность, а также динамику и системные последствия рыночных реформ в системах «ленинского типа» содержится в книге Яноша Корнаи «Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма». [Kornai, 1992; Kornai, 1995] Классик политэкономии «реального социализма» писал, что целью его исследования является характеристика «закономерностей и регулярностей системы. Книга имеет своим объектом те черты, которые являлись общими для всех стран, где имело место длительное правление коммунистических партий». [Kornai, 1995, s. 5] Корнаи отмечает, что понятие «социализм»

имеет два значения. Первое – это совокупность «социалистических» идей. Второе его значение – реальный социализм, построенный в тех странах, где у власти находились (находятся) коммунистические партии. При этом исторический опыт свидетельствует, что было много случаев, когда сами коммунисты в одних странах не признавали за коммунистами других стран права на воплощение «истинного социализма». Такова была суть идеологического конфликта между СССР при Сталине и Югославией при Тито, СССР при Хрущеве и КНР при Мао Цзэдуэне. Предметом исследования Корнаи является не идейно-политическая борьба между лидерами мирового «коммунистического движения», а общие и характерные особенности созданных ими в своих странах социально-политических и экономических систем. Автор выделяет три стадии эволюции «реального социализма», которые содержательно и семантически в полной мере соотносятся со стадиями эволюции «революционных однопартийных режимов», отмеченных в свое время С.Хантингтоном и Кл.Муrom. Первая – революционный переход от капитализма к «социализму» («трансформация» по Хантингтону и Муру). Вторая – «классическая социалистическая система» («консолидация» по Хантингтону и Муру). Третья – «реформированная социалистическая система» («адаптация» по Хантингтону и Муру). Корнаи неоднократно подчеркивает, что ключом к пониманию закономерностей существования, воспроизводства и эволюции «социалистической системы» является анализ ее политической структуры и системы власти. [Kornai, 1995, s. 35, 408] Этот подход, а также то, как автор описывает структуру и систему

политической власти в партийном государстве «ленинского типа» - примат партии над государством, единство партийно-государственной номенклатуры, роль идеологии, «революционного» насилия и «жертвенности» и т.д. [Kornai, 1995, s. 36-60] - органически сближают концепцию Корнаи с ключевыми советологическими теориями группы «А». Впрочем, сам автор всячески избегает экскурсов в историографию советологии.

Корнаи выделяет пять типов координирования социально-экономической и политической деятельности, известных в истории человечества.

1. Бюрократическое координирование, в основе которого лежат вертикальные и несимметричные (у «верхов» больше власти, чем у «низов») отношения руководства – подчинения. Эти отношения не опосредованы ни рынком, ни этикой, ни институтами самоуправления.

2. Рыночное координирование, в основе которого лежат горизонтальные связи между продавцом и покупателем.

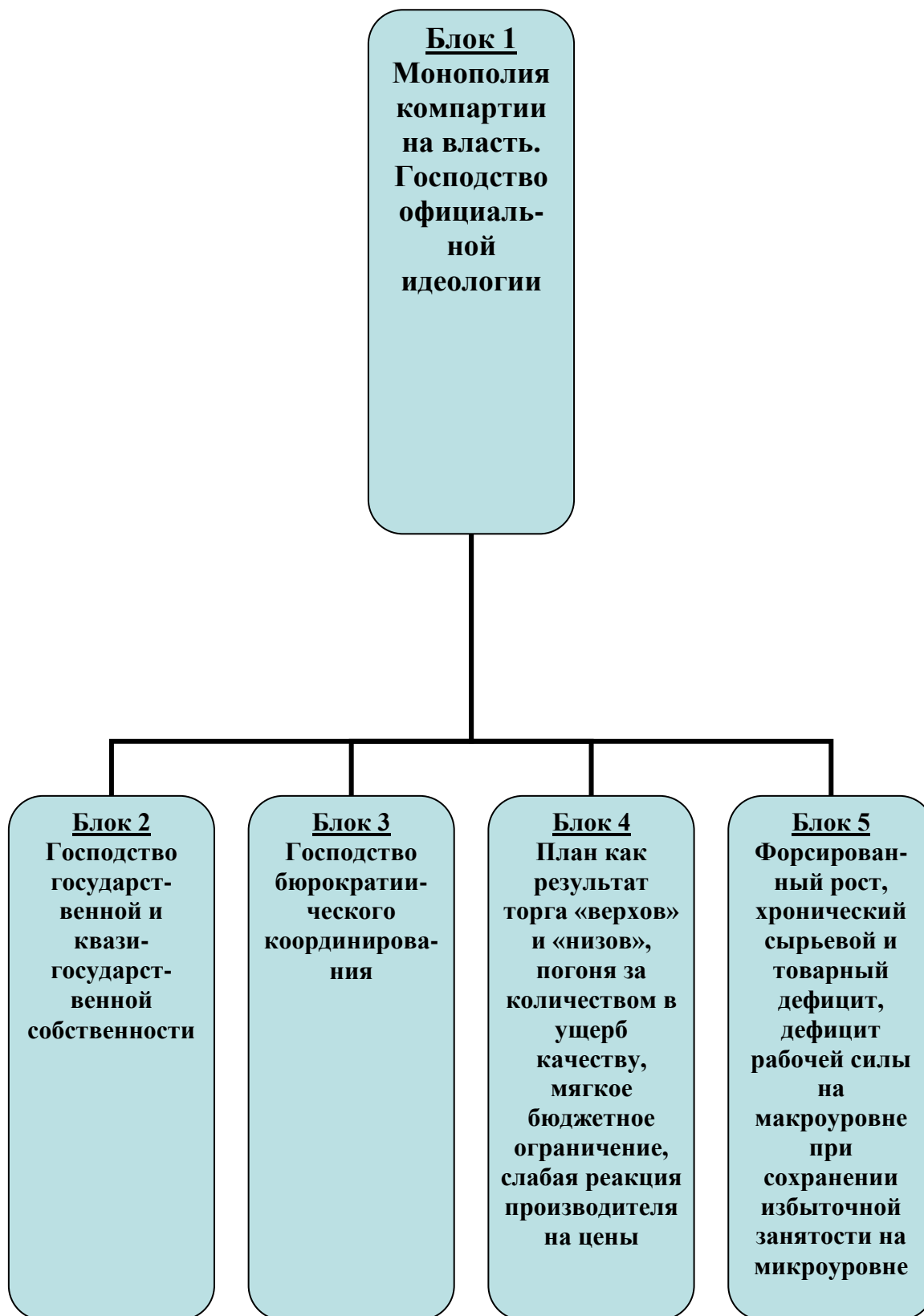
3. Координирование путем самоуправления, которое объединяет вертикальные и горизонтальные связи. Периодически избираемое тем или иным путем руководство в такой системе пользуется делегированным ему «снизу» правом принятия решений. Для «самоуправленческого» координирования характерен широкий и достаточно открытый обмен информацией внутри системы.

4. Этическое координирование, в основе которого лежит взаимодействие между дарителем и получателем как материальных, так и нематериальных ценностей.

5. Семейное координирование, в основе которого лежит этика родственных отношений, соединяющая в себе как вертикальные, так и горизонтальные механизмы взаимодействия. [Kornai, 1995, s. 99-106]

Далее автор подчеркивает, что, хотя в реальной «социалистической системе» существуют все типы координирования, однако типологически определяющим является именно бюрократическое координирование, которое – впервые в истории человечества – связывает воедино все общество с институтами и практиками власти и управления. Достижение примата бюрократического координирования при «реальном социализме» достигается в результате целенаправленной и сплошь и рядом насильственной политики, направленной на уничтожение и подавление рыночных, самоуправленческих и, подчас, даже семейных отношений в обществе. Идеологически мотивированный и насильственно осуществленный отказ от рынка приводит к господству плановой экономики с установкой на форсированный рост в условиях «мягких бюджетных ограничений». Эти обстоятельства, в свою очередь, обуславливают непрозрачный торг «верхов» и «низов» по поводу плановых заданий, хронические абсолютные и структурные сырьевые и товарные дефициты, невнимание к ценовым и – шире – денежным факторам производства, общее снижение качества и эффективности, рост совокупных издержек и т.д. В качестве наглядной иллюстрации описанной структуры и

логической последовательной взаимозависимости ее институционально-практических элементов Корнаи предлагает воспроизведенную ниже таблицу. При этом автор подчеркивает, что именно в первом блоке – «Монополия компартии на власть. Господство официальной идеологии» - заложена «генетическая программа» всей системы. [Kornai, 1995, s. 426]

По мнению Корнаи, важнейшей проверкой подобной системы на жизнеспособность является процесс реформирования «реального социализма», предпринятый во многих государствах «ленинского типа». Автор подробно останавливается на определении понятия «реформа». Во-первых, реформа должна быть в достаточной мере глубокой, то есть охватывать, по меньшей мере, один из блоков системы, обязательно затрагивая, так или иначе, соотношение типов координирования и формы собственности. Во-вторых, она должна быть в определенном смысле радикальной. Должен быть разработан понятийный аппарат или, как пишет Корнаи, «язык реформы», делающий изменения легитимными в общем контексте системы. В-третьих, однако, понятие «реформа» не должно подразумевать полного изменения системы, иначе это будет уже не «реформа», а «революция», то есть качественный скачок в иное состояние.

[Kornai, 1995, s. 436]

Во многих странах, - отмечает автор, - реформы начинались, как попытки изменить ситуацию в блоках 2, 3 и 4, оставляя в неприкосновенности ключевые составляющие блока 1. Главные характеристики системы политической власти оставались неизменными, в то время как ожидалось глубокие перемены в прочих составляющих системы. Эмпирический опыт истории, однако, свидетельствует, по мысли Корнаи, что это оказалось невозможным. Между тем, радикальные перемены в блоке 1 означают переход «Рубикона от реформ к революции», то есть к целостному

и качественному изменению системы. Опираясь на этот тезис, автор формулирует свою концепцию: «социалистическая система не способна к такому обновлению, которое освободило бы ее от дисфункций, вызванных монопольным господством компартии и приматом государственного сектора [без полной ликвидации этих последних]. Если система в целом окажется способной развивать в блоках 2, 3 и 4 такие новые составляющие, которые значительно отличались бы от классических образцов ...без принудительного изменения в блоке 1, то тогда [предлагаемая] концепция окажется слабой или, возможно, будет полностью опровергнута». [Kornai, 1995, s. 426]

Далее Корнаи характеризует возможную степень глубины тех перемен («реформ»), которые все же имеют место во втором, третьем, четвертом и пятом блоках системы, при условии сохранения нетронутыми ключевых параметров первого блока. В отношении собственности перемены могут быть радикальными, однако, затрагивают они, как правило, достаточно ограниченный сегмент экономики. Это, впрочем, может привести к заметным изменениям (по Корнаи – к «средним значениям») в плане активизации рыночных и самоуправленческих типов координации, не подрывающих, однако, примат бюрократического координирования в системе в целом. Реформа ценообразования, полагает автор, не отличается радикализмом и, следовательно, не приводит к значительным переменам в мотивации экономической деятельности у ключевых хозяйственных субъектов системы. Открытое макроэкономическое напряжение в силу этого также не превышает, как правило, «средних значений». [Kornai, 1995, s. 634]

Итак, по Корнаи, важнейшее звено системы, которое само не поддается реформе и, одновременно, блокирует преобразования в других звеньях – это само партийное государство «ленинского типа» с его монопольной «идеологической» властью, определяющей примат бюрократического координирования и «мягкого бюджетного ограничения» всей совокупности социально-экономических процессов. Именно здесь – по логике автора – располагается ключевая «иррациональная зона» системы «реального социализма».

В самом общем плане мы готовы согласиться с таким выводом. Следует, однако, отметить, что фундаментальное исследование Яноша Корнаи основывалось, прежде всего, на эмпирическом материале реформ в восточноевропейских соцстранах. Отсюда, надо полагать, его выводы о «незначительном радикализме реформы ценообразования», слабости ценовых стимулов для основной массы производителей и «средних значениях» открытого макроэкономического напряжения. В самом деле, даже в Венгрии, дальше всех в «восточном блоке» зашедшей по пути «совершенствования социалистического хозяйственного механизма», реформа ценообразования не вышла за рамки устанавливаемого «сверху» «коридора ценовых колебаний». В КНР, между тем, реформа ценообразования – как будет подробно показано ниже – не только опережала остальные преобразования, но во многом определила последовательность и динамику «китайского пути» реформ в целом. Кроме того, она отличалась беспрецедентным для остальных «социалистических систем» радикализмом,

очень быстро ликвидировав ограничения на амплитуду ценовых колебаний для реализуемой на рынке продукции. «Макроэкономическое напряжение» в КНР за годы реформ – по контрасту с остальными реформировавшимися европейскими соцстранами - также характеризовалось драматически выраженной циклической динамикой.

Таким образом, с учетом опыта экономического реформирования в КНР, выводы Корнаи нуждаются в существенных уточнениях. Идущие в китайском экспертном сообществе и в мировой синологии дискуссии о «китайском чуде» придают вопросу о «пределах реформ» в социалистических системах колоссальное научное и практическое значение. Для того чтобы попытаться получить ответ на него, необходимо обратиться к эмпирическому опыту пути построения «рыночного социализма с китайской спецификой».

Глава вторая

Реформа цен как ключевое звено «китайского пути».

Практики и теории «двухколейного» ценообразования.

Мой опыт осмысления рыночных преобразований в Китае после 1978 года привел к следующему выводу: изучение и концептуализация реформы системы ценообразования в КНР является ключевым фактором для понимания как логики «внутрисистемных связей», так и социально-экономической и даже политической динамики развития этой страны на протяжении последних трех десятилетий. Между тем, с одной стороны, в этой сфере ощущается острый дефицит эмпирики, прежде всего, с самого низового уровня. С другой стороны, китайская экономическая литература изобилует далеко идущими теоретическими построениями [Ли Хуэйчжун, 1998; Фань Ган, 1995, 1996; Шэн Хун, 2003; Чжан Цзюнь, 2006], оказавшими заметное влияние на некоторых зарубежных специалистов, в первую очередь на Б.Нотона [Naughton, 1994] и М.Чанади [Csanadi, 2006].

Получить насколько возможно более подробное представление о реформе цен в Китае принципиально важно и актуально в силу следующих взаимосвязанных причин:

Во-первых, реформа цен в КНР де-факто оказалась приоритетным экономическим преобразованием, инициированным «сверху». После перехода к политике «урегулирования» в 1979 году, т.е. с момента фактического снятия с повестки дня курса «4-х модернизаций» - китайского

аналога горбачевского «ускорения», Дэн Сяопин и его сторонники начинают ориентироваться на структурные реформы. Уже набравший в те дни обороты роспуск «народных коммун» в деревне начинался как крестьянская инициатива «снизу», во многом вынужденно санкционированная местным, а затем и высшим политическим руководством. Реформа цен, берущая начало в тот же период, стала, по сути дела, первой целенаправленной структурной реформой рыночного характера, осуществленной «сверху» по инициативе облеченных властью сторонников преобразований. Таким образом, реформа цен в Китае с самого начала опередила целый ряд других «перестроек» – реформу планирования, налогообложения, собственности, банковскую, административную и т.д. Все последующие тридцать лет реформ она неизменно «бежала впереди» остальных преобразований, в огромной мере определяла их динамику и характер и способствовала тому, что многие из них стали необратимыми. Профессор Чжан Чжоюань во второй половине 90х годов отмечал: «В практике реформ последних 15 лет только реформа цен и процветала. Находясь на переднем рубеже преобразований, она отбрасывала в сторону многие трудности, надуманные некоторыми экономистами. Ярким контрастом здесь служит реформа предприятий, которую многие полагали несложной, но...хозяйственный механизм госпредприятий до сих пор не изменился к лучшему...» [Чжан Чжоюань, 1996, с. 3]

Будоражившие китайских экономистов в середине-второй половине 80х годов острые дискуссии о выборе приоритетов – реформа цен или собственности – имели место в тот период, когда на самом вершине первенство

де-факто уже давно было отдано реформе цен. [Подробнее об этих дискуссиях см. Жигулева, 2006, с. 53-56; Карпов, 1997, с. 62-64]. Более того, сами эти дискуссии, в чем-то напоминавшие известный спор «о яйце и курице», по сути, были вызваны последствиями уже запущенных реформ в ценообразовании. [Ли Хуэйчжун, 1998, с.100-101]. Несмотря на всю свою частичность и непоследовательность (о чем речь впереди), реформа цен в КНР, с моей точки зрения, явилась и, как ни странно это может прозвучать, вплоть до сегодняшнего дня является наиболее последовательной, по своему радикальной и успешной мерой китайского руководства по созданию в стране элементов рыночного хозяйства.

Во-вторых, именно стремление к аналитическому и теоретическому обобщению реформы цен привело к появлению в Китае собственных, весьма любопытных концепций постепенного перехода от командно-административного хозяйства к рыночной экономике с известной претензией на международное научное и практическое значение. С этими концепциями стоит попытаться разобраться, прежде всего, на предмет их соотношения с эмпирической реальностью.

И, наконец, по мнению известного венгерского экономиста Я.Корнаи, «реформа цен при рыночном социализме – важнейшее направление [движения] при отходе от классической социалистической системы» [Kornai, 1995, s.576]. Данное положение представляется в равной мере корректным методологически и верным по сути, подтвержденным историческим опытом. Социально-экономические и политические практики «реального

социализма», направленные на замену рыночного координирования бюрократическим, приводят к маргинальному положению рыночного (свободного) ценообразования, а зачастую, даже к ликвидации такового в целых секторах производства и потребления. Это, в свою очередь, вызывает резкое ослабление реакции производителей на спрос (формируется установка на производство во имя производства), фундаментально смягчает бюджетное ограничение, до крайности затрудняет адекватный расчет издержек, создает механизм воспроизводства всеобщего дефицита при одновременном неконтролируемом росте затрат. [Корнаи, 1990; Мизес, 1994; Kornai, 1992]

Неизбежное рано или поздно восстановление хозяйственной вмняемости в решающей степени связано с возвращением (хотя бы частичным) к рыночным принципам в ценообразовании. В более широком системном контексте реформирования (как и преодоления) «реального социализма» это восстановление определяется перестройкой (радикальной либерализацией) институтов и практик в финансовой сфере. В свете этих обстоятельств изучение реформы ценообразования в КНР, по моему убеждению, позволяет не произвольно, а предметно поставить вопрос о применимости «китайского пути» в других социалистических странах, прежде всего в СССР периода «перестройки» М.С.Горбачева. Вердикт по этой проблеме в решающей степени зависит от ответа на вопрос о том, насколько возможно было приоритетное проведение в СССР той поры реформы ценообразования по китайскому образцу.

Читатель, возможно, уже обратил внимание на то, что в названии предлагаемой статьи слово «практика» предшествует слову «теория». Это не случайно, ибо, во-первых, автор не разделяет тезиса об изначальной теоретической продуманности реформ в КНР и исходит из того, что содержание и логика «китайского пути» шли от практики к теории, а не наоборот. Шэн Хун в этой связи указывает, что существовало два этапа осмысления процесса преобразований. На первом этапе китайские ученые, хозяйственники и политики не занимались «сознательным аналитическим и теоретическим обобщением» вопросов трансформации социально-экономической системы КНР, будучи поглощены разработкой практических мероприятий. И лишь на втором этапе – в 90е годы XX в. – проблемы «системных изменений стали самостоятельным объектом» исследований и обобщений. [Шэн Хун, 1996, с.69]. Это, естественно, не отменяет хорошо известного факта острейшей научно-теоретической и идейно-политической борьбы вокруг вопросов необходимости рыночных реформ как таковых, роли товарной экономики при социализме, реабилитации теории цены и т.д., проходившей в конце 70х – первой половине 80х годов. [Жигулева, 2006, с. 41-50]

Во-вторых, системы «ленинского типа»² в разных странах обладают сходными или идентичными институциональными характеристиками.

² «Система ленинского типа», «тоталитарная система», «однопартийная революционная система» - типологически обобщающие термины для социально-экономических и политических систем стран «реального социализма», употребляемые с различными коннотациями в мировом обществоведении более полувека. [Arendt, 1951; Brzezinski, Friedrich, 1956; Fainsod, 1953; Huntington, Moore, 1970; Inkeles, Bauer, 1959; Linz, 2000; Winckler, 1999; Арон, 1993; Работяжев, Соловьев, 2005 и т.д.]

[Brzezinski, Friedrich, 1956, p. 63-69; Mueller, 1997, p. 12; Работяжев, Соловьев, 2005, с. 72]. Вместе с тем, динамические модели распределения властных полномочий по изъятию и аккумуляции ресурсов в разных системах «ленинского типа» существенно различаются. [Csanadi, 2006, p. 65-78]. В силу этого *в принципе невозможно заранее теоретически определить, какая стратегия реформ в данной системе «ленинского типа» принесет наибольший эффект – «шоковая» или «частично-постепенная», ибо какая бы стратегия ни была заложена изначально – она будет неизбежно и очень жестко отформатирована реальной моделью распределения властных полномочий по изъятию и аккумуляции ресурсов.* [Csanadi, 2006, p. 111-112] Ярким подтверждением справедливости этого тезиса является, к примеру, развитие социально-экономической и политической ситуации в последние годы существования СССР. Постепенные реформы М. Горбачева расшатали советскую хозяйственную модель, и их пришлось радикально ускорить зимой 1991-92 гг. во избежание тотального экономического коллапса, а «шоковый пакет» реформ Е.Гайдара, столкнувшись с сопротивлением директорского корпуса, наоборот, вынужденно «спустили на тормозах» уже к лету 1992. [Aslund, 1995; Нечаев, 2010]. Данное положение в полной мере относится и к рыночным преобразованиям в КНР. Здесь попытки проведения радикальной реформы ценообразования перед лицом сопротивления местных элит и широких слоев населения оборачивались провалом дважды – в 1986 и 1988 гг., во втором случае став катализатором острейшего и, в итоге,

кровапролитного социально-политического кризиса 1989г. [Shirk, 1993; Карпов, 1997]

Становление «двухколейной модели» ценообразования

Ключевые этапы становления в Китае новой модели ценообразования, включающей элементы рыночного регулирования, выглядят следующим образом.

В 1979 году Госсовет КНР принимает «Некоторые положения о расширении хозяйственно-управленческой самостоятельности предприятий», в котором впервые говорится о том, что государственные промышленные предприятия располагают правом реализации произведенной ими продукции. Это право распространялось на все виды сырья и конечной продукции, предусмотренные плановым распределением. Таким образом, еще до определения параметров формирования не директивных цен, был в принципе санкционирован не директивный оборот ресурсов.

В 1981 году Госсовет предоставил нефтедобывающим предприятиям право экспорта сверхплановой сырой нефти по ценам мирового рынка. Каждое отдельно взятое предприятие оказалось в двух различных ценообразующих полях.

В 1983 году государственные органы КНР принимают решение о возможности переработки внутри страны части предназначенной к экспорту сырой нефти с последующей реализацией нефтепродуктов на внутреннем рынке по мировым ценам. Это был первый шаг к созданию в стране системы «двухколейного» ценообразования.

В 1984 году Госсовет принимает «Решение о дальнейшем расширении хозяйственной самостоятельности предприятий», которое санкционирует продажу или договорный обмен сверхплановой части добываемого сырья или производимой конечной продукции по ценам, устанавливаемым предприятием, однако лишь в пределах 20%-ных колебаний от директивной цены.

И, наконец, в январе 1985 году управления ценообразования и материальных ресурсов по представлению Госсовета публикуют «Сообщение об освобождении цен на самостоятельно реализуемую сверхплановую продукцию промышленного производства», отменившее 20%-ный предел амплитуды ценовых колебаний. Теперь вся сверхплановая продукция могла быть реализована на внутреннем рынке страны по ценам, установленным производителем. [Чжан Цзюнь, 2006, с. 118-129]

Сложившаяся в КНР к середине 80х годов новая система ценообразования получила в китайской литературе название «двухколейной» в смысле параллельного существования в экономике «директивных» и «не директивных» цен. Термин «двухколейная модель» в применении к ценообразованию в КНР был впервые введен в научный оборот китайским экономистом Чэнь Сю в статье о ценах на продукцию сталелитейной промышленности, опубликованной 30 июня 1985 года [Чэнь Сю, 1985]. В начале 90х годов некоторые китайские экономисты указывали, что «двухколейное» ценообразование в тех или иных формах существовало в

различных странах: в Советской России в период НЭПа³, в Индии и в Пакистане в 60-70е годы. Констатация этого факта не сопровождалась, однако, сколь-нибудь глубоким анализом и сопоставлением различных типов ценовой «двухколейности». Отмечалось лишь, что ко второй половине 80х годов именно в Китае такая модель ценообразования достигла исторически беспрецедентного масштаба, охватив всю национальную экономику. [Ян Шэнмин, Ли Цзюнь, 1993, с. 138-153].

Впрочем, ключевое значение для понимания логики приоритетного проведения реформы цен в КНР на рубеже 70-80х годов имеет все же отнюдь не иностранный опыт. Практика «двухколейного» ценообразования на сельхозпродукцию, прежде всего, на зерновые, осваивалась китайскими хозяйственниками еще с 1953 года. Если между 1949 и 1953 годами в КНР существовал свободный рынок зерновых, то по мере ускорения социалистического строительства и соответственно – обострения дефицита, в ноябре 1953 было принято постановление правительства о начале плановых закупок и поставок зерна, оставившее, однако, свободному рынку до 20% продукции. Здесь, как представляется, и лежат корни «двухколейного» ценообразования в экономике социалистического Китая. Эта линия получила расширенное продолжение в начале 60х годов, в период борьбы с катастрофическими последствиями «большого скачка», и даже в годы «культурной революции», когда рыночные отношения были под запретом,

³ Подробнее об отечественной разновидности «двухколейной модели» см. Голанд.Ю., «Кризисы, разрушившие НЭП», М. 1998; «Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы 1921-1924», М. 2006; Грик Н. «Советская экономическая политика в 1921-1933 гг. Критический анализ», Томск, 2002.

«свободная торговля по свободным ценам не полностью превратилась в пепел безумного пожара, но продолжала жить, обдуваемая весенним ветерком». [Ян Шэнмин, Ли Цзюнь, 1993, с. 141] В первой половине и середине 80х годов, при проведении реформы цен в промышленности, ключевыми становились, например, такие, семантически близкие и понятные китайским хозяйственникам установки: «реформа цен на промышленную продукцию должна идти «дорогой зерна и масла» и «путем [структурирования цен] поголовья свиней». Имелся в виду вывод сверхплановой продукции из сферы директивного ценообразования. [Цзягэ лилунь юй шицзянь («Теория и практика ценообразования»), 1985, № 4, с. 58]. По выражению профессора экономического факультета Пекинского университета Ли Юанькая, «в нашей стране реформа цен на сырье и конечную продукцию промышленности так неизменно и двигалась вперед по «пути зерна и масла». ⁴ Впоследствии, уже в 90е и нулевые годы, некоторые китайские эксперты – как в апологетическом, так и в критическом ключе - указывали на близость «двухколейной» модели ценообразования традиционным методам регулирования внутреннего рынка, применявшимся в императорском Китае и – в более широком плане – некоторым особенностям китайского менталитета. Так, Ян Шэнмин и Ли Цзюнь пишут: «Традиционная система оборота зерна, применявшаяся в старом Китае, формально отдавая первенство «единой закупке и единой продаже», фактически являлась «двухколейной». Дело, однако, в том, что вторая

⁴ Из интервью автора с группой китайских экономистов в марте 2009 года в Пекинском университете.

[рыночная] колея была настолько мала, что многие [авторы] о ее существовании даже не упоминали. Но сегодня, внимательно изучив исторические факты, ...невозможно ее не замечать». [Ян Шэнмин, Ли Цзюнь, 1993, с. 141].

На традиционные истоки подходов к реформам и их изучению в Китае указывает так же Шэн Хун: «Конечно, у практики и изучения экономической трансформации в Китае есть и более глубокая и фундаментальная основа – китайская традиционная культура. Несмотря на то, что после движения «4 мая» [1919г.] китайская традиционная культурная ортодоксия подвергалась многочисленным ударам, она существовала...на уровне воспитания в семье и подспудно оказывала влияние на людей, в том числе и на китайских экономистов».[Шэн Хун. 1996. с. 71].

Чжан Гуанюань связывает относительную быстроту и успехи внедрения «двухколейной» модели цен в КНР в 80е годы с традиционными ценностями «срединного пути» («золотой середины») в китайском менталитете, одновременно критически указывая на половинчатость принятых решений: «Яростный напор товарной экономики сделал дальнейшее существование старой системы невозможным. Элиты стремились к переменам, но сил остро недоставало. Поэтому и вспомнили о древней мудрости, откопали «новые старые цветы» «двухколейной системы», двинулись окольным путем наименьшего сопротивления. За пределами поля плановых цен огородили зону рыночного регулирования. Такая двойственная система восходит к двойственному сознанию, крайним

проявлением которого является учение о «золотой середине». Если же стремиться к настоящему прогрессу, то нужно избавляться от единства взаимоисключающего. В противном случае будет только толчея локтями и ничего не срастется». [Чжан Гуанюань, 2003, с. 653-654]. Интересно, что некоторые российские авторы, наоборот, явно склонны к апологии того, что они считают проявлениями китайской ментальности и их влиянием на ход реформ в КНР [Просеков, 2009].

Как бы там ни было, можно с уверенностью утверждать, что приоритетный характер реформы цен в КНР на рубеже 70-80х годов, так же как ее «двухколейная» специфика, явились на первых порах количественным расширением достаточно хорошо знакомых по прошлым десятилетиям методов преодоления кризисных дефицитов на внутреннем рынке страны. Следует также добавить, что, оперируя понятиями М.Чанади, эта реформа, несмотря на идеологическое сопротивление части политических и интеллектуальных элит, тем не менее, вполне вписывалась в сложившуюся к тому времени в КНР модель распределения властных полномочий по изъятию и аккумуляции ресурсов. Эта модель существенно отличалась от таковой в бывшем СССР и европейских соцстранах в первую очередь степенью своей децентрализации [Bastid, 1973, p.162-163; Goldstein, 1995, p.1105-1131; Lyons, 1986, p.209-236; Ross, 1987; Shirk, 1993, p.346-360; Schurmann, 1971, p.88-90]. По мнению М.Чанади, в КНР накануне реформ «существовали сильные экономические обратные связи от различных уровней системы, а возможности изъятия

ресурсов были частично децентрализованы. Таким образом, благодаря этим обратным связям, существовала возросшая способность к сопротивлению [централизованному] изъятию ресурсов и пониженная зависимость от вышестоящих уровней в силу наличия альтернативных местных ресурсов». [Csanadi, 2006, p. 70]. В этой связи целесообразно обратиться к монографии В.Жигулевой: «Одной из особенностей экономической политики в первой половине 70-х годов является борьба между центром (усиление централизованного управления) и местами, требующими децентрализации. В конечном счете победу одержали последние. Так в 1970-1976 гг. более 2600 ключевых промышленных предприятий было передано в ведение мест. Однако, хотя была осуществлена децентрализация плановой системы, изменения не коснулись централизованной системы ценообразования... Для преодоления недостатков планирования и улучшения управления товарными потоками и уровнем цен в первой половине 70-х годов стали применять некий квазирыночный механизм в форме так называемых совещаний по распределению материальных ресурсов. Первоначально организаторами этих встреч были отраслевые министерства, а впоследствии – региональные власти. На этих совещаниях, проводимых, как правило, 1-2 раза в год, собирались поставщики важнейших сырьевых материалов и полуфабрикатов и основные их потребители для согласования производственных и инвестиционных планов». [Жигулева, 2006. с. 80].

О том, что в КНР к моменту начала реформ отсутствовала советская - сталинская - система хозяйственного управления написано немало, причем,

даже теми, кто в принципе апологетически относится к реформам в Китае и склонен считать их «упущенным шансом Горбачева». По мнению Ван Чжигана из Академии общественных наук КНР, влияние советской модели наиболее заметно ощущалось в сфере организации тяжелой промышленности, в капитальном строительстве, в системе материально-технического снабжения, в схемах начисления заработной платы. В сферах же денежного обращения, финансово-бюджетной, ценообразования и в сельском хозяйстве доминировал опыт работы КПК в освобожденных районах в 1946-1949 гг., а также периода Реконструкции 1949-1953 гг. [Ван Чжиган, Дандай чжунго цзинцзи тичжи гайгэ («Современная китайская структурная экономическая реформа»), Пекин, 1984, с. 216-217]. Аналогичную точку зрения высказывали Чжан Цзюнь [Чжан Цзюнь, 1997, с.129] и Шэн Хун [Шэн Хун, 2003, с. 207]

Л.Молодцова отмечает: «Следует учитывать, что в условиях Китая: 1. Система централизованного планирования к началу 80х годов еще не утвердилась, 2. При широком государственном вмешательстве, многие сферы экономической деятельности, тем не менее, выходили из-под контроля государства. 3. Большинство предприятий находилось в местном подчинении».[Молодцова, 1988 с 126.]

Другой отечественный китаевед В.Ремыга пишет о двух секторах в экономике дореформенного Китая – центрального и местного подчинения, представлявших собой «две хозяйственные системы с почти замкнутыми процессами воспроизводства». [Ремыга, 1989, с. 11].

Относительно интересующей нас сферы ценообразования, то исследование В.Жигулевой – наиболее полная и фундированная работа по этой проблематике в отечественном китаеведении к настоящему времени - оставило у меня впечатление, что, хотя в дореформенном Китае и существовала ранжированная по уровням и централизованная система регулирования цен, в реальности практика этого регулирования отличалась большой неразберихой. Автор, подробно описывая в своей монографии историю формирования этой системы и ее структуру, приходит к заключению: «В течение 20 лет (1949-1977гг.) так и не была создана комплексная система контроля за ценами». [Жигулева, 2006, с.66-81, 83].

Как китайские, так и зарубежные авторы указывают на отсутствие условий для более радикальной реформы ценообразования в первой половине 80х годов. Отмечают, как правило, абсолютную и структурную дефицитность внутреннего рынка, недостаточность финансовых ресурсов государства, нерациональный характер механизмов ценообразования в дореформенный период, низкую адаптацию общества к повышениям цен, идейно-политическое сопротивление части элит и т.д. [Ян Шэнмин. Ли Цзюнь, 1993 с.15-17; Жигулева, 2006, с.37-38, Хэ Сяодун, 2000, с.30-35]. Все это совершенно справедливо. Однако, в контексте предлагаемого исследования, необходимо подчеркнуть следующее. Децентрализованная, регионально привязанная и не слишком прозрачная модель властных полномочий по изъятию и аккумуляции ресурсов («системный китайский корпоративизм» по С.Ширк [Shirk, 1993]) делала целостную и

единовременную либерализацию цен не столько идеологически неприемлемой, сколько технически нереальной. Практически всякий политико-административный или хозяйственный элемент системы как по горизонтали, так и по вертикали всеми доступными средствами лоббировал получение максимально выгодных условий для собственного «расширенного воспроизводства». Вершина партийно-государственной пирамиды в Пекине и связанные с ней реформаторы-концептуалисты просто не имели в своем распоряжении достаточных политико-административных или хозяйственных рычагов для того, чтобы «навязать» всей стране какую-либо единообразную реформу, причем вовсе не только в сфере ценообразования. Попытки все же осуществить нечто подобное, имевшие место впоследствии, неизменно завершались либо тихими неудачами (проект либерализации цен 1986 г.), либо громкими кризисами (проект либерализации цен 1988-89 гг.). Представляется, что именно такой системный контекст заставил китайских реформаторов серьезно размышлять на тему «издержек реформы».⁵ Это, по мнению Шэн Хуна, отличает их подходы от таковых у сторонников «неоклассических трансформаций» на Западе. [Шэн Хун, 1996] Иными словами, практики и теоретики реформ в КНР, вне зависимости от своей политической, административной или научно-исследовательской ипостаси, с

⁵ В этом отношении интересны разработки таких китайских экономистов, как Фань Ган и Линь Ифу. Фань Ган предложил концепцию «издержек от трения» при проведении реформ и «издержек по проведению реформ». В первом случае имеются в виду издержки от столкновения различных групп интересов, во втором – технические издержки по разработке и внедрению преобразований. [Фань Ган, 1993] Линь Ифу посвятил значительную часть своих исследований сохранению баланса интересов различных общественных групп на начальной стадии реформ. [Линь Ифу, 1994] Вместе с тем, в своем обобщении современной китайской экономической мысли Шэн Хун констатирует отсутствие единых взглядов на определение издержек реформ среди специалистов в КНР. [Шэн Хун, 1996, с.72]

самого начала оказались перед необходимостью учитывать весьма разнообразную местную специфику, причем как в регионально-географическом, так и в регионально-системном аспектах. В условиях, с одной стороны, невозможности сохранения дореформенной реальности и, с другой стороны, отсутствия достаточных политических и технических рычагов для радикальной либерализации ценообразования, «двухколейный путь» выглядел и понятно, и приемлемо.

Варианты «двухколейного» ценообразования

Однако, и «двухколейность» с первых своих шагов отнюдь не грешила единообразием. На исходе 1981 года в политических и хозяйственных кругах КНР развернулась дискуссия о предпочтительных разновидностях «двухколейной модели», получивших впоследствии в китайской литературе названия секторного (板块) и пропорционального вариантов (比例). В.Жигулева в своем исследовании выделяет секторную, региональную и продуктовую модели рынка, а также модель единого норматива. Секторная модель предполагает введение рынка в тех секторах экономики, которые связаны с работой на потребителя. Региональная модель – это свободные экономические зоны (СЭЗ) и те регионы (провинции) страны, где произошло существенное снижение директивного плана и передача больших полномочий местным правительствам. Модель рынка отдельных товаров предполагает полный или частичный вывод из директивного планирования части продукции тяжелой промышленности. Модель единого норматива

означает установление предельного показателя единой рыночной доли во всех видах продукции. «Двухколейную модель» автор связывает лишь с моделью рынка отдельных товаров. [Жигулева, 2006, с.35-36].

Представляется, что данная классификация требует уточнений как по сути, так и по хронологии. Во-первых, все перечисленные модели существовали на базе «двухколейных» принципов. Полной либерализации цен не произошло ни в одном экономическом секторе, регионе, или отрасли. Во-вторых, снижение директивных полномочий центрального правительства отнюдь не означало автоматического снижения таковых у местных правительств. В равной мере и заявленный отказ от директивного ценообразования на какую-либо часть продукции вовсе не означал, что в свои права вступал «свободный рынок». Эмпирические факты свидетельствуют, что в «не директивной» зоне доминировало великое многообразие договорных цен. В-третьих, модель единого норматива стала применяться на последующих этапах реформ. Характерно, что китайские специалисты акцентируют внимание именно на секторном и пропорциональном вариантах «двухколейной системы», как типологически основных, включающих в себя все остальные разновидности такой практики ценообразования. [Ян Шэнмин, Ли Цзюнь, 1993, с.108-113; Ли Хуэйчжун, 1998, с. 99].

Секторный вариант, который ряд экономистов в КНР считают «двухколейной моделью ценообразования в широком смысле» [Дай Гуйцзюй, 2007; Ли Хуэйчжун, 1998, 2000; Хэ Сяодун, 2000; Ян Шэнмин, Ли Цзюнь, 1993], предполагает разделение всего экономического пространства

страны на две неодинаковые половины (сектора). В одном из них функционирует директивное, а в другом – рыночное ценообразование. Естественные монополии, добывающая и оборонная промышленность, инфраструктура, транспорт, связь и т.д. остаются в секторе директивного ценообразования. Все остальное принадлежит второму – рыночному – сектору. Идеальное соотношение (в теории!) – 20-30% на 70-80%. Само собой разумеется, что в различных регионах страны действительное соотношение секторов будет существенно различаться.

Содержание пропорционального варианта Ян Шэнмин раскрывает так: «Другой путь – это внедрение рыночных механизмов на каждом предприятии, введение их в цену различных факторов производства. Сделать так, чтобы вначале рыночные механизмы заработали в сфере реализации сверхплановой продукции, а после этого постепенно проникали в ту часть продукции, которая регулируется планом, расширяя долю рыночных и сокращая долю директивных цен с тем, чтобы впоследствии осуществить коренной поворот в механизме ценообразования». [Ян Шэнмин, Ли Цзюнь, 1993, с. 28]

Знакомство с многочисленными китайскими источниками и литературой, а также мои интервью с учеными экономистами, хозяйственниками-практиками и предпринимателями в КНР дают все основания прийти к заключению, что реалии «двухколейной модели» цен в этой стране являют собой причудливое и многомерное сочетание как секторного, так и пропорционального механизмов.

Для понимания того, как функционирует «двухколейное» ценообразование на практике и для адекватной оценки его роли в процессе рыночных реформ в КНР необходимо, по моему мнению, ответить на следующие вопросы.

Во-первых, по каким критериям определяется граница между пространствами директивного и не директивного ценообразования как в секторной, так и в пропорциональной моделях? Во-вторых, каково объемное соотношение этих пространств в обеих моделях?

Эмпирические факты свидетельствуют, что эта граница всегда являлась весьма подвижной, периодически смещаясь в зависимости от социально-экономических и политических обстоятельств как в сторону «директивности», так и в сторону «рынка», довольно часто не поддаваясь четкой локализации. Кроме того, такие смещения сплошь и рядом носили непрозрачный характер, то есть там, где официально декларировалась монополия плана, вполне могли присутствовать «внеплановые» механизмы и наоборот. Граница между «директивой» и «рынком», таким образом, почти всегда представляла собой некую «серую зону». Я считаю уместным употребление в этом контексте понятия «фронтир», известного из американской истории и означавшего условно очерченное пограничье между освоенными и неосвоенными переселенцами землями. Характеристика *«директивно-рыночного фронтира»* имеет ключевое значение для понимания логики и динамики «двухколейного» ценообразования. При ответе на первый вопрос как раз и обнаруживается причудливая

многомерность и низкая прозрачность в сочетании секторного и пропорционального вариантов «двухколейки». Для обоих вариантов китайские эксперты перечисляют по сути одни и те же критерии разделения на «директивное» и «рыночное» пространства. Естественные монополии, крупные и сверхкрупные государственные предприятия, инфраструктура, транспорт, связь, сырье и продукция, исторически находящаяся в распоряжении центра, а также вся дефицитная товарно-сырьевая номенклатура, основные продукты сельского хозяйства (такие, как зерно и растительное масло) – все это может и должно регулироваться директивным ценообразованием. Продукция средних и малых государственных, коллективных и частных предприятий, товары и сырье, не являющиеся дефицитными, а также вся товарно-сырьевая номенклатура, цены на которую исторически регулировали местные правительства, равно как и производственные процессы в СЭЗ – все это может и должно регулироваться «рынком». Цены на ту часть сырья и продукции, которая требуется для выполнения приоритетных государственных задач (а таковые могут ставиться как центральным правительством, так и местными властями) регулируются директивно. Вся остальная часть должна принадлежать «рыночной стихии». [Ли Цзюнь, Ян Гуанхуа, 1994, с.109-110].

Из данного перечисления следует сделать вывод, что секторный и пропорциональный варианты «двухколейной модели» ценообразования применялись одновременно как в центре, так и на местах. Предприятия, как центрального, так и местного подчинения, как крупные, так и малые,

деятельность которых по логике секторного варианта должна была определяться плановым ценообразованием, вполне могли внедрять у себя пропорциональный вариант, то есть, как минимум, реализовывать сверхплановую продукцию по «внеплановым» ценам. Напомню, что эксперименты по внедрению пропорционального варианта «двухколейного» ценообразования начались в китайской нефтянке – самой что ни на есть «государственно-директивной» добывающей отрасли. С другой стороны, многие предприятия местного подчинения различных форм собственности, даже малые и сверхмалые, но производящие дефицитную или важную для данного региона продукцию или сырье вполне могли оставаться в поле директивного ценового регулирования со стороны местных правительств. Эти выводы вполне подтверждаются эмпирическими данными. [см., например, Чжунго Цзинин бао (China Business Journal) 16.03.2009].

Производители определенных видов продукции, принципиально важных для государства и поэтому призванные находиться в «плановом поле», тяготились директивным ценообразованием и стремились добиться хотя бы частичной коммерциализации своей деятельности. И наоборот, ряд производителей, призванных «выйти на свободу», резонно опасаясь рыночной непредсказуемости, всячески лоббировали свое сохранение в пределах директивных цен. Таким образом, критериев деления на «директиву» и «рынок» как в секторном, так и в пропорциональном вариантах «двухколейки» было великое множество и зависели они от весьма разнородных хозяйственных и общественно-политических обстоятельств.

Между тем, знакомство с литературой и проведенные мной интервью позволяют все же выявить здесь одну принципиальную закономерность: как добытчик сырья, так и производитель готовой продукции в равной мере стремились получать оборудование и сырье по «плановым» ценам, а реализовывать свой продукт по «внеплановым». Кроме того, предприятия вполне могли незаконно коммерциализировать свою деятельность, получая подчас сверхприбыль при продаже полученного по фиксированным ценам дефицитного оборудования и сырья, как своим смежникам, так и потенциальным конкурентам. Такая «посредническая деятельность» очень скоро стала неотъемлемой частью «двухколейной модели». [Kornai, 1995, s.576-577].

Что касается соотношения объемов «планового» и «внепланового» ценообразования, то китайские наблюдатели в начале 90х годов признавали: «Поскольку в настоящее время рыночные цены намного выше плановых цен, то производители стремятся продать свою продукцию по рыночным ценам, а сырье закупать по плановым ценам. Пропорции в использовании плановых и рыночных цен по большей части являются предметом торга между предприятиями и правительством и поэтому крайне сложно сказать, каковы здесь критерии». [Ян Шэнмин, Ли Цзюнь, 1993, с.111].

Здесь, однако, возникает *третий важнейший вопрос: в чьих руках находятся полномочия по определению «директивно-рыночного фронта»?* Ответ тут однозначен: в руках вертикали партийно-государственных органов в лице центрального правительства, руководящих

органов провинций и автономных районов, а также прочего нижестоящего регионального руководства на уровне уездов, волостей, городов и районов. По данным комплексного обследования, проведенного НИИ структурных экономических реформ КНР во второй половине 80х годов, при формировании руководящего звена на госпредприятиях методы рыночного отбора практически не применялись, доминировали прямое назначение и кооптация. 60% директорского корпуса было назначено свыше, 30,7% - в результате «общественных консультаций». Демократические процедуры (выборы в трудовом коллективе и т.д.) привели на эти должности не более 4% управленцев. [Чжунго Цзинцзи Тичжи Гайгэ Яньцзюсуо; Цзунхэ Дяньча (НИИ структурных реформ в экономике; комплексное обследование), 1987, с.273]. По мнению ряда китайских специалистов, «администрирование и вертикальный характер кадровой политики на госпредприятиях, хотя и имели много минусов, но позволили правительству на начальных этапах реформ осуществлять эффективный контроль над ценами и в условиях двухколейного ценообразования давали системную гарантию плановому распределению. Путаница и взаимопроникновение между ценовыми «колеями» приводили лишь к нарушениям двухколейности, а не к ее распаду». [Чжан Цзюнь, 2006, с.166]. Иными словами, если бы не бдительное око кадровой политики партии, «директивный» и «рыночный» сектора ценообразования окончательно бы смешались и вопрос об их пропорциональном соотношении утратил бы всякий смысл. Это, в свою очередь, повлекло бы утрату государственного контроля над экономикой

страны. По мнению Чжан Цзюня, нечто подобное случилось в СССР в период перестройки, в особенности в 1988-1991 годах, после принятия «Закона о Предприятии», который серьезно ослабил партийно-государственный контроль над директорским корпусом на фоне сохранения монополии госпредприятий и директивного ценообразования. В негосударственном секторе цены были уже практически освобождены, что способствовало теневому перераспределению товарно-сырьевых потоков на свободный рынок, подхлестнуло рост цен и всеобщие дефициты. [Чжан Цзюнь, 2006, с.111].

Формально Чжан Цзюнь, вероятно, прав. Однако, его имплицитное допущение, что в СССР была возможна конструктивная альтернатива реформ по образу и подобию китайской «двухколейной» модели ценообразования вызывает серьезные возражения. Характер и масштабы советской промышленности, исторически сложившиеся стереотипы централизованного управления ею в рамках «единого народно-хозяйственного комплекса», соотношение городского и сельского населения и иные демографические особенности, объем и структура государственной системы социального обеспечения, характер национального вопроса не позволяли, по моему убеждению, наполнить «не директивную» колею значительным социально-экономическим содержанием. Судьбы «кооперативного движения» в СССР в годы перестройки – тому порукой. Призывы М.С.Горбачева «использовать опыт НЭПа в новых условиях» больше напоминали историко-политический экскурс, нежели реальную

программу реформ. На начальном этапе перестройки программа реформ экономиста Д.Гвишиани, очень близкая по духу и букве «двухколейной модели», была отклонена руководством страны. [Скворцов, <http://aleksandr-kommari.narod.ru/skvorcov.htm>]. Приоритет был отдан вполне традиционным предложениям Е.Лигачева по осуществлению реконструкции машиностроительного комплекса, должного повлечь реконструкцию всей экономики на базе крупных капитальных вложений. Эта установка получила название «Ускорения». После ее очевидной неудачи весной 1987 года партийно-государственное руководство СССР вновь вернулось к обсуждению концепции реформ. Предсовмина Н.Рыжков уже готов был принять ряд «рыночных» пунктов программы Д.Гвишиани, но уступил по своему рациональным возражениям председателя Госкомцена В.Павлова, указавшего на невозможность внедрения хозрасчета в условиях нерентабельной добычи топлива и заниженных цен на рабочую силу в промышленности. [Пихоя, Соколов, 2008, с.185]. В итоге было принято «соломоново решение» о поэтапном повышении цен и поэтапном внедрении хозрасчета. «Закон о Предприятии», принятый в СССР в 1988 году, явился одной из ключевых мер по реализации такого варианта постепенных реформ. Само принятие этого закона, а также его последствия для советской социально-экономической системы были настолько же неизбежны, насколько и разрушительны.

В бывшей Венгерской Народной Республике, где еще на рубеже 60-70х годов была проведена наиболее глубокая среди стран-членов СЭВ реформа

по сокращению объемов директивного ценообразования, китайского варианта «двухколейки» также не получилось. Во-первых, плановики эпохи «гуляшного социализма» Яноша Кадара не смогли отказаться от установки верхних пределов для колебания «не директивных» цен. Китайские реформаторы, как отмечалось, сняли 20% ограничение амплитуды ценовых колебаний в 1985 году. Во-вторых, в социалистической Венгрии директивные цены продолжали распространяться практически на все виды сырья, а также на многие услуги и товары, оказывая, таким образом, влияние на другие сектора рынка, где директивное ценообразование формально отсутствовало. [Kornai, 1995, s.575-576.] В итоге не удалось реализовать ни секторного, ни пропорционального вариантов «двухколейной модели». Основные причины этого кроются, насколько можно судить, во вполне по-советски централизованной модели экономического управления, демографии, системе социального обеспечения, а также во внешних военно-политических обстоятельствах поражения Национального восстания 1956 года и советской оккупации, в членстве в Варшавском Договоре и СЭВе.

Как уже неоднократно отмечалось выше, полномочия по изъятию и аккумуляции ресурсов в случае с КНР были заметно децентрализованы, что с первых шагов «двухколейной модели» сделало партийно-государственные органы провинциального звена и ниже активными участниками в процессе определения «директивно-рыночного фронта». Более того, расширение и углубление «двухколейных» практик ценообразования шли синхронно с курсом 放权 (фанцюань) – расширением полномочий местных органов

власти и внедрением всевозможных подрядных отношений. Так что роль местных органов партийно-государственной власти в определении «фронта» неуклонно увеличивалась. При этом унаследованная от дореформенных времен неразбериха с полномочиями по регулированию ценообразования на микроуровне только росла. В центральном правительстве сохранялась неясность в разделении ответственности по регулированию цен между высшим руководством Госсовета, отделом ценообразования Госсовета, органами Госсовета по управлению экономикой и отдельным от Госсовета Государственным управлением по ценообразованию. Кроме того, центральные органы имели реальную возможность регулировать цены лишь в очень ограниченных секторах и отраслях национальной экономики. Аналогичная неясность со сферами полномочий существовала и на уровне местных правительств. Одновременно, как в центре, так и на местах, множились разнородные подразделения, претендующие на участие в контроле и регулировании процессов ценообразования. Как грибы росли «центры ценовой информации», «отделы по вопросам ценообразования», «центры по подготовке специалистов в области ценообразования». Наблюдатели отмечали, что сами предприятия получили не так уж много прав в ценовой сфере. Большинство из делегированных центральным правительством полномочий оказалось в руках местных властей всех уровней. [Чжан Гуанюань 2003. с.544] Жесткий и непрозрачный торг шел как по вертикали, так и по горизонтали. Во-первых, нижестоящие партийно-государственные структуры (провинциальные

правительства и прочее региональное руководство) стремились получить у вышестоящих (центральное правительство) больше прав по регулированию ценового фронта на подведомственных территориях.

Во-вторых, на каждом из административных уровней шла борьба за обладание преимуществами между различными подразделениями.

В-третьих, предприятия как центрального, так и местного подчинения лоббировали у партийно-государственных структур соответствующих уровней оптимальные (в собственном понимании) соотношения объемов «планового» и «внепланового» ценообразования.

Региональные разновидности «двухколейной модели»

Неизбежная регионализация практик «двухколейного» ценообразования оценивалась неоднозначно, однако, признавалась как некая данность абсолютным большинством китайских экспертов. «В таких провинциях, как Гуандун, Фуцзянь, Хайнань, где реформы идут опережающими темпами, следует более широко использовать рыночные цены. Но в центре страны, на ее северо-западе и юго-западе, в бедных районах, условия для освобождения цен еще не созрели. Здесь по-прежнему широко используются плановые цены. Таким образом, ...многообразие двухколейной модели цен неизбежно». [Ян Шэнмин, Ли Цзюнь, 1993, с.135].

Насколько мне известно, ни в отечественной, ни в западной литературе региональное разнообразие «двухколейной модели» не рассматривалось даже в первом приближении. Надо сказать, что и доступная китайская литература довольно скудно освещает «двухколейную модель» на микроуровне. Связано

это, вероятно, с непрозрачностью материала: кто и как формирует цены и кто сколько с этого имеет – дело почти интимное для таких закрытых политико-хозяйственных систем, как китайская. Гораздо проще и престижнее вообще закрыть тему «двухколейных» цен, декларировать победу рынка, интеграцию в мировое хозяйство и прослыть чудесным правительством, не поддающимся соблазну погони за рентой. Именно так, ни больше, ни меньше, пишет про КНР, к примеру, российский экономист Е.Журавская: «Тот факт, что центральное правительство, неограниченная власть которого определяется автократическим характером Коммунистической партии Китая, действует в интересах общенационального экономического роста, а не в собственных интересах, не поддаваясь соблазну погони за рентой, можно трактовать только как чудо». [Журавская, 2011, с.107]. Получается, что центральное правительство – бессребреники, а как обстоят дела с региональными элитами? Дело в том, что в условиях весьма затратной, полуреформированной экономики, при остром дефиците всех мыслимых ресурсов, за исключением трудовых, экономический рост является основным источником формирования ренты как для центрального правительства, так и для региональных элит. В Китае существует множество менее рискованных и более капиталоемких способов получения бюрократической ренты, чем, например, пресловутый распил инвестиционных средств бюджета. Одним из важнейших способов получения такой ренты в КНР являются, в частности, манипуляции с механикой ценообразования на внутреннем рынке. Впрочем, это отдельная большая тема.

Как бы там ни было, но знакомство с региональным многообразием «двухколейной модели» ценообразования – дело принципиальной важности для понимания «китайского пути» реформ. Здесь я постараюсь восполнить этот пробел в отечественном китаеведении, опираясь на материалы из китайской печати, а также полученные мною в результате полевых исследований в КНР.

Итак, *шицзячжуанская модель* (г.Шицзячжуан, административный центр провинции Хэбэй) получила распространение в крупных городах провинций Хэбэй, Шаньси, Шэньси, Ляонин, Хэйлунцзян и Цзилинь, а также отчасти в автономном районе Внутренняя Монголия и Синьцзян-Уйгурском автономном районе, то есть в центре, на северо-востоке и северо-западе КНР. Ее первые шаги относятся ко второй половине 1984 года, когда в г.Шицзячжуан как плановые, так и сверхплановые сталь, чугун, древесина и сода начали продаваться на рынке по «не директивным» ценам. Предприятия-потребители этих продуктов получили возможность их свободной закупки, как у органов снабжения городского правительства, так и за пределами города. Вне зависимости от того, где и у кого закупался продукт, городской отдел снабжения компенсировал покупателям 100% разницы между директивной и «не директивной» ценой, исходя из соотношения квоты обязательной плановой поставки и реально закупленных на рынке и полученных объемов продукта. К началу 1987 года такая практика распространилась на медь, алюминий, графит, резину, мочевины, известь и изделия из ряда цветных металлов. На рубеже 80-90х годов, по

мере дальнейшего расширения этой модели, компенсация для предприятий-потребителей снизилась до 90% ценовой разницы. Остальные 10% шли на формирование т.н. «фонда освоения», полностью подконтрольного финансовому отделу городского правительства. В дальнейшем объем непосредственных компенсаций еще более уменьшился. Из остающихся средств финансовые органы города сформировали «фонд субсидий» для предоставления помощи предприятиям и организациям по критериям важности данного предприятия или организации, его (ее) положения относительно «директивно-рыночного фронта», объемов убытков и прибыли, потенциальных возможностей, хозяйственного или политико-административного значения. [Ши Чжантянь, 1997, с.93; Ян Шэнмин, Ли Цзюнь, 1993, с.113-114; интервью автора в Пекинском Университете весной 2009г.] Китайские наблюдатели хранят молчание, однако, есть все основания полагать, что такая практика резко обострила непрозрачную конкуренцию среди хозяйственных и административных субъектов города за доступ к фондам городского правительства. Кроме того, предметом все более жесткого торга между предприятиями и правительством становились принципы расчета соотношения обязательных квот плановых поставок и объемов закупленного на рынке продукта, ибо от этого напрямую зависел размер компенсации.

Модель «совокупной средней цены» родилась в стенах управления по ценам правительства провинции Цзянсу и получила распространение в провинциях Цзянси, Хубэй, Хунань, Сычуань и Аньхой, то есть в

центральном и восточном Китае. С середины 1985 года правительство Цзянсу обязало всех субъектов хозяйственной деятельности в провинции продавать и покупать каменный уголь по единой цене, рассчитанной как «совокупное среднее арифметическое» между плановыми и «внеплановыми» ценами. В дальнейшем такая практика была распространена на сталь, древесину, нефть и нефтепродукты, минеральные удобрения. Провинциальное управление по ценам бралось рассчитать всю совокупность издержек и соотношение спроса и предложения по данному виду сырья или товару за данный промежуток времени (максимум - полгода) и сблизить полученную сумму с его плановой ценой путем выведения «совокупной средней цены», а также разработать и внедрить механизм контроля над исполнением этой цены. Кроме того, управление было обязано предоставлять рассчитанный прогноз изменения цены на следующие полгода. Неизбежная разница между прогнозируемой и реальной «средней ценой» не имела права превращаться в прибыль или убыток предприятия, а зачислялась отдельной статьей на его банковский счет и могла быть использована как субсидия для этого предприятия в течение следующего полугодия. [Ян Шэнмин, Ли Цзюнь, 1993, с.120-123, Лю Сясюань, 2003, с.126-131.]

В некоторых регионах центрального, юго-западного и северо-западного Китая, в частности в провинциях Ганьсу и Сычуань, в Тибете и Синьцзяне власти поступали, на первый взгляд, парадоксально, *контролируя в плановом порядке объемы поступающих сырья и продукции и внедряя одновременно договорное ценообразование при их реализации.* Такая

практика, между тем, позволяла решать многие острые финансовые вопросы региональных правительств: консолидацию налоговой базы, формирование дополнительных источников бюрократической ренты, сохранение политико-административного контроля над большинством субъектов хозяйственной деятельности. [Ли Хуэйчжун, 1998; интервью автора в Пекинском Университете весной 2009г.]

Как центральное правительство, так и местные власти вводили в ряде отраслей и регионов, наряду с директивными ценами, т.н. **«рассчитанные цены»** или **«цены, по которым принимаются [отдельные] решения»** (决定策略的价格, 决策价格). Такие цены, как правило, распространялись на отдельные виды сырья и готовой продукции добывающей и тяжелой промышленности. Считалось, что они в большей степени, чем директивные, отражают реалии спроса и предложения, а также издержки. Китайские специалисты именовали эти цены также «хозрасчетными», «наилучшими плановыми», «теневыми». [Лю Гогуан, 1981, с.336; Ян Шэнмин, Ли Цзюнь, 1993, с.112, 123-130; Цзинцзи Гуаньча бао, (Экономическое обозрение), 24.03.2009].

Следует подчеркнуть, что это далеко не полный перечень региональных разновидностей «двухколейного» ценообразования. Их было много больше. Из изложенного выше также следует, что на территории одного региона (провинции) в различных территориально-производственных

подразделениях одновременно использовались самые различные варианты «двухколейной» модели.

Проблема преодоления «двухколейной модели»

На протяжении всего десятилетия 80х годов XX века реалии «двухколейной модели» ценообразования вызывали чрезвычайно острые дискуссии среди экономистов, хозяйственников и партийно-государственного руководства КНР, а также в китайском обществе в целом. Ряд важнейших аспектов этих дискуссий имел выраженную идейно-политическую составляющую. В первой половине десятилетия разногласия были не столь артикулированы, элиты и общество вживались в новые реалии, оценивая свое отношение к ним. Однако, с середины десятилетия, в особенности после октябрьского 1984 года «Решения ЦК КПК о структурной реформе экономики», по мере быстрого распространения «двухколейных» практик, различия в политико-экономических оценках вышли на поверхность. Между 1984 и 1986 годами основной темой дискуссий была «ошибочность» или, наоборот, «неизбежность», внедрения «двухколейной модели». Этот период дискуссий был весьма кратким, ибо даже теоретическое признание «ошибочности» уже не могло на практике вернуть экономику страны к дореформенным временам. Как отмечалось выше, «двухколейная модель» вполне вписывалась в децентрализованную структуру властных полномочий партии-государства в КНР и успешно решила ряд важных хозяйственных задач, прежде всего, по преодолению дефицита на внутреннем рынке. Вместе с тем, опасаясь утраты контроля над экономическими процессами в стране

из-за регионального многообразия «двухколейной модели», высшее руководство в лице триумvirата Дэн Сяопин - Ху Яобан - Чжао Цзыян, с опорой на реформаторов в экспертном сообществе, прозондировало почву на предмет полного освобождения цен. Проект вызвал негативную реакцию большинства внутриэлитных группировок и был положен «под сукно». «Двухколейную модель» и ее региональное разнообразие начали воспринимать как неизбежность, которой, тем не менее, следовало неким образом управлять.

Второй этап дискуссий – между 1987 и 1989 годами – оказался более продолжительным, гораздо более острым и связанным в первую очередь именно с проблемой выбора методов управления «двухколейной моделью». В этот период в полной мере стало ясно, что «двухколейное» ценообразование рождает широкие и разнообразные практики «приватизации прибылей» и «национализации убытков» и приводит к серьезным макроэкономическим дисбалансам. Знакомство с мнением экспертного сообщества тех лет поражает: у «двухколейной модели» почти не было «адвокатов», одни «прокуроры». В «двухколейном» ценообразовании видели причину беспрецедентного разогрева всех видов коррупции, утраты контроля над распределением оборотных средств, разрушения системы государственного планирования, теневой утечки государственного капитала, инфляции и роста цен. Немногочисленные защитники вынуждены были признать, что «двухколейность» хороша лишь тогда, когда разрыв между «плановыми» и «внеплановыми» ценами не превышает 30%. [У Ии, 1987,

с.29] «Лагерь обвинения», однако, довольно четко делился на две группы. Первая выступала за решительное продолжение реформ и переход к «одноколейным» рыночным ценам [Ли Маошэн, 1989; Лю Бода, 1985; Сю И, 1989; У Цзинлянь, 1988; Чэнь Ицзы, 1990, с.86, Ян Шэнмин, 1989.] Вот, например, симптоматичное мнение Ян Шэнмина: «В практическом отношении «двухколейная модель» представляет собой огромную трудность. В настоящее время она охватывает большинство производственных материалов, то есть цены одной их части определяет государство, а другой – предприятие. Крайне трудно превратить эти два механизма ценообразования в гармоничное единство. Недостает способов регулирования «рыночной колеи». Чрезвычайно трудно контролировать и «плановую колею». Наша страна настолько велика, что государство, разумеется, не может определять все цены. Пока вопрос об одной-единственной цене дойдет до руководящих инстанций, получит решение, будет спущен вниз – минет не менее полугода. В условиях моментально меняющейся товарной экономики это просто невысказано. «Плановую колею» невозможно удерживать сколь-нибудь долго, ее необходимо сокращать. Чем меньше государство регулирует цены, тем они лучше, гибче, более конкурентоспособны. Нельзя позволить «двухколейной модели» кристаллизироваться, нельзя ее идеализировать и фетишизировать! Необходимо двигаться вперед, превратить «двухколейную модель» в «одноколейную!» [Ян Шэнмин, 1989, с.126]

Вторая группа «обвинителей» видела спасение в реставрации, по сути, дореформенной модели ценообразования, призывая к жесткому

директивному ограничению кредитной эмиссии и созданию в плановом секторе эффективных механизмов борьбы с инфляцией. [Ляо Лили, 1986; Ян Шуцзин, 1989]. Лидеры страны оказались перед лицом макроэкономической неразберихи, накаляющейся атмосферы в обществе и глубокого идейно-политического и кадрового раскола в высшем эшелоне партийно-государственного руководства. Попытка Дэн Сяопина ускорить рыночную реформу ценообразования в 1988 году и таким образом радикально разрешить весь комплекс назревших политико-экономических проблем обернулась, как известно, кровопролитным кризисом весны 1989 года.

Автору этих строк уже доводилось писать, что развитие КНР в условиях «двухколейной модели» циклически «порождает выраженный социально-экономическим «перегревом» комплекс проблем, который не может быть адекватно решен в рамках этой модели. Здесь требуется либо рывок вперед, либо не менее решительное отступление. Парадоксальность и драматизм ситуации заключаются, однако, в том, что оба рецепта... в «чистом виде» оказываются непригодны». [Карпов, 1997а, с.159-160]. «Двухколейная модель» по-китайски оказалась таким симбиозом «плана и рынка», который все хуже поддавался управлению из центра и вовсе не поддавался целенаправленному разрушению, ни во имя «плана», ни во имя «рынка». Китайский экономист Дяо Синьшэнь отмечал: «Крупнейшая проблема «двухколейной экономики» в том, что невозможно в полной мере отделить плановую составляющую от рыночной. Традиционная плановая система не сохраняется в неизменных замкнутых рамках, она очень сильно вмешивается

в рыночную составляющую, причем это вмешательство не имеет определенных принципов. Вероятно, еще более важно то, что в пределах рыночной составляющей невозможно стихийное становление системной поддержки рыночной экономики и тем более невозможно формирование соответствующих ей организационных структур». [Дяо Синьшэнь, 1989, с.14]

С другой стороны, под влиянием рынка меняется и плановая составляющая, «в результате чего традиционные методы регулирования все более утрачивают эффективность и тем большее значение приобретает опора на вообще ничем не регламентированное вмешательство [в рынок]. В итоге, как план, так и рынок неадекватны». [Там же, с.17] На нечеткость границ между «планом» и «рынком» в условиях «двухколейного» ценообразования указывает также Ли Хуэйчжун. [Ли Хуэйчжун, 1998, с.130-131]

Этот полный противоречий, многомерный, нерегламентированный, но нерасчленимый «симбиоз плана и рынка» не только обусловил неудачу либерализации цен и политическое поражение радикальных реформаторов в 1988-89 годах. Он также способствовал провалу попыток консервативной рецентрализации в 1989-91 годах и обусловил возвращение к «реформам и открытости» после известной поездки и выступлений Дэн Сяопина на юге страны, в провинции Гуандун в январе 1992 года.

То, что происходило в китайской экономике в 1990-1992 годах в плане состояния и динамики «двухколейной модели» ценообразования в зарубежной литературе не описано, насколько мне известно, нигде. Оценки, содержащиеся в китайских материалах, носят отрывочный, зачастую явно

поверхностный характер. Думается, идейно-политическая обстановка после кризиса 1989 года и кровопролития на Тяньаньмэнь не позволяла «глубже копать». Между тем, эти годы представляются чрезвычайно важными и очень интересными, хотя бы потому, что, согласно официальной периодизации экономических реформ в КНР, к 1992 году завершается этап «двухколейного» ценообразования. К этому времени происходит «слияние колеи» - «бингуй» 并轨.⁶ Этот термин, широко употребляемый в китайской экономической литературе, можно понимать двояко: как свершившийся факт и как процесс. Таким образом, из китайских материалов не очень ясно, закончилось ли это «слияние» к 1992 году или, лишь начавшись тогда, продолжается до сих пор.

Вопрос о скорейшем «слиянии колеи» впервые был поставлен на ноябрьском 1989 года Пленуме ЦК КПК 13 созыва и мотивировался необходимостью преодоления диспропорций «двухколейной модели». Однако документы Пленума не давали однозначного определения относительно того, в какую сторону – плана или рынка – следует «сливаться». Очевидно, принятое Пленумом «Решение ЦК КПК о дальнейшем упорядочении и урегулировании и об углублении реформы» было политическим компромиссом. Консерваторы напирали, а Дэн Сяопин и его сторонники в центральном аппарате партии и государства находились в глухой обороне. В экспертном сообществе мнения, как всегда, разошлись.

⁶ Такая периодизация встречается не только в пропагандистских и программных материалах о реформах, но и в ряде научно-аналитических публикаций, в частности в работах Ли Хуэйчжуна, Чжан Цзюня, Ян Шэнмина и Ли Цзюня [Ли Хуэйчжун, 2003; Чжан Цзюнь, 2006; Ян Шэнмин, Ли Цзюнь, 1993].

Наряду с традиционными сторонниками возвращения к плану и застрельщиками «либерального прорыва» оформилось предложение о «временном восстановлении директивного ценообразования с последующей постепенной либерализацией». [Ян Шэнмин, Ли Цзюнь, 1993, с.164]

Одновременно, большинство специалистов, в том числе и либеральной направленности, признавали отсутствие в экономике страны системных и макроэкономических условий для «слияния» механизмов ценообразования в единую «рыночную колею». [Чжан Гуанюань, 2003, с.233-235]

Характерны результаты опроса, проведенного аналитиками Госсовета в апреле-мае 1991 года на 15-ти крупных и средних предприятиях центрального и местного подчинения в различных регионах страны. На вопрос о том, в каком направлении следует проводить «слияние», на трех предприятиях руководство высказалось за «рынок», на двух – за «план». На остальных возобладало традиционное пожелание получать сырье по плановым ценам, а продавать готовую продукцию по рыночным. [Ян Шэнмин, Ли Цзюнь, 1993, с.178-179]

Как бы там ни было, плановики в тот момент были «на коне» и усилия Пекина по «слиянию колеи» на рубеже 1989 и 1990 годов приняли форму директивной рецентрализации ценообразования в ряде отраслей тяжелой промышленности. Выявленные в ходе моего исследования последствия этих усилий оказались настолько далеко идущими, что позволяют рассматривать 1989-1992 годы как действительно период завершения «двухколейной модели» в том виде, в каком она существовала на протяжении большей

части 80х годов. Случилось следующее. Директивы Госсовета о восстановлении единого планового ценообразования на резину и изделия из нее, цемент, стальной прокат, некоторые сорта минеральных удобрений и т.д. на практике обернулись еще большим дроблением и локализацией механизмов ценообразования, как в отраслевом, так и в региональном разрезе. В частности, вместо единой общей для всех производителей и потребителей цены на цемент в одной только провинции Хэнань весной 1990 года сразу появилось четыре цены. Единая государственная цена (ее, к слову, принял на вооружение только цементный завод в уезде Пиндиншань). Цена, превышающая единую государственную цену на 20%. По ней стал отгружать цемент крупнейший в провинции завод в Лояне. Цена, установленная правительством провинции для цементных заводов местного подчинения. Изначально она ориентировалась на единый норматив, спущенный из Пекина, однако местные производители де-факто подняли ее на 10 юаней. Одновременно сохранялась «внеплановая» цена для ряда предприятий местного подчинения. С санкции отдела по ценам провинциального правительства, ее определяли сами производители. Аналогичные явления имели место и в других отраслях. [Чэньбень юй Цзягэ Цзыляо (Материалы по себестоимости и ценам), 1991, №13, с.29-35, а также интервью автора в городском правительстве Сианя (пров. Шэньси) в 2007 году и в Пекинском Университете в 2009 году]

Интересно, что в китайской литературе этого периода региональные разновидности «двухколейной модели» - шицзячжуанская, аньхойская,

цзилинская и т.д. – стали вдруг трактоваться, как «успешные примеры слияния ценовых колеи». [Ли Хуэйчжун, 1998; Чжан Гуанюань, 2003; Ян Шэнмин, Ли Цзюнь, 1993]

Здесь следует подвести некоторые итоги.

«Двухколейная модель» ценообразования в КНР в виде единой системы с четким и прозрачным делением на директивную и не директивную сферы едва ли когда-либо существовала. Думается, «двухколейная модель» в таком виде могла быть реализована только на уровне отдельного предприятия, максимум – производственного объединения, да и то лишь в течение относительно непродолжительного отрезка времени.

Объемы директивного и не директивного сегментов существенно различались по отраслям и регионам, накладываясь на растущие и зачастую непрозрачные полномочия местных (провинциальных и ниже) правительств в области регулирования ценообразования. Более того, уже к середине 80-х годов отделить «план» от «рынка», во всяком случае, на микроуровне оказалось практически невозможно. Во второй половине десятилетия на всех уровнях партийно-государственной администрации и среди хозяйствующих субъектов сложились дееспособные группы интересов, органически связанные с «директивно-рыночным» симбиозом. Вместе с тем, термин «двухколейная модель» в качестве научно-методологического обобщения практики реформы цен в КНР в 1979-1992 годах представляется мне корректным. Дело в том, что в этот период центральное правительство – инициатор широкого внедрения «двухколейного» ценообразования –

стремилось доступными политико-административными и рыночными методами регламентировать, контролировать и, в конечном счете, найти способ эффективно управлять «директивно-рыночным фронтиром» из Пекина. Для этого в ход одновременно шли ужесточение кадровой политики на госпредприятиях, расширение всевозможных подрядных отношений и даже попытки радикальной либерализации ценообразования. Прекрасной иллюстрацией стремления найти эффективные методы управления «двухколейной моделью» из центра являются острые дискуссии о методах макроконтроля в экономике страны, развернувшиеся в 1986-1989 годах в экспертном и политическом сообществе. Характерно, что эти дискуссии были уделом, прежде всего, экономистов, хозяйственников и политиков, ассоциированных с центральным аппаратом партийно-государственного руководства КНР в Пекине. Всякий раз, и в 1986, и в 1987, и в 1988-начале 1989 годов, проблема выбора между косвенными и прямыми методами макроконтроля обострялась в контексте дискуссии о выборе методов борьбы с экономическим «перегревом», концентрированным выражением которого являлся рост инфляции. [Herrmann-Pillath, 1991; Карпов, 1997] Именно инфляция и вызванное ею социально осязаемое повышение цен на внутреннем рынке являются тем фактором, который, так сказать, на уровне повседневности объединяет в Китае макроэкономические дисбалансы и «нагревание» общественно-политического протеста и ставит под угрозу хозяйственные и административные мероприятия по углублению преобразований. Кроме того, в силу ряда исторических причин

инфляционный рост цен воспринимается значительной частью китайской общественности как признак политической нестабильности и моральной «нечистоплотности» правящего режима. Крушения многих императорских династий, равно как и относительно недавний коллапс националистического режима во главе с Чан Кайши в конце 40х годов XX века, неизменно происходили на фоне резкого роста инфляции и прогрессирующего коррупционного разложения государственного аппарата.

Сторонники реформ в центральных ведомствах и столичном экспертном сообществе выступали за переход к косвенным методам макроконтроля, то есть делали упор на необходимости преимущественного использования гибкой налогово-кредитной политики и создания государством благоприятных административно-юридических правил игры. При этом особо подчеркивалась необходимость радикального расширения хозяйственных полномочий непосредственных производителей – в том числе в сфере ценообразования – а также «отделения политики от экономики», то есть разделения задач и полномочий политико-административных и хозяйствующих субъектов, как на уровне центрального правительства, так и местных властей. Таким путем предполагалось повысить финансовую дисциплину всех уровней политического, административного и хозяйственного руководства. Известный китайский экономист Чэнь Ицзы, близкий к сторонникам реформ в аппарате ЦК КПК и Госсовете, а после кризиса 1989 года – политэмигрант, писал, что инфляция в Китае во второй половине 80х годов носила системный характер и «в ее основе лежал вопрос

о праве хозяйствования на предприятиях». [Чэнь Ицзы, 1990, с.63]

Противоположная точка зрения высказывалась экономистами, близкими к более умеренным или откровенно консервативным кругам пекинских политических элит. Эта группа специалистов исходила из задачи борьбы с «перегревом» экономики путем восстановления, хотя бы и временного, командно-административных методов контроля над совокупным спросом, резкого сокращения общих объемов кредитной эмиссии и, по сути, возвращения к более централизованному механизму экономического регулирования.

Программные заявления первых лиц страны какое-то время в целом выдерживались в духе концепции «рыночников». Лидер группировки «радикальных реформаторов» в партийно-государственном руководстве КНР во второй половине 80х генеральный секретарь ЦК КПК Чжао Цзянь признавал в отчетном докладе XIII съезду КПК в октябре 1987 года: «При отсутствии макрорегулирования на рынке и предприятиях начинается анархия, но возвращение к прежним формам непосредственного управления ... делает невозможным создание и развитие плановой товарной экономики. Поэтому необходимо ускорить перестройку форм макроэкономического управления». [Материалы XIII съезда КПК, 1988, с.33]

При этом, однако, он констатировал, что многие теоретические и практические аспекты такой перестройки «недостаточно разработаны». Съезд, как известно, принял установку на создание такой экономической системы, при которой «государство регулирует рынок, а рынок ориентирует

предприятия». Официальная интерпретация этой установки, данная на секционных заседаниях групп делегатов съезда, сводилась к тому, что на общегосударственном уровне ведущую роль играет планирование, на уровне провинции и города – некое совмещение планирования и рыночного регулирования, а на уровне отдельного предприятия приоритет отдается рыночным принципам. Условность и умозрительность этого построения вполне осознавалась в экспертном и политико-административном сообществе Китая уже тогда. Установка-афоризм «государство регулирует рынок, рынок ориентирует предприятия» была воспринята, прежде всего, как формула политического консенсуса, нежели как программа практических действий.

«Двухколейность» в экономике КНР в 80е годы XX века следует понимать не только как причудливый симбиоз «плана» и «рынка», но и как соперничество центральных и местных властей за преимущественное право регулировать «директивно-рыночный фронт». Следует отметить, что установка «государство регулирует рынок, рынок ориентирует предприятия» была впервые сформулирована в сентябре 1986 года на прошедшем в Пекине всекитайском совещании по управлению экономикой на макроуровне, в ходе которого обсуждались проблемы отношений между Пекином и региональным руководством в новых условиях, порожденных экономическими реформами. Подготовкой и проведением этого совещания занимался Центр исследований экономического планирования при Главном Статистическом Управлении Госсовета КНР. Участники совещания

предложили несколько моделей взаимодействия центральных и местных властных структур и предприятий по совершенствованию макроэкономического регулирования в стране. Первая модель основывалась на полной изоляции всех уровней местной администрации и непосредственном контроле центральных органов правительства над деятельностью предприятий («двухзвенная система»). При этом, методы контроля могли быть как прямые, так и косвенные.

Сторонники второй модели предлагали изолировать провинциальные властные структуры, полагая необходимым сделать промежуточным звеном между центральным правительством и предприятиями административно-экономические органы крупных городов и городских агломераций («новая трехзвенная система»).

Оппоненты обеих моделей резонно возражали, что задача изолировать местную администрацию любого уровня практически невыполнима и ратовали за сохранение существующей системы центр – провинция – предприятие («старая трехзвенная система»), однако не смогли предложить ясных и реальных путей ее совершенствования. [Шицзе цзинцзи даобао (Глобальный экономический вестник), 13.10.1986]

В целом, можно с уверенностью констатировать тот факт, что задача найти эффективный способ управления «двухколейной» моделью из Пекина оказалась для центральных органов чрезмерно сложной и, в конечном счете, очевидно невыполнимой. Острый социально-политический кризис 1989 года на фоне серьезных макроэкономических дисбалансов стал апогеем

неуправляемости «двухколейной модели» из единого центра. Пришедшие на его волне к власти «контрреформаторы» решили по возможности демонтировать «двухколейку», прибегнув к рецентрализации ценообразования в ряде отраслей. Эффект оказался прямо противоположным. Линия Пекина встретила скрытое сопротивление и открытый саботаж многочисленных региональных административных и хозяйственных лобби, генетически связанных с «двухколейным» ценообразованием. Институционально эти лобби группировались вокруг местных партийно-государственных структур. Представляется, что последовавшая обвальная фрагментация и локализация «двухколейного» ценообразования серьезнейшим образом подорвали позиции и потенциал центральных властей в сфере регулирования цен. В итоге к 1993 году в КНР – во многом стихийно – сложились очертания того, что я предлагаю называть **«многоколейной моделью» ценообразования**, в которой ключевую роль в определении «директивно-рыночного фронта» стали играть региональные партийно-государственные органы и элиты. Для китайской экономической литературы в 90е и нулевые годы почти общим местом стало утверждение, что большинство цен в КНР «освобождено» (фан кай ле, 放开了). Знакомство с эмпирическим материалом заставляет сомневаться в справедливости такой оценки. Однако, если понимать под «освобождением» не полную либерализацию ценообразования, а вынужденное согласие центра окончательно закрепить за местными органами власти права по

регулированию большинства цен, сохранив, тем не менее, за собой ряд монополий, то все встает на свои места. Центральное правительство оказалось перед необходимостью задействовать обновленные механизмы контроля над социально-экономическими и политическими процессами в стране, в меньшей степени связанные с доминированием директивного ценообразования,

Теории «двухколейного перехода» и реалии «многоколейного» ценообразования.

Китайский экономист Чжан Гуанюань, автор многих работ по теории и практике реформы ценообразования в КНР, писал в конце 2001 года: «Реформе цен, подобно [другим реформам], с самого начала не хватало теоретического руководства, у нее никогда не было четкой цели. [Реформа проводилась] в постоянном поиске, с учетом общих тенденций, под давлением рынка. Шаг за шагом, путем делегирования прав нижестоящим звеньям, с большими искривлениями и отступлениями...Сегодня, когда цены на большинство товаров уже освобождены, мы сталкиваемся с препятствиями правительственного монополизма, с хаосом на рынке. Еще предстоит понять, каковы функции [центрального и местных] правительств в области ценообразования. Тогда, когда нам особенно необходимо было теоретическое руководство, его-то как раз и не хватало. А когда мы начинали обобщать практический опыт и строить на его основе теорию, практика [реформы] начинала вдруг отставать». [Чжан Гуанюань, 2002, с. 95] Этот

комментарий из самого начала нулевых годов весьма симптоматичен. В 80е годы практика реформы цен заметно обгоняла теоретические разработки. «Реформа цен уже шла, во многом стихийно. То, чем мы [китайские экономисты] занимались, было, по сути, признанием фактов «вдогонку». [Чжан Вэйин, 1985, с.37]. «Китайский путь к рынку не был заранее спроектирован, не был изначально предложен ни экономистами, ни правительством. Он сформировался в процессе взаимодействия между различными группами интересов». [Шэн Хун, 1996, с.78] Однако, 90е годы, в особенности середина и вторая половина десятилетия, стали в китайской экономической науке и околонучной публицистике периодом попыток построения обобщающих теоретических моделей рыночной трансформации в КНР. В основу этих моделей были положены несколько сходных теоретических трактовок «двухколейной системы» ценообразования. Шэн Хун, объясняя, почему в основу теоретических моделей рыночной трансформации экономики КНР легла реформа цен, пишет: «В 80е годы реформа системы ценообразования была центральной и наиболее трудной среди других рыночных реформ. Как правительство, так и экономисты-теоретики рассматривали ее в качестве ключевого шага рыночной трансформации... Большинство специалистов пришли к консенсусу относительно необходимости замены планового ценообразования рыночным. В силу того, что система цен – это не только информационное руководство по распределению ресурсов, но и определенная модель распределения интересов, главная трудность в реформе ценообразования состояла в том,

как, внедряя рыночные цены, одновременно свести к минимуму нарушение существующего баланса интересов [в системе]. В противном случае...протесты [против реформ] могли бы вызвать торможение преобразований или – через влияние на монетарную политику – высокую инфляцию, которая сделала бы невозможной реформу как таковую. В процессе изучения реформы ценообразования немало специалистов в полной мере осознали, что вопрос о модели распределения интересов является для реформы ключевым. Поэтому, экономические теории перехода Китая [к рынку] мы концентрируем вокруг дискуссий о теории реформы ценообразования». [Шэн Хун, 1996, с. 76-77]

Таким образом, «двухколейность» рассматривалась авторами и сторонниками этих моделей уже не просто как метод реформы цен, но как своеобразная система координат для всей социально-экономической трансформации Китая, а также как основание для ее теоретического осмысления и констатации ее международного значения. Именно отсюда пошли теоретические и публицистические выкладки о «китайском чуде» [Линь Ифу и др., 1994], «победившем рыночном социализме» [Чжан Юй, 1997], особой китайской «политэкономии рыночных реформ». [Ли Цзюнь, 2006; Фань Ган, 1995, 1996; Чжан Юй, 1997; Шэн Хун, 1996, 2003 и др.] Эти выкладки оказали определенное влияние и на ряд зарубежных экспертов, выдвинувших, к примеру, концепции «вырастания рынка из плана» [Naughton, 1994, 1995], «пекинского консенсуса» (в противовес

«вашингтонскому») [Ramo, 2004]⁷ и «системного самоотвода» [Csanadi, 2006].

Определенная нестыковка проявилась с самого начала в том, что китайские экономисты и публицисты приступили к столь далеко идущим теоретическим обобщениям «двухколейной модели» как раз в то время, когда, согласно официальной периодизации реформ, эта модель, во всяком случае, в области ценообразования, отошла в историю. Впрочем, это можно объяснить тем фактом, что, как уже отмечалось, «двухколейность» на сей раз понималась не в относительно узком контексте реформы цен, а широко экстраполировалась на всю общественно-экономическую систему КНР и в этом смысле, по мнению ряда авторов, продолжала существовать. Таким образом, в китайской науке и публицистике эпохи реформ можно выделить, по крайней мере, три значения термина «двухколейная модель»: «двухколейное» ценообразование в широком смысле (секторный вариант ценообразования), «двухколейное» ценообразование в узком смысле (пропорциональный вариант ценообразования) и «двухколейность» как переходное (от плана к рынку) состояние социально-экономической системы страны в целом. Надо сказать, что такая многозначность вкупе с отмеченным выше тесным переплетением на практике секторного и пропорционального

⁷ Основные принципы «вашингтонского консенсуса» были сформулированы в 1990 году и включают приватизацию, жесткую монетарную политику, отказ от бюджетного дефицита, либерализацию торговли, открытость для иностранных инвестиций. [Коммерсантъ, № 162 (3493) 01.09.2006]. Весной 2004 года в Центре Международной Политики Великобритании (Лондон) вышла в свет работа Дж.К.Рамо под названием «Пекинский консенсус», в которой утверждается, что ключевыми составляющими социально-экономических успехов КНР являются решительное стремление к инновациям и экспериментам, защита государственных границ и интересов и накопление «инструментов асимметричной силы» в виде золотовалютных резервов.

вариантов ценообразования, а также с искусственностью многих теоретических построений 90х годов, о чем речь пойдет ниже, сделали применение термина «двухколейная модель» методологически довольно затруднительным. По крайней мере, со времени начала обобщающего теоретизирования в китайской литературе в середине 90х. То есть, умозрительно и теоретически вполне понятно, о чем идет речь. Однако для адекватной классификации и оценки конкретных реалий социально-экономической трансформации термин становился все менее приемлемым.

Основные теории «двухколейного перехода»

В первой половине 90х годов ряд китайских экономистов выступили с концепцией «внесистемных реформ» (体制外改革 тижжи вай гайгэ). [Мяо Чжуан, 1992; Шэн Хун, 1992; Фань Ган, 1993; Линь Ифу, 1994]. Суть ее сводилась к тому, что реформы в КНР не пошли путем быстрого и целенаправленного демонтажа «старой» системы плановой экономики со всеми характерными для нее политико-административными и хозяйственными институтами и практиками, а начали создавать «новую» рыночную среду на внесистемном поле, рядом и параллельно с «плановой системной» средой. По мнению этих специалистов, такой путь преобразований позволил существенно снизить все возможные издержки реформ: свести к минимуму сопротивление «плановой системы», сохранить социально-политическую и институциональную стабильность, создать новый баланс внутри элитных интересов и т.д. Каркасом этой модели явилась

«двухколейная» практика ценообразования. Механизм формирования цены является одним из ключевых факторов, определяющих модель поведения хозяйствующих субъектов в экономической среде. Параллельное существование «плановых» и «рыночных» цен в экономике КНР способствовало формированию двуединого хозяйственного пространства. Более того, «двухколейное» ценообразование и связанные с ним «внесистемные реформы» сформировали новую структуру собственности. Если в пространстве «плановой системы» сохранялось абсолютное доминирование государства, то в новом «внесистемном» пространстве преимущества получали альтернативные формы собственности – индивидуальная, кооперативная, частная – а также новые производственные формы и хозяйственные субъекты. В частности, индивидуальные крестьянские хозяйства (в контексте подворного подряда на селе), бесчисленное количество мелких и средних производителей в сфере обслуживания и торговли, сельские и поселковые предприятия. Известный китайский экономист У Цзинлянь в этой связи образно писал: «[Суть не в том] чтобы, зубами вцепившись в госсобственность, сохранять ее во чтобы то ни стало, а в том, чтобы действовать в обход ее, находить новые точки производства в негосударственной экономике, направляемой рынком». [У Цзинлянь, 1994, с. 51] Нетрудно заметить, что концепция «внесистемных реформ» является теоретическим обобщением секторной модели «двухколейного» ценообразования.

Практически одновременно китайские эксперты выдвинули концепцию «реформ по нарастающей»⁸ (增量改革, цзэнлянь гайгэ) - по сути, теоретическое обобщение пропорциональной модели «двухколейного» ценообразования. [Шэн Хун, 1991, 1992; Ху Жуинь, 1992; Фань Ган, 1993 и др.] Речь здесь шла о том, что предприятия, находящиеся в пределах «системного планового» поля после выполнения установленных государством плановых заданий могут реализовывать сверхплановую продукцию на рынке. Постепенное уменьшение плановой и увеличение рыночной доли продукции и услуг в изначально плановом «системном» поле должны привести в итоге к значительному сокращению его объемов в экономике страны. В перспективе – к окончательному доминированию рыночного пространства. Предполагалось, что соответствующие изменения будут постепенно происходить и в сферах собственности, трудовых отношений, в принципах политического и административного регулирования и т.д.

В первой половине 90х годов отмеченные концепции предлагались и обсуждались в малом и, отчасти, фрагментарном формате журнальных статей. Однако в середине и во второй половине десятилетия в КНР вышло несколько монографий, претендующих на теоретическую фундаментальность в плане осмысления китайского пути «постепенных реформ». На двух из них следует остановиться более подробно.

⁸ Удачный перевод на русский язык термина «增量改革», « Incremental reform» как «реформа по нарастающей» был предложен российским китаеведом-экономистом О.Борох в ее переводе статьи Фань Гана. [Фань Ган (пер. О.Борох), 1995]

Первая книга под названием «Анализ политической экономии постепенных реформ» («Чжуцзинь гайгэ дэ чжэнчжицзинцзисюе фэньси») принадлежит китайскому экономисту с мировым именем Фань Гану⁹ и вышла в свет в 1996 году. Фань Ган трактует политическую экономию в категориях общественного выбора и мотивации и в этом отношении вполне может считаться последователем неоинституциональных подходов в духе Д.Норта [North, 1990], на которого активно ссылается и переводит на китайский язык нортовское “Incremental reform” как «реформа по нарастающей» («цзэнлян гайгэ»). [Фань Ган, 1996, с. 152] Вместе с тем, Фань Ган не выступает как институционалист-теоретик, используя элементы неоинституционализма лишь в контексте анализа экономических реформ в КНР.¹⁰ С его точки зрения, выбор «постепенной» или «радикальной» стратегии реформ определяется не столько руководством страны – правительством (хотя внешне неизбежно принимает форму высшей политической санкции), сколько соотношением различных групп интересов в системе и наличием того или иного общественного (внутреннего) запроса. Правительство выступает не более чем модератором интересов различных групп и ответчиком по общественному запросу. Здесь Фань Ган вступает в полемику с другим весьма известным китайским экономистом Линь Ифу, автором еще одной обобщающей монографии по реформам в КНР, озаглавленной «Китайское чудо: стратегия развития и экономическая

⁹ В 2008 году Фань Ган занял 33е место в списке 100 видных интеллектуалов планеты по версии журнала “Foreign Policy”.

¹⁰ Более подробно о взглядах Фань Гана см. О.Борох, 1998; Чжан Цзяньцзин и др., 2001

реформа» («Чжунго дэ цицзи: фачжань чжанлюе юй цзинци гайгэ»), опубликованной в 1994 году. Линь Ифу утверждал, что успех реформ в КНР в решающей степени определялся продуманной политикой руководства страны. Фань Ган полемически замечает: «Возможно, некоторые полагают, что вступление Китая на путь постепенных реформ обусловлено большей мудростью китайцев. Соответственно, это означает, что те, кто принимал политические решения в бывшем СССР и Восточной Европе, не были столь же мудрыми. Я ни в коей мере не отрицаю ключевую роль политических лидеров в общественных преобразованиях. Однако, принятие решения – это одно дело, а пространство для выбора этого решения – совсем другое. В условиях глубокого общественного кризиса и нестабильности, когда проводившиеся много лет постепенные реформы результатов не дали, самое мудрое решение приходится выбирать из очень узкого круга альтернатив. В таком случае всякий выбор будет болезненным, пусть мудрым, но далеко не идеальным». [Фань Ган, 1996, с. 175]

Более того, Фань Ган считает, что сами понятия «постепенные» или «радикальные» реформы не более чем описательные категории, употребляемые постфактум для характеристики тех или иных преобразований. [Фань Ган, 1996, с. 190] Указывая на отличия реформ в КНР от бывшего СССР и соцстран Восточной Европы, Фань Ган пишет: «Основная особенность постепенных реформ в нашей стране [Китае] состоит в том, что, учитывая большое сопротивление старой системы, мы не трогали ее, а рядом с ней, вокруг нее стали развивать новую систему, или новые экономические

уклады. По мере их расширения, постоянных изменений в экономической структуре и совершенствования системной среды, [мы] постепенно начали переходить к реформированию старой системы. В бывшем СССР и странах Восточной Европы...было необходимо (единственно возможно) с самого начала приступить к реформе старой системы... Основным смыслом постепенных реформ в том, что это реформы по нарастающей. Используемое Д.Нортом понятие *incremental reforms* («реформы по нарастающей» - М.К.) гораздо точнее подходит для их определения, чем понятие *gradual reforms* («постепенные реформы» - М.К.), указывающее в большей мере на скорость [проведения реформ]». [Фань Ган, 1996, с.152-153] Далее автор отмечает, что реформы в КНР в сферах сельского хозяйства и поселковых предприятий были по-своему радикальными. Фань Ган считает, что китайские реформы не имели изначально определенной цели или, тем более, какой-либо модели. В качестве особых условий для начала преобразований в КНР автор признает т.н. «преимущества отсталости»: избыточное сельское население, отсутствие всеобъемлющей системы социального обеспечения, незавершенную индустриализацию и т.д. Более того, Фань Ган отмечает, что эксцессы вроде «большого скачка» и «культурной революции» не позволили сформироваться в Китае «плановой технократии» советского образца, сохранив в обществе определенные иллюзии в отношении «грамотного планирования». Все эти обстоятельства структурировали как внутренний запрос на реформы в Китае, так и ответ на него со стороны политического руководства.

Фань Ган тесно увязывает успех «нарастающих реформ» в КНР с успешным внедрением «двухколейного» ценообразования, признавая, впрочем, его серьезные издержки, и использует терминологию «двухколейности», характеризуя другие реформы. В частности, он пишет о «двухколейной» реформе собственности в смысле параллельного существования государственной и не государственной собственности. В сфере трудовых отношений практикуется одновременное сочетание пожизненного найма для действующих сотрудников и введение системы трудовых соглашений для вновь нанимаемых. В области жилищного строительства наблюдается совмещение распределения (продажи по заниженным ценам) жилья для очередников с возможностью покупки жилой площади по полной стоимости, ипотечного кредитования и т.д. Особое внимание он уделяет возникшему на новом поле негосударственному сектору, непосредственно связывая конечный успех «двухколейного перехода» с его развитием.

Для понимания логики Фань Гана, равно как и других адептов «двухколейной трансформации», необходимо иметь в виду, что для описания «старой плановой» системы употребляется термин «сохраняющийся объем» (также возможен вариант перевода «остаточный объем») (存量 «цуньян»), а для нового «рыночного поля» - термин «нарастающий объем» (增量 «цзэнлянь»). Очевидно, это следует понимать, как констатацию постепенного, но неизменного расширения нового поля и сокращение

старого. Фань Ган, в частности, отмечает, что все точки эффективного экономического роста находятся в новом поле и под влиянием этого обстоятельства госсектор, почти целиком относящийся к старому полю, просто не может не меняться. Автор признает, что «двухколейный переход» будет достаточно длительным, но в любом случае произойдет в течение жизни одного поколения.

В то же время, автор явно противоречит себе, когда в другом месте указывает, что старая система в условиях «двухколейного» состояния вполне способна к успешной регенерации и даже к расширенному воспроизводству. Фань Ган пишет о неизбежности «безответственных ненормативных действий» по извлечению ренты из «двухколейного» ценообразования и необходимости государства применять к ним «плановый контроль», который, однако, приводит к тому, что «рыночной экономике отказывают в правах, централизуют, ломают ее развитие всевозможными упорядочениями и урегулированиями. [Старая] система регенерируется...» [Фань Ган, 1996, с. 188] «Производимый в новой системе растущий доход может передаваться в качестве компенсации некоторым группам интересов, понесшим ущерб в ходе реформ, а может использоваться на субсидирование старой системы..., способствуя ее дальнейшему прозябанию или даже приводя к расширенному воспроизводству этой старой системы». [Фань Ган, 1996, с. 169]

В третьем месте Фань Ган вообще пишет, что, коль скоро новый сектор дает столь хорошие поступления, то «потребность в реформировании старой системы становится, в некотором смысле, даже менее насущной, чем

прежде». [Фань Ган, 1995, с.64] Автор перечисляет проблемные «родимые пятна» старой системы, которые продолжают сохраняться и в условиях «двухколейного» состояния: неполная либерализация цен и банковского процента, монополизм, субсидирование убыточных производств, мягкое бюджетное ограничение для большинства госпредприятий и низкая финансовая дисциплина, снижение нормы прибыли и т.д. Отмечает Фань Ган и появление групп лоббистов, паразитирующих на «двухколейной модели» и заинтересованных в сохранении возможности максимально долго извлекать ренту из такого «переходного» состояния.

Обращает на себя внимание также тот факт, что «старое плановое» поле Фань Ган неизменно именуется «системой» (体制 «тичжи»), а новое рыночное пространство – когда «системой», когда «новым экономическим укладом» (新的经济成分 «синьдэ цзинцзи чэнфэнь»), а когда – просто «рыночной экономикой» (市场经济 «шичан цзинцзи»). Возникает ощущение, что автор испытывает некоторое смысловое препятствие для однозначной характеристики нового экономического пространства как «системы». В целом можно сказать, что монография Фань Гана – своего рода консолидированный теоретический манифест «двухколейного перехода» и «реформ по нарастающей».

Второй крупной монографией по теории «двухколейного перехода» стала работа китайского экономиста Чжан Юя «По дороге трансформации: анализ политической экономики постепенных реформ в Китае» («Году чжи

лу: чжунго чжуцзиньши гайгэ дэ чжэнчжи цзинцзисюе фэньси»), вышедшая в свет в 1997 году. В отличие от Фань Гана, Чжан Юй не связывает свою работу с зарубежными «теориями систем» или неоинституционализмом. Он полностью поглощен «политэкономией китайской реформы». Кроме того, книга Чжан Юя заметно более «политкорректна», местами звучит почти официально. В частности, он не устает повторять, что, в отличие от «радикальных реформ» в бывшем СССР и странах Восточной Европы, «двухколейный переход по-китайски» предполагает сохранение верности «социалистическому выбору» и идейно-политическое руководство правящей компартии. [Чжан Юй, 1997, с. 89, 97, 159, 171-172] Это, по мнению Чжан Юя, способствует сохранению «системной стабильности, укрепляет авторитет партии и создает благоприятную общую атмосферу для дальнейших преобразований». [с.158] Тем не менее, в ходе своего анализа, автор делает ряд весьма важных замечаний и уточнений. Так, Чжан Юй подчеркивает, что было бы большой теоретической ошибкой полностью отделять «старое плановое поле» от «нарастающего пространства рынка». Реформы, по его мнению, идут одновременно как вне «сохраняющейся системы», так и внутри нее. Развитие подворного подряда на селе, негосударственной собственности, отказ от верхней границы ценовых колебаний на сверхплановую продукцию – это реформы «вне системы». А реформа госсектора, внедрение там директорского подряда и акционерной собственности, преобразования в бюджетной, финансовой и налоговой сферах – это реформы «внутри системы». Таким образом – «старое и новое

связано друг с другом и наследует друг у друга». При этом, однако, «прежняя экономическая структура, политическая структура и структура [общественных] интересов сохраняют относительную стабильность, не утрачивают полностью своего исторически сложившегося основания». [Чжан Юй. 1997. с. 93-94] Вместе с тем, автор недвусмысленно подчеркивает необходимость реформирования «старой системы». Чжан Юй пишет: «Учитывая...огромный масштаб и глубину влияния традиционной [плановой] системы, применение рыночных механизмов лишь в новом поле...приведет к чрезмерному затягиванию процессов [рыночной трансформации]. Влияние «реформ по нарастающей» на сохраняющийся [плановый] сектор будет в этом случае мизерным. С другой стороны, сохранение в неизменности административных механизмов по распределению ресурсов в «старом поле» до крайности затруднит «реформу по нарастающей». Эти механизмы приводят к перекосам в ценообразовании. Таким образом, соединение реформ в «старой системе» с «реформой по нарастающей» - есть внутренняя логика проведения постепенных преобразований». [Чжан Юй, 1997, с.216-217] Одновременно Чжан Юй перечисляет условия, необходимые для того, чтобы «реформы по нарастающей» подтолкнули к рыночной трансформации «старую систему». По его мнению, рост «нового поля» должен быть настолько значимым, чтобы снижать сопротивление «старой системы» и менять соотношение политических сил внутри нее в пользу рынка, он должен способствовать

большей открытости «старой системы» и легитимации ее реформирования.

[Чжан Юй, 1997, с. 215]

Одновременно он признает, что в настоящее время «реформы по нарастающей не в состоянии создать достаточных условий для рыночной трансформации «планового пространства». [Чжан Юй, 1997, с.215] Чжан Юй отмечает глубокую внутреннюю противоречивость постепенных реформ, указывает на колоссальные трудности в области административного реформирования, отделения политического руководства от экономического, на рост коррупции и непрозрачного лоббизма. [Чжан Юй, 1997, с.197-198] По данным автора, развитие экономики КНР по законам «двухколейной модели» в 1981-89гг. привело к тому, что общий объем разницы между «плановыми» и «рыночными» ценами (включая разницу в ценах на товары, в ставках по банковским кредитам и в обменном курсе валют) в денежном выражении неизменно превышал 30% ежегодного национального дохода. Если добавить к этой сумме «разницу в налогообложении (разрешение на неуплату таможенных пошлин и подоходного налога, контрабанда, уклонение от налогов), всевозможные формы извлечения ренты (например, подрядная и земельная ренты), то общий объем разницы в доходах (т.е. ренты), вызванной вмешательством правительства в рынок превышает 400 триллионов юаней». [Чжан Юй, 1997, с.199] Данная сумма по курсу валютного обмена конца 80х годов XX века эквивалентна 50 триллионам долларов США. По этим цифрам и комментариям уже можно составить представление об объемах и механизмах теневой экономики, коррупционной

ренды и «первоначального накопления капитала» в «рыночном социализме с китайской спецификой». В контексте этих данных можно также оценить степень «адекватности» характеристики китайских властей как «чудесных», «не поддающихся соблазну погони за рентой», содержащейся в приведенной выше статье Е.Журавской.

Вслед за Фань Ганом и другими сторонниками «двухколейного перехода» Чжан Юй понимает «двухколейность» широко – это не только реформа цен, но и реформа собственности, административная реформа (степень охвата рынком различных регулирующих и контролирующих учреждений неодинакова), региональные различия в соотношениях «старого» и «нового» экономических полей. Переход от «старого» к «новому» - длительный процесс и «двухколейность» будет сохраняться долгое время. Автор подчеркивает, что сердцевиной «постепенных реформ» является допущение, что государственная собственность и рыночная экономика совместимы. [Чжан Юй, 1997, с.100] В итоге в Китае должна сложиться «целостная двуединая планово-рыночная экономическая система, в основе которой лежит модель направляемой правительством рыночной экономики». При этом действия правительства должны быть обусловлены «сдержками и противовесами» как планового, так и рыночного свойства. [Чжан Юй, 1997. с.244]

В целом, Чжан Юй рисует довольно противоречивую картину. Уверенность в правильности «социалистического выбора» и в пользу однопартийного правления для углубления реформ соседствуют с

констатацией их длительности и сложности и – самое главное - с признанием того факта, что системный прорыв «реформ по нарастающей» пока не состоялся. Вместе с тем, чрезвычайно важно, что, в отличие от Фань Гана, Чжан Юй четко указывает не только на важность расширения «рыночного поля», но и акцентирует необходимость рыночных преобразований в «старом плановом» системном пространстве.

Здесь следует привести еще одну – весьма оптимистическую с точки зрения «рыночников» - трактовку эволюции «двухколейного» ценообразования, представленную в коллективной работе ряда китайских экономистов под руководством доцента Пекинского Университета Ню Хэхуна. С точки зрения авторов, в 80е годы XX века ключевую роль в ценообразовании играло центральное правительство, так как именно оно инициировало и реализовывало принципы «двухколейного» ценообразования. В период между 1992 и 1995 годами эта роль перешла к местным правительствам, которые на протяжении всего десятилетия 80х боролись с центром за свое «место под солнцем» ценового регулирования. Начиная же с середины 90х годов местные власти всех уровней, заинтересованные в увеличении доходной базы, передали механизмы ценообразования в руки непосредственных производителей, увеличив, таким образом, «рыночную составляющую» в экономике КНР. [Ню Хэхун и др., 1997, с. 7-21] В свете описанных реалий, данная трактовка представляется серьезным упрощением существа дела, так как не учитывает основных

структурных и динамических особенностей «многоколейной» модели ценообразования, о которых речь пойдет далее.

Тема «двухколейного перехода» в 90е и в нулевые годы занимает видное место не только в китайской экономической науке, но и в околонаучной публицистике. Одной из наиболее ярких работ в этой области является книга Чжан Цзюня «Постижение экономики по книге и вне книги» («Шули шувай дэ цзинцзисюе»), вышедшая в свет в декабре 2002 года и представляющая собой очень живое, научно-популярное и, одновременно, вполне апологетическое изложение теории «двухколейных реформ по нарастающей».

В зарубежном китаеведении изучению особенностей «двухколейного перехода» в КНР отведено гораздо более скромное место, чем в китайской литературе. Немногочисленные западные публикации на эту тему, в том числе и те, которые претендуют на теоретические обобщения, в целом следуют в русле концепций китайских адептов «двухколейной политэкономии», сохраняя или воспроизводя их внутреннюю противоречивость. [Chen, Jefferson, Singh, 1992; Csanadi, 1998, 2006; McKinnon, 1993; Naughton, 1995]

Наиболее заметные, обобщающие работы принадлежат перу Б. Нотона [Naughton, 1994, 1995] и М.Чанади [Csanadi, 1998, 2006].

Американский китаевед-экономист Барри Нотон сформулировал концепцию «вырастания рыночной экономики из плановой системы» в ходе реформ в КНР. Под «вырастанием» понимается, с одной стороны, появление

нового рыночного сектора, а с другой - его опережающий рост по сравнению с традиционным плановым сектором. В основе этой концепции лежит расширительная трактовка пропорциональной модели «двухколейного» ценообразования. Взгляды Нотона получили высокую оценку у китайских сторонников теорий «двухколейного перехода». [Чжан Цзюнь, 2006, с.293-294]

На подходах научного сотрудника Института Экономики Академии Наук Венгрии Марии Чанади следует остановиться более подробно. К сегодняшнему дню в западном обществоведении ее концепция представляет собой наиболее целостную попытку дать фундированное и внутренне логичное описание и объяснение реформ в КНР, используя китайские теории «двухколейного перехода», наработки западной академической советологии и венгерской школы политэкономии «реального социализма», которую в целом можно назвать «школой Яноша Корнаи».

Мария Чанади: модель «самоотвода»

С Марией Чанади мне довелось познакомиться в декабре 1997 года в Будапеште. В те дни в издательстве Edward Elgar в Великобритании и США готовилась увидеть свет ее книга «Party-States and their Legacies in Post-communist Transformation» («Партии-государства и их наследие в посткоммунистических преобразованиях»), написанная на основе результатов длительных полевых исследований автора в Венгрии. В течение полутора десятков лет в еще социалистической Венгерской Народной Республике М.Чанади проводила встречи и интервью с партийными и

правительственными чиновниками различных уровней, а также с директорами государственных предприятий, выясняя реальную структуру, механизмы и принципы взаимодействия между институтами партии и государства по экономическим вопросам.

К моменту нашего знакомства Мария Чанади уже начала интересоваться китайской проблематикой и планировала поездку в Китай для сбора материала. Наши беседы касались самого широкого круга вопросов: от особенностей конфуцианского менталитета до циклов экономического роста в период реформ.

Поездки в Китай, научное общение и совместная работа с китайскими специалистами состоялись у М.Чанади в начале 2000х годов.

В 2006 году в издательстве Академии Наук Венгрии Akademiai Kiado вышла в свет новая книга М.Чанади «Self-consuming Evolutions» («Самоуничтожающие эволюции»), ставшая продолжением и значительным расширением предыдущих исследований автора. Свою новую работу Чанади строит на сравнительном анализе эмпирического материала по реформам в бывших социалистических странах Восточной Европы (прежде всего, Румынии и Венгрии) и современного Китая и использует целую батарею как «консервативных», так и «либеральных» теорий анализа коммунистических систем. В книге можно обнаружить элементы концепций «групп интересов» и корпоративизма, бюрократического координирования и «мягкого бюджетного ограничения», а также анализа отношений по линии «патрон-клиент». Чанади лишь единственный раз употребила в тексте книги термин

«тоталитаризм» (и то скорее в смысле объекта теоретической критики), однако ее подход в принципе не противоречит многим положениям сторонников этой теории. В особенности это ощутимо там, где автор, вполне в соответствии с «неототалитарными» взглядами А.Мотыля, анализирует характер политического монополизма, структуру и степень проникновения партии в институты государства и общества. Вместе с тем, представляется, что в основе методологии анализа, предпринятого автором как в первой, так и во второй книге, лежит теория коммуникативной зависимости.

«Самоуничтожающие эволюции» - первое и, насколько мне известно, пока единственное в своем роде исследование, которое претендует на создание целостной системы координат для понимания и – в случае с Китаем - эмпирически обоснованного прогнозирования причин, особенностей и результатов экономического и социально-политического реформирования в социалистических странах. Книга получила высокую оценку международного экспертного сообщества. У Цзинлянь, в частности, отметил ее «...огромный потенциал для объяснения столь разных судеб партийно-государственных систем в Азии и Европе».

М.Чанади рассматривает партию и государство как вертикально интегрированные бюрократические пирамиды, каждая из которых имеет собственную внутреннюю иерархию. Внутри каждой из пирамид нижестоящие уровни иерархии зависят от вышестоящих уровней, подчинены и подотчетны им. Таким образом, «линии контроля» (dependency lines) идут от верхних эшелонов бюрократии к нижним эшелонам. «Линии обратной

связи» (feedback, interest promotion lines) – то есть каналы информации и возможностей реализации интересов нижних эшелонов – пролегают в противоположном направлении, то есть снизу вверх.

Между пирамидами партии и государства – в условиях идейно-политической монополии единственной партии и почти всеобщей государственной собственности – линии контроля идут от партии к государству. Линии обратной связи – от государства к партии.

Вместе с тем, как внутри партийной и государственной иерархий, так и между ними существуют линии неформальной обратной связи, идущие снизу вверх в каждой из пирамид и от государства к партии между пирамидами. Эти линии могут ощутимо размывать формальную стройность отношений зависимости и подчинения, ибо находящиеся на нижних этажах иерархий лица или структуры, обладая неформальными возможностями, оказываются вполне в состоянии реализовывать свои интересы через голову промежуточных этажей власти, как внутри пирамид, так и между ними. М.Чанади отмечает, что в этих условиях «...не только границы...государства, общества, экономики не могут быть точно обозначены, но даже властная элита в целом крайне трудно поддается определению. Это происходит из-за того, что структура размыта нитями взаимозависимостей и обратных связей, в силу чего потенциал возможностей (bargaining capacity) не соответствует формальному положению...»

Однако эта размытость отнюдь не отменяет, а наоборот, воспроизводит следующие функциональные принципы партийно-государственной структуры.

1. Все «линии контроля» в системе политически монополизированы партией.
2. Извлечение (extraction) и распределение ресурсов политически монополизированы партией, контролирующей монополию государства в экономике через контроль над государством.
3. Возможности обратной связи (как формальной, так и неформальной) политически монополизированы партией, ибо продвижение и реализация интересов нижестоящих уровней партийной и государственной иерархий не могут иметь место без использования «линий партийного контроля» как за самой партией, так и за государством.

Воспроизводство (form-fitting) перечисленных функциональных принципов обусловлено политически рациональными мотивациями и поведением (politically rational motivations and behavior) всех участников взаимодействия, вытекающими из их нежелания и даже страха утратить имеющиеся в их распоряжении каналы и возможности формальной и неформальной обратной связи. Такая утрата чревата полной потерей перспективы продвижения и реализации своих интересов и получения недоступной по официальным каналам, но жизненно важной информации.

Для того чтобы дополнительно пояснить причины воспроизводства политически рационального поведения автор предложила расширить область применения концепции «мягкого бюджетного ограничения» (soft budget constraint) Я. Корнаи, распространив ее на сферу политики и отношений по поводу власти (power relations). М.Чанади указывает, что в действительности «мягкие ограничения» как бюджетного, так и политико-административного свойства применяются в системах подобного рода отнюдь не повсеместно, как нечто само собой разумеющееся, а носят выраженный избирательный характер. Иными словами, партия-государство как политический и экономический монополист создает облегченные условия существования и воспроизводства лишь тем звеньям и уровням системы, которые своими действиями не демонтируют, а воспроизводят эту систему. Политически нерациональное поведение при определенных условиях и в определенные периоды может быть просто опасно для жизни.

Однако, по мнению автора, именно в этом пункте у системы начинаются большие проблемы. Имея низкую хозяйственную эффективность и характеризуясь высокими затратами (и то, и другое – следствие «мягкого бюджетного ограничения» в сфере экономики), система начинает испытывать затруднения с собственным целостным воспроизводством. Выражаясь словами М.Чанади, «условия системного воспроизводства становятся все более жесткими», так как тает его ресурсная база. Возникает жизненная потребность в поиске дополнительных ресурсов, а как следствие – неизбежные в итоге подвижки и реструктуризация в распределении властных

полномочий (power distributions). Стратегии поиска ресурсов и связанная с ними реструктуризация власти могут сильно различаться с точки зрения их содержания, темпов и динамики. В случае исторически сложившихся чрезвычайно сильных и централизованных «линий контроля» и относительно слабых и маргинальных «линий обратной связи» наиболее вероятна дальнейшая централизация и ориентация на поиск и изъятие ресурсов внутри системы. Там, где формальные и неформальные «линии обратной связи» достаточно сильны, чтобы оказывать скрытое, но ощутимое сопротивление централизующим «линиям контроля», предпочтение в итоге будет, скорее всего, отдано поискам и привлечению ресурсов извне системы.

Автор выделяет три модели такой «реструктуризации власти».

1. Модель «самоэксплуатации» («self-exploiting pattern»).

Для этой модели характерны чрезвычайно сильные централизующие «линии контроля» и слабые возможности внутрисистемного сопротивления. В политическом и организационном отношениях условия воспроизводства системы мягкие (soft), так как вышестоящие уровни иерархий имеют слабые ограничения или вообще не имеют таковых на применение открыто насильственных или иных методов давления с целью изъятия и перераспределения ресурсов. Между тем, в экономическом плане условия воспроизводства системы все более ужесточаются, ибо скорость уменьшения доступных ресурсов прямо пропорциональна жесткости методов и масштабам их изъятия. Распад системы в условиях такой модели носит, как правило, неожиданный, быстрый и обвальный характер, зачастую

сопровождаясь драматическими событиями в виде массовых волнений, кровопролития и т.д. Коллапс может быть спровоцирован резким обострением противостояния в элитах, разного рода внешними воздействиями, также как и сочетанием этих факторов.

Кроме того, последствия распада «самоэксплуататора» в лице партии-государства отличаются особым драматизмом потому, что такая модель не предполагает синхронизированного с коллапсом появления новых экономических, общественных и политических сил, способных взять на себя функции эффективного преодоления всеобщего кризиса. Их зарождение и развитие были до крайности затруднены, если вообще возможны, в условиях централизованной «самоэксплуатации».

С точки зрения М.Чанади, наиболее целостно такая модель реализовалась в социалистической Румынии.

Исходя из дальнейшего изложения материала в книге М.Чанади, следует сделать вывод, что модель «самоэксплуатации» была характерна для всех без исключения социалистических стран на начальных этапах существования системы, то есть на этапах «трансформации» и «консолидации», если пользоваться терминологией С.Хантингтона и К.Мура. Реформы в социалистических системах на этапе «адаптации» или «пост-тоталитаризм» (по Х.Линцу) есть, по сути, попытки уйти от модели «самоэксплуатации». У Румынии, как считает М.Чанади, этот уход, в силу исторически сложившихся особенностей румынского социализма, не получился. В других странах

европейского социализма развитие пошло иными путями, однако везде важнейшие элементы «самоэксплуатации» в виде политически монополизированных «линий контроля» и принципов «мягкого бюджетного ограничения», как в экономике, так и в политике, сохранялись вплоть до окончательного распада системы. Из логики М.Чанади следует, что коллапс системы в сущности означает полную ликвидацию всех элементов «самоэксплуатации».

2. Модель «самораспада» («self-disintegrating pattern»).

В этом случае «контрольные линии» по изъятию и перераспределению ресурсов сохраняют достаточную степень централизации, в то время как возможности использования как формальных, так и неформальных «линий обратной связи» у нижестоящих уровней системы неодинаковы. У кого-то они относительно больше, у кого-то – меньше. Централизованные меры по изъятию и перераспределению, таким образом, могут быть реализованы лишь с переменным успехом и далеко не везде. Политико-административные условия воспроизводства системы здесь оказываются ощутимо более жесткими, чем в модели «самоэксплуатации». При таком положении вещей реформаторы имеют шансы реализовать хотя бы частичные преобразования, а «защитники устоев» – «консерваторы» - в принципе готовы санкционировать изменения, рассчитывая получить дополнительные ресурсы для восстановления утраченного системного статус-кво. Таким образом, появляются возможности для дальнейшего ослабления «линий контроля» и укрепления «линий обратной связи». Перемены могут принять форму более

четкого нормирования ресурсов, подлежащих изъятию и перераспределению, децентрализации механизма принятия решений и делегирования полномочий нижним звеньям системы. Возможно сужение круга тех учреждений и лиц, которые в прежние времена обладали безоговорочно мягкими условиями воспроизводства. Могут реализовываться схемы частичного перехода на мировые цены на внутреннем рынке, участия в доходах и их перераспределении, введение подоходного налогообложения, уменьшение роли и сокращение объемов директивного планирования, децентрализация в принятии решений по производственным и коммерческим вопросам, импорту и экспорту, расширение возможностей в выборе деловых партнеров. Происходят частичные административные реформы по оптимизации учреждений и персонала (включая упорядочение партийных организаций), ликвидация отдельных звеньев системы – министерств и ведомств - с целью сокращения количества бюрократических посредников-лоббистов и т.д.

Учитывая неизбежное укрепление «обратных связей» у наиболее активных субъектов реформ и увеличение их ресурсной базы в результате преобразований, централизованно изъятые ресурсы будут перераспределяться неизменно по принципу политической рациональности. Это способствует, как пишет М.Чанади, «сохранению и поддержанию проторенных путей» (maintenance of fixed paths), что следует, очевидно, понимать, как сохранение ключевых характеристик системы, то есть обеспечение носителям этих характеристик максимально мягких условий воспроизводства. Так как для решения этой задачи требуются все новые и

новые ресурсы, система неизбежно срывается в очередной виток децентрализации и укрепления обратных связей. Внешние экономические и политические воздействия могут значительно ускорить отмеченные процессы. Возможно ощутимое снижение интенсивности взаимодействия в пределах системы (decrease of intensity in the use of the net) и, что чрезвычайно важно, ослабления «линий контроля» партийных органов за институтами государства в условиях, когда достаточно большое число хозяйственных и административных субъектов уже не рассчитывают на большие дивиденды в благодарность за политическую благонадежность. «Ускорение реформ, - пишет М.Чанади, - будет и дальше разваливать систему уже без создания дополнительных ресурсов и без повышения рациональности поведения, лишь увеличивая... жесткость условий воспроизводства на общесистемном уровне». К тому моменту, когда привлечение и изъятие ресурсов в рамках данной системы будет максимально затруднено, а альтернативные источники ресурсов вне системы окажутся более привлекательными и доступными, состояние системы радикально ухудшится и произойдет коллапс.

Распад системы в этом случае будет мягким (mild) и, возможно, несколько растянутым во времени по сравнению с коллапсом по модели «самоэксплуатации». Дело в том, что, как считает М.Чанади, процессы децентрализации в системе идут одновременно с эволюцией ее структурных компонентов. Окончание эволюции и системный коллапс будут, таким образом, синхронизированы по времени. «За распадом системы последует

достаточно медленная политическая эволюция, сопровождаемая дезинтеграцией государственной собственности и... трансформацией функций государства».

Автор полагает, что наиболее последовательно модель «самораспада» можно проследить на примере бывшей Венгерской Народной Республики.

Мне представляется, что модель «самораспада», с теми или иными допущениями, была реализована абсолютным большинством европейских соцстран, за исключением, как уже отмечалось, Румынии. Основные параметры и динамика кризисных явлений в СССР также вполне могут быть описаны в категориях модели «самораспада».

3. Модель «самоотвода» (self-withdrawing pattern).

В этом случае «линии контроля» могут быть как централизованы, так и децентрализованы. Вместе с тем, у ряда подразделений системы существуют значительные возможности для реализации собственных интересов на базе частичной децентрализации механизмов изъятия ресурсов. В этих условиях динамичное воспроизводство системы в целом может сталкиваться с серьезными трудностями. Перед лицом таких осложнений возможно усиление децентрализации вплоть до санкционирования выхода или выпадения (leap out) из системы отдельных ее звеньев. Создаются условия для поиска, создания и привлечения ресурсов извне системы, что М.Чанади называет «реформами, создающими ресурсы» («resource-creating reforms»). Вне системы и параллельно ей создается ранее не существовавшее поле по созданию ресурсов. В Китае, по мысли автора, одной из

разновидностей такой тактики стало внедрение в 80е годы XX века т.н. «двухколейной системы цен», означавшее одновременное функционирование в экономическом поле страны как директивных, так и рыночных цен. Другими формами преобразований, создающих ресурсы вовне системы, могут быть широкое привлечение иностранного капитала, акционирование больших объемов государственной собственности, создание условий для ускоренного становления и развития национального капитала в виде, например, санкции на создание государственными акционерными холдингами частных дочерних компаний. Сюда же следует отнести постепенное снятие ограничений на трудовую миграцию внутри страны и стимулирование межрегионального перелива капиталов и товарного обмена. В результате, как считает М.Чанади, происходит как относительное, так и абсолютное сокращение системы («shrinkage of the net»). Относительное сокращение проявляется в появлении рядом и параллельно с системой нового социально-экономического поля, действующего по иным, нежели в системе, принципам. Абсолютное сокращение означает динамически нарастающий процесс подключения все большего числа звеньев системы к этому новому полю и – в итоге – их окончательный переход в это поле и, таким образом, разрыв с системой. Абсолютное сокращение системы может происходить как вынужденно, так и добровольно и принимать формы ухода государства из определенных секторов и отраслей экономики, приватизации бывших государственных предприятий, продажи активов иностранному капиталу и т.д. Причем, чем более будут ужесточаться условия

воспроизводства социально-экономических субъектов в рамках системы, тем интенсивнее они будут стремиться порвать с ней и уйти на волю в новую хозяйственную среду. М.Чанади пишет, что с продажей и закрытием крупных активов госсобственности прежние «линии контроля» будут отступать, видоизменяться и агонизировать. В пределах системы возобладает экономическая стагнация, а новое внесистемное поле будет характеризоваться динамичным хозяйственным ростом.

Однако, нарисовав общую картину столь успешной и динамичной трансформации, основанной на «самоотводе» прежней системы, переходящей в ее относительное, а затем и в абсолютное сокращение, автор неожиданно становится более осторожной в оценках. Оказывается, не только относительное, но даже абсолютное сокращение системы не может и не будет происходить целостно («as a whole») на уровне одного отдельно взятого структурного подразделения системы («unit»). Проще говоря, ни одна отдельно взятая политическая, административная или производственная единица не сможет в одночасье и целостно оторваться от системы. Это связано с различиями степени жесткости воспроизводства системы как на уровне отдельной единицы в целом, так и на уровне ее различных внутренних подразделений. Это связано также и с преобладающими критериями политически рационального поведения. Иными словами, в зависимости от важности данной системной единицы или какого-либо ее подразделения для сохранения и воспроизводства системы в целом,

процессы «самоотвода» системы будут носить переменный, распыленный, частичный и сугубо выборочный характер.

Эволюция будет происходить в условиях сохранения монополии партии на политическую власть и, следовательно, носить «автократический» характер. Это обстоятельство резко усилит коррупционную составляющую. Однако автор считает, что экономический рост, характерный для такой модели трансформации, будет, тем не менее, способствовать укреплению легитимности правящей партии. Более того, по мысли М.Чанади, на путях экономического «самоотвода» у партии существует значительное поле для маневра по превращению из монополично правящей структуры в «политический организм» («political entity»). Таким образом, в перспективе трансформации не столько коллапс, сколько плавная идейно-политическая и институциональная эволюция.

Модель «самоотвода», как считает автор, характерна для реформ в Китайской Народной Республике, инициированных под руководством Дэн Сяопина в конце 70х годов XX столетия и продолжающихся по сей день.

Думается, что концепция «системного самоотвода», при всей своей логической стройности и умозрительном соответствии с известными эмпирическими фактами, не лишена, тем не менее, значительных внутренних противоречий. Здесь уместно поставить ряд вопросов к этой концепции и высказать некоторые соображения, вытекающие как из логики здравого смысла, так и из пространственного моделирования самого процесса «самоотвода».

Во-первых, если происходит относительный и абсолютный «самоотвод» системы, то есть система «отступает» с прежних позиций, вольно или невольно допуская распространение новых правил игры на «освобождаемое пространство», то что же в это время происходит внутри самой системы? Она просто количественно «ужимается», или, «ужимаясь», одновременно внутренне качественно эволюционирует? Если происходит обыкновенное пространственное «сжатие» без качественной эволюции, то неизбежный в перспективе некий акт «окончательного сжатия» вполне может принять отнюдь не эволюционную форму и ничем не отличаться от коллапса.

Во-вторых, допустим, что система наряду с пространственным «сжатием» одновременно переживает внутреннюю качественную эволюцию. В этом случае процесс системной трансформации приобретает почти линейный характер, ибо границы между системой и новым внесистемным полем размываются и исчезают естественным образом. Перспектива коллапса, за отсутствием предпосылок такового, отпадает сама собой. Перед нами пример успешной системной эволюции. Но М.Чанади пишет, что как относительное, так и абсолютное сокращение системы не могут происходить целостно на уровне отдельно взятых системных единиц в силу политической монополизации «линий контроля» и по-прежнему действующих внутри системы критериев политически рационального поведения этих единиц. Автор отмечает распыленность, частичность и выборочность участков освобождаемого системой пространства. Таким образом, в количественном и

качественном отношении «самоотвод» предстает в высшей степени нелинейным процессом.

В-третьих, основываясь на изложенных выше соображениях, следует, по всей видимости, заключить, что «самоотвод» системы все-таки не сопровождается ее внутренней качественной эволюцией. Используя терминологию М.Чанади, институты и практики «самоэксплуатации» сохраняются на многих этажах системы, даже в условиях действительно имеющего место частичного «самоотвода». А если это так, то в чем смысл понятия «абсолютное сокращение системы» («absolute shrinkage of the system»), если в общем контексте всякое абсолютное сокращение выглядит как относительное? И в чем тогда вообще смысл описания «самоотвода» как отдельной модели трансформации социалистической системы? Ведь, учитывая отмеченные обстоятельства, «самоотвод» мало чем отличается от «самораспада». Кроме того, вскользь брошенное предположение М.Чанади о том, что в условиях «самоотвода» система партии-государства имеет большую пространственную маневренность для своего превращения в «политический организм» явно нуждается в дополнительных пояснениях и конкретизации.

В-четвертых, оперируя предложенными М.Чанади понятиями «политически монополизированных линий контроля», «политически рационального поведения», «самоотвода» и «сокращения системы», на основе вышеизложенного логично предположить, что в рамках этой самой системы существуют некие политико-административные и экономические

сектора и уровни, где институты и практики «самоэксплуатации» будут сохраняться и воспроизводиться максимально долго. Во всяком случае, настолько долго, насколько позволят объемы доступного для изъятия и перераспределения ресурса. С большой вероятностью можно также предположить, что именно эти сектора и уровни станут объектом и жертвой акта «окончательного сжатия» системы, полностью демонтирующего элементы «самоэксплуатации». Выделение и характеристика этих секторов и уровней представляет немалый научный и практический интерес.

«Многоколейная модель» в ценообразовании: основные структурные и динамические характеристики.

С моей точки зрения, базовая теоретическая и практическая проблема (некорректность) всех без исключения концепций «двухколейного перехода» - как китайских, так и зарубежных - состояла в том, что их авторы имплицитно стремились отделить «плановое» пространство от «рыночного». При этом сам «переход» виделся как постепенное, но неуклонное расширение «рынка» и сужение «плана». Даже признание серьезных трудностей и противоречий на этом пути в целом никак не влияло на такую логику описания процесса трансформации.

Между тем, как мы помним, еще в конце 80х годов в китайской научной периодике отмечалось, что в реальности отделить плановую составляющую от рыночной было практически невозможно, причем, как на микро, так и на макроуровне. [Дяо Синьшэнь, 1989, с.14-18] Представляется, что следует говорить не столько об «отступлении плана под напором рынка»,

сколько о динамическом и нерегламентированном, непрозрачном взаимодействии и взаимопроникновении «планового» и «рыночного» пространств. В пользу именно такого подхода свидетельствуют также путаница и противоречия в работах адептов «двухколейного перехода», которые вынуждены признавать «нелинейность трансформации» [Csanadi, 2006, p.201], способность «старой системы» к самосохранению, к «регенерации» и даже к «расширенному воспроизводству». [Фань Ган, 1996, с.188]

Сформулированный мною выше вывод состоит в том, что «двухколейность» в «чистом виде», если и существовала, то лишь на уровне конкретного предприятия (производственного объединения), причем на начальной стадии реформ и очень непродолжительное время. На более агрегированных системных уровнях сразу же пошел быстрый процесс формирования динамического симбиоза «планового и рыночного» пространств. Попытка «контрреформ» в 1989-1991 годах в смысле «рецентрализации» ценообразования в ряде отраслей тяжелой и добывающей промышленности, столкнувшись с сопротивлением и саботажем отраслевых и региональных лобби, административно и экономически заинтересованных в сохранении «симбиоза», имела на деле обратный эффект. Произошла дальнейшая фрагментация механизмов ценообразования, как в отраслевом, так и в региональном разрезе. Нет никаких оснований полагать, что эта фрагментация привела к фундаментальной либерализации цен. В.Жигулева в этой связи отмечает: «...реформы в ценовой сфере не носят в Китае (в

отличие от России и прочих стран Восточной Европы) необратимого характера. Практически все проводимые мероприятия в области ценовой политики предполагают временный возврат к старой практике в случае осложнения социально-экономической обстановки в стране. Не следует исключать вероятность того, что многие мероприятия по расширению сферы реформ носили на местах декларативный характер и цены по-прежнему оставались под контролем местных административных и партийных органов. Если бы на практике были осуществлены все объявленные центральным правительством мероприятия по либерализации ценообразования, это означало бы практически полную свободу цен и создавало бы реальную опасность сорваться в инфляционный «штопор», обычный выход из которого в экономике переходного типа практически не работает». [Жигулева, 2006. с. 114]

С точки зрения моего исследования, не столь важно, «во благо» или «во зло» реформа цен в КНР носила отчасти «декларативный характер» и не стала необратимой. Главное – что не стала! Произошло, во многом стихийное, вынужденное и непрозрачное перераспределение полномочий по регулированию «планово-рыночного фронта» в ценообразовании в пользу местных партийно-государственных органов (местных правительств всех уровней). В этой связи в высшей степени характерным выглядит признание Чжан Гуанюаня о том, что «еще предстоит понять, каковы функции [центрального и местных] правительств в области ценообразования». [Чжан Гуанюань, 2002, с. 95]

В начале нового столетия китайские эксперты отмечали, что структура и соотношение цен в экономике КНР по-прежнему иррациональны и извращены. Реформа коснулась регулирования уровня цен, однако не изменила самого механизма ценообразования (читай – «планово-рыночный фронт» остается в руках у правительств). «Отпуск» цен на многие товары и даже некоторые виды сырья не привел к увеличению рыночной составляющей в экономике страны.¹¹ [Хэ Сяодун, 2000; Чжан Гуанюань, 2002] На местах множились структуры, в обязанность которых входил контроль за уже «освобожденными» ценами: «советы по рациональному ценообразованию», «отраслевые советы по ценообразованию», «сельские и поселковые комитеты по ценообразованию», «контрольные управления по ценам на уровне микрорайонов», «управления по ценообразованию на предприятиях и в объединениях предприятий». В 2000 году на базе 42х провинциальных и городских «научных обществ по ценообразованию» были созданы «консультативные советы по ценообразованию». Все эти органы, так или иначе, подчинялись местным правительствам разных уровней и осуществляли «контроль над стабильностью и порядком в ценообразовании», оказывали «консультационные услуги» местным властям в сфере ценообразования, «совершенствовали механизмы ценообразования

¹¹ Расчеты объемов «рыночной составляющей» («уровня маркетизации») экономики КНР с некоторых пор стали популярным занятием у некоторых китайских экономистов. При этом используются сложные системы расчетов с применением большого числа критериев, в том числе количества товаров и факторов производства, на которые цены «освобождены», объемов негосударственного сектора и т.д. По оценкам профессора Народного Университета Китая Гу Хайбина, например, «уровень маркетизации» дореформенной экономики КНР не превышал 15%, к концу 9-ой пятилетки превысил 55%, а к концу 10-ой достиг 65-70%. По оценкам же специалистов из статистических служб Госсовета КНР в 2001 году этот уровень не превышал 50%. [Чжан Гуанюань, 2002, с.82-83] С моей точки зрения, к этим оценкам следует относиться крайне осторожно и даже скептически, учитывая описанный выше характер механизмов «рыночного» ценообразования и непрозрачность структуры собственности в современной КНР.

непосредственно на производстве» «путем совмещения законодательных, административных и хозяйственных методов, а также через общественное мнение». [Чэнь Чжипин, 2006, с. 596-604]

Принятый в 1998 году в КНР «Закон о ценообразовании» был воспринят китайским экспертным сообществом достаточно критически. Отмечалось, что он является в большей степени результатом обобщения опыта борьбы с «перегревом» экономики в 1993-1997 годах, нежели дееспособным механизмом по регулированию рыночного ценообразования. В частности, в законе отсутствовали четкие определения ценовых манипуляций и методов их пресечения, не разъяснялась разница между «правительством, устанавливающим цены и правительством, которое управляет [ценообразованием]»¹², не было проведено четкое разграничение полномочий между ответственными за ценообразование органами местных правительств и предприятий и т.д. [Хэ Сяодун, 2000, с. 123-132; Чжан Гуанюань, 2002, с. 98-100; Чэнь Чжипин, 2006, с. 420-471]

Одновременно с принятием «Закона о ценообразовании» центральное правительство выдвинуло афористичную установку для местных властей в области регулирования цен: «устанавливать принципы, быть арбитром». По сути, это был призыв реформаторской части пекинского руководства к местным властям осуществить на деле максимально возможную либерализацию цен, отказаться от скрытого, «ненормативного» манипулирования ими. Оценивая результаты внедрения этой установки,

¹² Данные формулировки взяты непосредственно из текста «Закона о ценообразовании».

руководящий сотрудник управления Госсовета КНР по ценообразованию Ван Ян в своих выступлениях на всекитайских рабочих совещаниях по ценовому регулированию, проходивших в Шэньчжэне в декабре 2000 года и в Нанкине в июле 2001 года отмечал: «В вопросе о ценообразовании мы по-прежнему сталкиваемся с «превышением» [правительствами] своих полномочий в смысле нежелания отпустить те цены, которые [уже давно] надо было отпустить. Относительно того, как «устанавливать принципы и быть арбитром», многие [местные правительства] либо «умыывают руки», либо не выполняют свои обязанности надлежащим образом. Делегирование прав вниз кое-где создало рыночные механизмы, а...кое-где непосредственно усилило нижестоящие ответственные органы. Когда [они] укрепляют свои позиции «рыночных арбитров»...путем «установления принципов», то очень часто используют те свои полномочия по установлению и регулированию цен, которые получили еще в условиях планового хозяйства и лишаются той роли, которая отводится им по условиям рыночной экономики». [Чжан Гуаньюань, 2002, с. 114, 120-121]

Такое положение вещей, когда центральное правительство сохраняет за собой право директивного ценообразования в сфере естественных монополий и по ограниченному кругу иных сырья и товаров, когда местные власти широко практикуют самые различные «регионально-отраслевые» формы «планово-рыночного симбиоза», а цены на продукцию экспортного производства зависят от конъюнктуры

мирового рынка, я предлагаю называть «многоколейной» моделью ценообразования.

С одной стороны, данную модель можно условно рассматривать, как «переходную форму», в силу ее объективной «планово-рыночной» двойственности. С другой стороны, мне представляется, что «многоколейная» модель сама по себе является вполне сложившейся и достаточно устойчивой системой координат. Она отличается как от «планово-распределительной», так и от «рыночной» («либеральной» и «кейнсианской») моделей. В этом плане большой интерес представляет исследование, предпринятое научным сотрудником Академии общественных наук КНР Лю Сяосюань. Автор пишет о двух разновидностях экономических рынков: «монопольном» и «конкурентном». В рамках каждого из них Лю выделяет два типа рынков. В «монопольной» разновидности – это «рынок, полностью монополизированный правительством» и «рынок, конкуренция на котором монополизирована госпредприятиями». В «конкурентной» разновидности – «конкурентный рынок, на котором ведущую роль играют госпредприятия» и «обычный конкурентный рынок». В ходе дальнейшего изложения логическая грань между вторым и третьим типами рынка у автора исчезает и, в итоге, мы имеем трехзвенную цепочку «рыночной трансформации»: от «рынка, полностью монополизированного правительством» через «конкурентный рынок, монополизированный госпредприятиями» к «обычному конкурентному рынку». Лю отмечает, что в КНР переход от первого типа

рынка ко второму уже состоялся, однако переход от рынка второго типа к «обычному конкурентному рынку» представляет огромную трудность. В условиях «конкурентного рынка, монополизированного госпредприятиями» цены на многие товары могут быть освобождены, однако рынок капиталов, рынок «прав собственности» и естественные монополии по-прежнему жестко контролируются государством. В настоящее время в КНР основной целью действий госпредприятий-монополистов является не «максимизация прибылей», а «максимизация доходов». Кроме того, в экономике страны существуют искусственные системные барьеры, препятствующие свободному выходу на рынок хозяйствующих субъектов. Эти барьеры неодинаковы на рынках различных товаров и услуг, так что конкретное предприятие «оказывается перед лицом отдельного и специфического рыночного пространства. Каждое из этих [рыночных пространств] имеет неодинаковые цены, качество и ассортимент. Поэтому, предприятиям, находящимся в разных [рыночных] пространствах крайне затруднительно конкурировать между собой. Подобная ситуация предоставляет госпредприятиям с низкой эффективностью защитный зонтик...от прямой рыночной конкуренции. Каждое предприятие имеет свой рыночный потенциал и их [потенциалов] общее соотношение образует совокупный баланс конкурентного рынка, монополизированного госпредприятиями».

[Лю Сяосюань, 2006, с.126-129, 146-150]

Переход от «полной монополии правительства» к «конкурентному рынку, монополизированному госпредприятиями», с моей точки зрения, есть

не что иное, как становление «многоколейной модели». Переход от него к «обычному конкурентному рынку» - суть трансформация «многоколейной модели» в рыночную. Представляется, что концепция Лю Сяосюань уже вполне позволяет в первом приближении судить об основных структурных и динамических параметрах «многоколейной модели».

В рамках «многоколейности» сформировались вполне определенные политические, административные и хозяйственные институты, социально-экономические практики, устойчивые коалиции «общественных интересов». *В этом смысле, с моей точки зрения, проблема «рыночной трансформации» в современной КНР – это уже не вопрос перехода «от плана к рынку», а вопрос перехода от «многоколейной» модели к рынку. В области реформы цен – это переход от «многоколейного» ценообразования к рыночному.* Условия, характер и динамика такого перехода, очевидно, не могут быть описаны в категориях «двухколейной трансформации» в духе Фань Гана, Чжан Юя, Б.Нотона и М.Чанади. Концепции «двухколейного перехода» многое объясняют в том, как происходило становление «многоколейной» модели, однако явно недостаточны для понимания логики и путей ее развития и трансформации. *Следует, прежде всего, определить базовые несущие конструкции «многоколейной» модели, которые, собственно, и объединяют такое разнообразие «планово-рыночных механизмов», неизбежно генерирующее центробежные силы, в единое целое. Необходимо также разобраться с ее основными структурными и динамическими характеристиками, с*

соотношением в ней «плана» и «рынка». Далее речь об этом пойдет через призму механизмов ценообразования в той части китайской экономики, которая не ориентирована на экспорт.¹³

Во второй половине 90х годов между двумя видными китайскими экономистами – специалистами по «двухколейной модели» - Шэн Хуном и Чжан Цзюнем возникла полемика, которая в то время не вызвала широкой дискуссии в китайской экономической науке. В зарубежном китаеведении она вообще не удостоилась никакого освещения и осмысления. Тем не менее, основные материалы этой полемики вновь были опубликованы в КНР в 2006 году. Авторы, очевидно, полагали, что поднятые вопросы не утратили своей актуальности и в наступившем десятилетии. Используя предлагаемую мной терминологию, суть этой полемики сводилась к описанию и анализу механизмов становления и функционирования «многоколейной» модели. Шэн Хун указывал, что в классической плановой экономике ее основные субъекты – как политико-административные, так и хозяйствующие – выстроены в «иерархическую вертикаль», каждый из уровней которой имеет свои «плановые обязанности» и «плановые права». Первые подразумевают обязанность вышестоящих звеньев обеспечить нижестоящие определенным

¹³ Мне представляется весьма корректной и продуктивной образная характеристика общей структуры экономики современной КНР, данная британским экспертом по иностранным инвестициям в Китае Дж.Стадвеллом: «Китай вступил в XXI век не с одной, а с двумя экономиками...С одной стороны, существует экспортная экономика, сконцентрированная в южной приморской провинции Гуандун и в дельте реки Янцзы...С другой стороны – традиционный государственный сектор, весь в синяках от наскоков частного предпринимательства, но, в сущности, не тронутый, благодаря [своим] правам, привилегиям, лицензиям и доступности кредита, которые его надежно защищают».[Studwell, 2003, p.219] Используя образы Дж.Стадвелла. можно, по-моему, сказать, что «многоколейная» модель сформировалась в поле «традиционного госсектора» в ходе «выяснения отношений» между ним и «частным предпринимательством». Вместе с тем, в общесистемном контексте, экспортный сектор представляет собой одну из «колей» «многоколейной» модели, поскольку его деятельность регулируется правительственными органами КНР, а доходы поступают в распоряжение государственных финансов.

(плановым) объемом ресурса. Вторые означают права нижестоящих звеньев этот объем ресурса получить. В реальности, каждый из уровней и элементов системы имеет свои круг таких «прав» и «обязанностей». В условиях «двухколейного ценообразования» как обязанности, так и права получают стоимостное (денежное) измерение. Поскольку получить ресурс субъекты стремятся по «плановым» ценам, а реализовать по «рыночным», то это измерение привязано к разнице между «плановой» и «рыночной» ценой на ресурс. Шэн Хун полагал, что решить проблему перехода на рыночные цены можно не прибегая к болезненной всеобщей их «либерализации». Следует просто прибегнуть к монетизации «плановых обязанностей и прав», то есть, по сути, путем денежного выкупа каждым нижестоящим уровнем иерархии своих «прав» у вышестоящего и получения - от нижестоящего уровня - денежной компенсации за исполнения своих «обязанностей» плавно перейти к полному доминированию рыночного ценообразования. В частности, предприятия имеют в таком случае право закупать и реализовывать всю свою продукцию по рыночным ценам, однако обязаны в той или иной денежной форме вернуть вышестоящим административным звеньям разницу между «плановой» и «рыночной» ценой на ту часть ресурса, которую – по плану – должны были от них получить. Эта разница, развивал свою мысль Шэн Хун, становится «паем» административных органов в подчиненных им предприятиях и превращает эти органы из «плановых распорядителей» в «субъектов рынка». Вместе с тем, Шэн Хун подчеркивал: «ключевым системным условием монетизации [плановых прав и обязанностей] является

открытость рынка. Основной смысл [открытости рынка] в том, что все процедуры купли-продажи, ценообразование, количественные и качественные индикаторы являются открытыми». [Шэн Хун, 2006, с.25]

Возражения Чжан Цзюня сводились к тому, что в плановой или «двухколейной» экономике «права и обязанности» как административных, так и хозяйствующих субъектов «юридически определены» [Чжан Цзюнь, 2006, с.230] (читай – встроены в политическую систему «ленинского типа»). При этом оба типа субъектов имеют определенный объем неформальных возможностей. Ресурс, полученный благодаря этим возможностям, никто и никогда не будет продавать на «свободном рынке», а использует в спекулятивных целях для расширения своих неформальных возможностей в пределах данной «юридической определенности». [Чжан Цзюнь, 2006, с. 231-233] Чжан Цзюнь имплицитно приходит к выводу, что настоящий переход к рыночному ценообразованию возможен лишь при условии изменений в этой «определенности».

Мне думается, что каждый из участников этой дискуссии был, что называется, «прав по-своему». Выкладки Шэн Хуна проливают немалый свет на внутреннюю механику процессов фрагментации ценообразования, которые начались после провала «контрреформ» 1989-1990 годов. Общесистемная сделка в форме монетизации «плановых прав и обязанностей» в ходе перераспределения полномочий по контролю над механизмами ценообразования в пользу региональных властей (в сущности –

по реструктуризации прав на изъятие ренты) имела место.¹⁴ Недаром сам экономист считает, что монетизация наиболее активно прошла в 1991-1994 годах. [Шэн Хун, 1996, с.74-75] Чжан Цзюнь же, по сути, указывает на то, что эта монетизация не могла привести и не привела к переходу на «свободные рыночные цены», ибо не изменила характера «юридической определенности» отношений между элементами «вертикали». Иными словами, *несущей конструкцией «многоколейной модели» по-прежнему остается партийное государство «ленинского типа»*. Именно политико-административные подразделения этого государства, хотя и децентрализованного, сохраняют в своих руках механизм контроля над «планово-рыночным фронтиром» в «многоколейном» ценообразовании, то есть, в конечном счете, определяют условия «выхода на рынок» основных хозяйствующих субъектов.

В этом отношении весьма показательное широкое использование так называемых «ценовых коэффициентов» и разного рода «средних арифметических» в механизмах ценообразования на внутреннем рынке современной КНР. Свидетельства о применении таких практик можно в большом количестве найти на страницах китайской экономической печати, в научной и деловой периодике, в частности, в таких еженедельниках, как «Цзинцзи гуанча бао» («Экономическое обозрение»), «Чжунго цзиньин бао» («Деловой Китай»), ежемесячном журнале «Цзягэ лилунь юй шицзянь»

¹⁴ По сути, об этом же, но другими словами, менее научно, говорили автору многие китайские хозяйственники и даже частные предприниматели во время проведенных в 2006-2007гг. и 2009г. в КНР интервью. О некоторых обстоятельствах и условиях договоренностей в ходе этой общесистемной сделки см. также работу Хэ Сяодуна [Хэ Сяодун, 2000, с. 15-63]

(«Теория и практика ценообразования»). Управление ценообразования мэрии г. Гуанчжоу (административный центр провинции Гуандун) рассчитывает, к примеру, «среднюю цену» на мазут, исходя из цены контракта на его импорт и цены на внутреннем рынке, которая определяется правительством провинции. Если в течение 10 дней данная «средняя цена» меняется в ту или иную сторону более, чем на 10%, то местные производители топлива имеют право подать заявление в управление ценообразования городского правительства с предложением пересмотреть цены на свою продукцию.

. В ряде провинций на севере страны, если колебания в разнице между ценой на уголь (цена поставки) и ценой на тепло (по последней коррекции) превышает 6%, то производители тепла имеют право обращаться в соответствующие органы местных правительств с предложениями по коррекции уровня цен.

Везде, однако, расчет ценовых коэффициентов и «средних арифметических» остается прерогативой служб правительства (то есть органов партийно-государственной вертикали) и свои предложения по «коррекции цен» производители направляют опять-таки в адрес этих служб. Несомненно, рассмотрение таких предложений и характер окончательного решения по ним являются предметом закрытого и жесткого торга между сторонами-участницами. Само же окончательное решение – суть сделка, регулятором условий которой выступает та или иная партийно-государственная структура, вынужденная, однако, учитывать социально-

экономическую значимость своего хозяйственного контрагента. При этом, обе стороны ориентированы не столько на максимизацию собственной прибыли, сколько на максимизацию собственного дохода.

Эмпирические данные свидетельствуют о том, что описанная Шэн Хуном монетизация «прав и обязанностей» административных и экономических субъектов проходила абсолютно непрозрачно и ни о какой «открытости рынка» как «ключевом условии» речи здесь быть не могло. В частности, методика и – главное – реальный механизм, а также истинные переменные величины для расчетов всевозможных коэффициентов и «средних арифметических» в ценообразовании на внутреннем рынке КНР остаются во многом «коммерческой тайной».

Сделка по монетизации носила явно спекулятивный характер для всех ее участников. Закрытость и спекулятивный характер монетизации в целом привели, как представляется, к регенерации «юридической определенности» партийного государства. Эти обстоятельства определили также *основную структурную характеристику «многоколейной» модели ценообразования, которая состоит в нерасчленимом, нерегламентированном и непрозрачном «симбиозе плана и рынка»*. Эта особенность была вполне унаследована «многоколейной» моделью у «двухколейной» образца 80х годов XX века. «План» органически связан с «юридической определенностью», то есть с партией-государством. Именно оно - причем, на всех уровнях политико-административной вертикали – по-прежнему выступает в качестве ключевого регулятора «планово-рыночного фронта»,

то есть параметров количественного и качественного соотношения «планового» и «рыночного» пространств. «План» в данном случае – не только и уже, возможно, не столько политическое право «диктовать цену», сколько политическое право диктовать параметры соотношения «плановых» и «неплановых» цен. «Рынок» же – весьма важная, но спекулятивная и не прозрачная практика производства-получения и распределения ресурсов и ренты. В рамках этой «дихотомии» «план» - в указанном смысле – первичен, ибо является важнейшим, если вообще не единственным интегрирующим систему началом.

Вместе с тем, описанная общесистемная сделка создала дополнительные стимулы у ряда элементов системы, прежде всего – у хозяйствующих субъектов-предприятий – прорваться за рамки «юридической определенности» к «рынку как системе». Такое стремление с особой силой проявилось у предприятий негосударственной формы собственности. *С моей точки зрения, именно динамическое соотношение между масштабами регенерации партийного государства и стремлением ряда субъектов системы выйти за рамки «многоколейных договоренностей», то есть за рамки этого государства, на всех системных уровнях является базовой динамической характеристикой «многоколейной» модели.* Изменение динамики этого соотношения в решающей степени определяет будущее «многоколейного» ценообразования.

Общая панорама «многоколейной» модели ценообразования.

Реформа ценообразования в КНР является ключевым сюжетом для понимания логики, последовательности и динамики «китайского пути» трансформации маоистской модели государственного социализма. Существовавшая в дореформенный период в КНР децентрализованная иерархия властных полномочий партии-государства по изъятию и аккумуляции ресурсов, социальная и демографическая ситуация в стране, экономическая структура, исторически сложившиеся практики борьбы с дефицитом на внутреннем рынке, идейно-политическая мифология власти КПК вкупе с ценностями традиционной политической культуры определили приоритетность и «двухколейный» характер реформы ценообразования. «Двухколейность» здесь следует понимать двояко. С одной стороны, это - многомерное и непрозрачное сочетание «секторного» и «пропорционального» вариантов соотношения «плановых» и «внеплановых» цен. С другой стороны – это весьма жесткая, как открытая, так и «подковерная» борьба между центральными и региональными партийно-государственными органами за преимущественные права по регулированию «планово-рыночного фронта» в ценообразовании. Хозяйствующие субъекты, вне зависимости от формы собственности, также активно лоббировали свое «место под солнцем» в этой «планово-рыночной» ценовой дихотомии. К началу 90х годов «поле битвы» по преимуществу осталось в руках региональных партийно-государственных органов и связанных с ними экономических лобби. Центральное правительство, в ходе реформ сознательно проводившее политику «делегирования полномочий вниз» и

дополнительно ослабленное социально-политическим и макроэкономическим кризисом 1989 года, провалило контрреформаторскую, по своей сути, попытку вернуть централизованное ценообразование в ряде отраслей промышленности. Резко ускорились процессы регионализации и фрагментации механизмов ценообразования. Вместе с тем, центр сохранил за собой политико-административный контроль над собственностью и ценообразованием в сферах естественных монополий и ключевых инфраструктурных проектов. Началось формирование того, что я предлагаю называть *«многоколейной» моделью*.

Фрагментация и регионализация механизмов ценообразования не привели к фундаментальной либерализации цен. Утверждения некоторых китайских экономистов о том, что «большинство цен уже освобождено» или что «главную роль в ценообразовании ныне играют сами производители» не находят в полной мере эмпирических подтверждений. Опирируя категориями Шэн Хуна, «монетизация плановых прав и плановых обязанностей», как в центре, так и на местах, происходила по абсолютно непрозрачным схемам. По сути дела, состоялась многоуровневая и многоканальная общесистемная сделка с участием центрального правительства, региональных властей и связанных с ними хозяйствующих субъектов всех форм собственности по выкупу «плановых прав» и продаже «плановых обязанностей». В основу цены этой сделки была положена разница между «плановыми» и «внеплановыми» ценами, реально существовавшими в экономике страны. Однако эта разница очень сильно колебалась по отраслям и регионам и

неизбежно становилась предметом торга между участниками «обмена прав и обязанностей». Иными словами, с одной стороны, региональные власти в закрытом порядке и в жесткой, подчас ультимативной, борьбе договаривались с центральными властями о «выкупе» расширенного объема полномочий в сферах управления собственностью и ценообразованием. Центр, таким образом, «продавал» свои «обязанности». Места же «покупали» свои новые расширенные «права». Размер выкупа неизменно становился предметом торга, был привязан к разнице между «плановыми» и «внеплановыми» ценами и учитывал реальные и потенциальные объемы бюрократической ренты для каждой из сторон-участниц контракта в будущем, срок которого, судя по всему, также оговаривался в ходе торга. Кроме того, объем выкупа непременно учитывал задачу поддержания темпов экономического роста, как главного фактора, создающего «рентно-ресурсную базу». Именно поэтому в Китае не особо «пилят» инвестиционные бюджеты. Как в центре, так и на местах бюджеты консолидируются под определенные и согласованные контрольные цифры роста. «Пилить» такой бюджет – значит объективно сокращать собственную «рентно-ресурсную базу». Гораздо продуктивнее и безопаснее заранее жестко договориться об объемах «выкупа» и его сроках и далее «снимать пенку» с выкупленных полномочий, манипулируя, скажем, коэффициентами в ценообразовании и курсами подконтрольных акций, реализуя недвижимость и стимулируя экспортом приток «горячих денег». При этом темпы роста ВВП вполне могут превысить заранее согласованные

контрольные показатели. В конце концов, это только «в плюс» как региональным властям, так и экономическим субъектам: повышается их политический престиж, укрепляются позиции для предстоящих баталий бюрократического торга, растет рентно-ресурсная база и т.д. «Выкуп», между тем, приватизируется вышестоящими уровнями партийно-государственной власти.

Принципиально важно то, что «выкуп» ни в коем случае не являлся одноразовым актом. Это, по сути, - условия срочной аренды полномочий по созданию «рентно-ресурсной базы» и изъятию ренты. По истечении оговоренного срока вышестоящий партийно-государственный аппарат может «вернуться» и торг о размерах и сроках «выкупа» возобновится в новых условиях. Более того, есть серьезные основания полагать, что вышестоящие органы стремятся по мере возможностей контролировать объемы ренты, изымаемые на нижестоящих уровнях. Периодически всплывающие громкие анти коррупционные дела – тому пример. Таким образом «верхи» пытаются обеспечить целостность децентрализованной вертикали, гарантировать расширение «рентно-ресурсной базы», сводить счеты с оппонентами.

Конкретные формы уплаты «выкупа» бывают самыми различными. В зависимости от ситуации речь может идти о налогах, всевозможных «белых», «серых» и «черных» платежах, о согласованном уровне цен на тот или иной вид сырья или готовой продукции, о механизмах (коэффициентах) в ценообразовании, о категориях эмиссии и курсах акций на внутреннем фондовом рынке и т.д.

«Обмен прав и обязанностей» между партийно-государственными органами (правительствами) всех уровней и находящимися в их зоне территориально-производственной ответственности хозяйствующими субъектами (предприятиями) был типологически сходным с описанным выше «обменом» между политико-административными уровнями. По сути своей, это был «выкуп» предприятиями, по возможности, наилучших условий выхода на рынок в смысле выгодного ценообразования, «мягких» условий кредитования, возможности получения всевозможных субсидий, повышения административного статуса и т.д. В основу цены сделок по линии партийно-государственные органы - предприятия опять-таки легли разница между «плановыми» и «неплановыми» ценами, а также объемы реальной и потенциальной ренты (дохода, прибыли) участников торга с учетом необходимости обеспечить определенные параметры экономического роста.

Одной из ключевых площадок для заключения многоуровневых сделок «купли-продажи прав и обязанностей» стали многочисленные так называемые «представительства» региональных правительств и предприятий в Пекине, а также «представительства» политико-административных и хозяйственных субъектов провинциального подчинения в столицах соответствующих провинций. Следует пояснить, что практика создания в столице страны региональных представительств получила распространение в КНР задолго до эпохи «реформ и открытости», в начале 50х годов XX века. В те годы эта практика являлась, с одной стороны, естественным

институциональным оформлением строительства партийно-государственной вертикали советского образца, а с другой стороны – площадкой лоббирования региональных интересов в условиях «командно-административной системы». В период «культурной революции» - с середины 60х до второй половины 70х годов - «нормальная хозяйственная деятельность» этих представительств, как и многих других формальных и неформальных институтов политической системы КНР, созданных в 50е годы, была полупарализована. В 80е годы их административно-хозяйственная роль вновь начала расти, однако, количество этих представительств оставалось стабильным и, учитывая размеры и регионализацию страны, относительно небольшим. Мы располагаем любопытными статистическими данными по Пекину. В начале 1991 года в столице КНР находилось 186 представительств провинциальных правительств и мэрий крупных городов. [Сунь Липин, 2009, с. 80] Однако, уже к концу 1993 года их число превысило 500. Далее темпы «размножения» всевозможных региональных «контор» в Пекине только росли, причем инициаторами создания все новых и новых «представительских учреждений» в столице были в абсолютном большинстве случаев не органы центрального правительства, а региональные власти. Очевидно, что распад «двухколейной модели» образца 80х годов и становление «многоколейной модели» в 90е-нулевые годы привел к взрывному росту региональных представительств в Пекине. Заключение и перезаключение бесчисленных многоканальных сделок «купли-продажи прав и обязанностей» требовали регулярного

«общения» между различными уровнями партийно-государственных и экономических субъектов и определенной «институционализации» площадок бюрократического торга.

По данным, которые приводят эксперты факультета социологии пекинского университета Циньхуа, осенью 2009 года в столице КНР насчитывалось порядка 15 тыс. всевозможных региональных «представительских учреждений». Среди них – 52 крупных представительства различных партийно-государственных органов провинциального уровня, около 600 представительств городских мэрий, более 5 тыс. представительств уездных правительств. Остальные без малого 10 тыс. контор приходятся на представительства различных более мелких региональных политико-административных органов, государственных предприятий и производственно-отраслевых объединений, «общественных союзов», высших и даже средних учебных заведений и т.д. В конце 90х годов в Пекине начали обосновываться также «связные» от некоторых «коллективных» и «частных» предприятий. [Сунь Липин, 2009, с.81]

Китайские специалисты, с которыми автор этих строк консультировался по данному вопросу, оценивают средние ежегодные затраты по содержанию одного небольшого «представительства» в Пекине минимум в 1 млн. юаней (около 170 тыс. долларов США). Эксперт из университета Циньхуа комментирует: «На что же идут эти, в общем, не маленькие для Китая деньги? Кроме того, чтобы обеспечивать достойный уровень обслуживания прибывающих в столицу региональных чиновников, прежде всего для того,

чтобы местные власти добивались все больших преференций, для создания систем неформальных связей, для получения от соответствующих вышестоящих органов денег, лицензий, «объектов в распоряжение». [Сунь Липин, Тан Яньхуа и др., 2010, с.3]

Начальник Счетной палаты КНР Ли Цзиньхуа, описывая такое «взаимодействие» партийно-государственных элит, ввел в оборот китайской публицистики образную формулу: «[региональные представители] бегают по министерствам [и] денежки приходят» (跑部钱进 «паобу цяньцзинь»).

Некоторое представление о финансовых масштабах этого «взаимодействия» можно составить по следующим данным, которые, впрочем, никак нельзя считать полными. По оценкам пекинской Счетной палаты в течение 2005 года в официально объявленные бюджеты двадцати провинций, автономных районов и городов центрального подчинения КНР было внесено около 350 млрд. юаней (без малого 60 млрд. долларов США), полученных от центрального правительства в виде налоговых трансфертов. Между тем, общие объемы налоговых трансфертов Пекина для регионов составили в том же году более 780 млрд. юаней (более 130 млрд. долларов США). Официальные бюджеты регионов отразили лишь 44,5% полученных средств. Таким образом, более половины объема денежных расчетов по налоговым трансфертам между центральным правительством и руководящими органами провинциального уровня (в абсолютных цифрах – около 430 млрд. юаней, т.е. порядка 70 млрд. долларов США) просто исчезли

из региональной финансовой статистики. [Ли Цзиньхуа, 2006; Сунь Липин, 2009, с. 81] Эти исчезнувшие средства, с нашей точки зрения, вполне можно рассматривать как важную (и, конечно, не единственную) составную часть фонда сделки по «купле-продаже прав и обязанностей».

Общий объем всех трансфертов и субсидий центрального правительства в регионы в том же 2005 году превысил 11 трлн. юаней, составив 57% расходов центрального правительства и обеспечив 45% расходов провинциальных властей. Руководство Счетной палаты констатировало, что данные расходы «в очень значительной степени носят непрозрачный характер». [Ли Цзиньхуа, 2006, с.7] В частности, из 239 «специальных объектов – адресатов трансфертных выплат центрального правительства» 41 «объект» «не имел ясного содержания», а у 65 «объектов» «отсутствовали или не подлежали раскрытию методы управления [выплаченными средствами]». Общая сумма расходов на эти объекты превысила 800 млрд. юаней (более 130 млрд. долларов США). [Ли Цзиньхуа, 2006; Сунь Липин, 2009, с. 81-82]

Выше речь шла лишь о столице КНР и некоторых аспектах финансовых отношений между центральным правительством и властями провинциального уровня. Следует иметь в виду, что в каждой провинции, автономном районе, городе центрального подчинения, даже в районах и уездах, словом – в каждой зоне территориально-производственной ответственности китайского партийного государства наблюдалась типологически сходная история с увеличением числа «представительств»

нижестоящих административных и хозяйственных субъектов и налаживанием механизмов «финансово-административного взаимодействия».

Основу мотивации действий как партийно-государственных органов различных уровней, так и предприятий составляло стремление к максимизации не прибыли, а дохода. Это особенность, отмеченная Лю Сяосюань, является, на наш взгляд, одним из ключевых моментов для понимания в целом политэкономии «многоколейной» модели и ее макроэкономических характеристик. Как нижестоящие партийно-государственные органы «выкупали» у вышестоящих наиболее мягкие условия своего существования и воспроизводства, так и предприятия «выкупали» у партийно-государственных органов статус, по возможности, «наибольшего благоприятствования». Таким образом, принципы политически рационального поведения и связанного с ним мягкого бюджетного ограничения для основных игроков в системе были воспроизведены.

В этом контексте ключевым условием является то, кто финансировал эти сделки. Иными словами, кто обеспечил физическими деньгами монетизацию «обмена обязанностей и прав»? Ответ здесь однозначен: монетарные власти Китая, национальная банковская система, теснейшим образом связанная с партийно-государственной вертикалью. На протяжении более чем полутора десятилетий китайского экспортного бума (хронологически полностью совпадающего со становлением «многоколейного» ценообразования) предприятия-экспортеры обязаны были

продавать валютные доходы от экспорта так называемым «коммерческим» госбанкам центрального и регионального подчинения, а последние, в свою очередь, продавали их центральному банку. Осуществляемая последним денежная эмиссия, в том числе и с целью покупки валютных доходов от экспорта, оставалась на протяжении всех прошедших лет основным источником капитализации «коммерческих» госбанков, кредитная эмиссия которых, в свою очередь, являлась и ныне является ключевым фактором, обеспечивающим монетизацию общесистемной многоколейной сделки. Неуклонно росли доходы от экспорта, росли инвестиции и темпы ВВП, увеличивались объемы изымаемой ренты, сделка многократно и многоканально перезаключалась. Одновременно рекордными темпами росли объемы денежной массы и кредитной эмиссии. За последнее десятилетие денежная масса в широком понимании в КНР выросла почти в пять раз, составив на начало 2011 года рекордные 550 триллионов юаней. [Цзинцзи гуаньчабао, 25.04.2011] Между тем, как указывает ряд китайских экономистов, основные механизмы капитализации в сегодняшней КНР носят по-прежнему «косвенный характер», то есть для всех основных административных и хозяйственных субъектов главным источником внешней капитализации остаются банковские кредиты. [Чжоу Цижэнь, 2011] В течение последнего десятилетия их доля во внешней капитализации промышленных предприятий и объектов инфраструктуры, к примеру, устойчиво держалась на уровне 84-87%. Фондовый рынок в этот период обеспечивал менее 4% потребностей в капитале. [Чжунго цзыбэнь шичан

фачжань баогао (Доклад о развитии рынка капиталов в Китае), 2009, с. 83]

Такая картина выглядит вполне естественно, если учитывать, что для обеспечения монетизации постоянно воспроизводящейся на новых условиях сделки необходимы «быстрые деньги», наименее затратным источником которых является кредит госбанка, выданный по распоряжению и под поручительство партийно-государственной власти.

Китайский экономист Чжоу Цижэнь в беседе с автором этих строк высказал мнение, что не столько недвижимостью или наличные деньги, сколько именно политико-административная власть является основной собственностью и главным источником доходов правительства. От себя добавим – политико-административная власть по распоряжению деньгами, то есть *партийно-государственная монополия на финансы и кредит*. Между тем, вполне понятно, что такой механизм монетизации «обмена прав и обязанностей» создает бюджетные пирамиды и питает инфляцию. О специфической социально-политической роли инфляции в Китае речь уже шла выше. Известный китайский экономист – ныне политэмигрант Чэнь Ицзы в своей книге о реформах в КНР в 80е годы и студенческих волнениях 1989 года дважды использует термин «системная инфляция» (制度性通货膨胀, «чжидусин тунхо пэнчжан»), но не дает ему объяснения. [Чэнь Ицзы, 1990, с. 63, 201] *С нашей точки зрения, применительно к КНР эпохи «реформ и открытости» «системная инфляция» - это инфляция*

издержек, обусловленных политико-экономическими механизмами «двухколейной», а затем «многоколейной» моделей ценообразования.

Если в 80е годы, когда субъекты системы еще не торговали «правами и обязанностями» в таких масштабах, «системная инфляция» в КНР, по справедливому замечанию Чэнь Ицзы, была в большой мере связана с безответственной погоней вышедших «на подряд» директоров и региональных элит за кредитами на не всегда рациональное производство и потребление, то в 90е и нулевые годы, по нашему мнению, кредиты (трансферты, выплаты) именно под монетизацию «многоколейной сделки» стали важной составляющей «системной инфляции».

Что касается партийно-государственной монополии на финансы и кредит, то дело выглядит так, что увеличение денежной массы и кредитной эмиссии, рост совокупных госинвестиций и – соответственно – темпов ВВП приводит к усилению этой монополии, оказывающейся главным гарантом сохранения макроэкономической стабильности. Получается нечто вроде замкнутого круга. В такой ситуации одним из определяющих факторов поддержания общесистемной устойчивости выступают формы и практические методы макроэкономического регулирования и контроля. *На наш взгляд, именно в сфере институтов партийно-государственной финансовой монополии и применяемых ими практик макроконтроля, следует искать ответы на волнующие многих в Китае и за рубежом вопросы о перспективах смены модели экономического роста в КНР и,*

шире, о судьбах «социализма с китайской спецификой». К этому сюжету мы более подробно вернемся несколько ниже.

Так или иначе, описанная многоуровневая, многоканальная и непрозрачная общесистемная сделка заложила структурные основы «многоколейной» модели и к середине-второй половине 90х годов XX века привела к ее относительной консолидации.

Формирование основ «многоколейной» модели происходило в ходе распада «двухколейного» ценообразования в том виде, в каком оно существовало в КНР в 80е годы XX века. Поэтому первоначально отчетливо выраженная «многоколейность» проявилась именно в сфере ценообразования. Однако затем, на протяжении всех 90х и нулевых годов, принцип «многоколейности» (т.е. многоуровневых и непрозрачных «рентно-ресурсных» сделок) становился определяющим для многих других направлений реформ в КНР. Механизмы акционирования собственности, фрагментированная (а по сути – «многоколейная») структура китайского фондового рынка, формы и характер контроля над оборотом акций, практики перевода акций одного типа в другой, включая манипуляции с контрольными пакетами госпредприятий, преобразования в кредитно-банковской сфере – все это в начале нового тысячелетия стало функционировать по логике и «законам» «многоколейной» модели.

Базовой несущей конструкцией этой модели по-прежнему является идейно-политическая монополия на власть китайской компартии, организационно и практически слитая с ее до сих пор по большей части

прямым монопольным контролем за национальной финансово-кредитной системой и структурообразующими финансовыми потоками.

Партия-государство регулируют перелив капитала в национальной экономике, характер и цену сделок в сфере собственности. Именно она по-прежнему контролирует естественные монополии, ключевые отрасли промышленности и инфраструктуры, выступая их «последним кредитором». Партийно-государственные органы всех ступеней определяют формы и условия выхода на рынок ключевых хозяйственных субъектов-предприятий, в том числе, как цены, так и механизмы ценообразования на подконтрольном им пространстве территориально-производственной ответственности.

Чрезвычайное многообразие характера, условий и линий внутрисистемных договорных отношений в партийно-государственной бюрократии и между ней в целом и хозяйствующими субъектами всех форм собственности по вопросам приватизации ренты, доходов и прибылей, по моему мнению, как раз и дают возможность назвать такую модель «многоколейной».

Важнейшей структурной особенностью «многоколейной» модели является непрозрачный и нерасчленимый на практике «симбиоз плана и рынка». Попытки некоторых экономистов в КНР жестко противопоставить их в пределах данной модели представляются не более чем умозрительными выкладками. Однако сама данная модель вполне может и должна быть противопоставлена рыночной (капиталистической) экономике, как в «либеральном», так и в «кейнсианском» понимании. С моей точки зрения,

глубоко правы были те китайские экономисты, которые еще в середине-второй половине 80х годов указывали на то, что в такой модели имеет место ничем не регламентированное вмешательство плана в рынок, а рынок видоизменяет план. При этом в условно «рыночном поле» «невозможно стихийное становление системной поддержки рыночной экономики и, тем более, ... формирование соответствующих ей организационных структур».

[Дяо Синьшэнь, 1989, с.14] Конечно, такой «симбиоз плана и рынка» - по определению более гибкая структура, нежели директивное планирование «в чистом виде». И некоторые «организационные структуры рыночной экономики» не могут не возникать в силу естественных причин. Тем не менее, описанная модель договорных отношений под жестким контролем и при посредничестве политико-финансовой монополии партийного государства «ленинского типа» в каждом конкретном случае задает участникам данной сделки вполне жесткие пределы становления этих «рыночных структур». Рынок здесь – не «система», а «практика», неравномерно и без внешне понятного регламента применяемая на разных уровнях сильно децентрализованного государства «ленинского типа», которое по-прежнему как раз и представляет собой «систему». Как это происходит в реальной жизни, хорошо видно на примере так называемых «согласительных совещаний» (约谈) по ценообразованию, материалы о которых просочились в китайскую деловую прессу весной и в начале лета

2011 года. [см., например, Цзинци гуаньчабао 02.05.2001, 06.06 2011; Чжунго цзиньинбао 03.05.2011, 30.05.2011]

Здесь необходимо сделать некоторые предварительные пояснения. В соответствии с принятым в 1998 году законом о ценообразовании, государство имеет право директивно определять и регулировать лишь цены на сырье и продукцию, внесенные в так называемый «реестр цен» (价格目录). Наряду с естественными монополиями, данный реестр включает ряд других стратегически важных позиций, имеющих отношение к тяжелой и оборонной промышленности, инфраструктуре и т.д. Основными субъектами реестра выступают, конечно же, крупные и сверхкрупные государственные предприятия и производственные объединения. За пределами этого реестра, по идее, регулировать ценообразование должен рынок.

Очередной циклический скачок инфляционного роста цен в 2008-2011 годах заставил государство открыто отойти от этого, и без того, как мы видели, далеко не всегда соблюдаемого, порядка. Во второй половине 2010 года и весной 2011 года Комитет по развитию и реформе Госсовета КНР провел в Пекине более десяти «согласительных совещаний» по ценообразованию, на которые были приглашены представители тех предприятий и отраслей, сырье и продукция которых не включены в реестр цен. В приемных Госсовета побывали производители угля, табака, минеральных удобрений, мебели, обуви, строительных материалов, мяса, рыбы и птицы, овощей и фруктов, алкогольных и безалкогольных напитков и

т.д. Разговор проходил за закрытыми дверями и, по свидетельствам участников, носил весьма жесткий характер, «без чайных церемоний» - как высказался позднее один из приглашенных представителей торгово-промышленных ассоциаций. Речь шла о недопустимости дальнейшего повышения как оптовых, так и розничных цен. Обсуждался широкий спектр мер, вплоть до запугивания непослушных уголовным преследованием. Высокопоставленный чиновник службы мониторинга цен при Комитете по развитию и реформе признавал, что Комитет сам оказался под сильным давлением первых лиц Госсовета и пошел на проведение совещаний «не от хорошей жизни». «На самом деле, наш Комитет сделал все возможное и невозможное для предотвращения роста цен. Не желая того, мы вынуждены были включить механизмы прямого контроля над ценообразованием, по сути, во всех сферах», - заявил он.

Судя по опубликованным комментариям, результаты совещаний были неоднозначны. С одной стороны, покинув кабинеты Госсовета, представители торгово-промышленных ассоциаций выступили с «инициативными письмами», в которых призывали «не жалеть сил в борьбе с ростом цен, не манипулировать ценами, не публиковать вызывающих панику сообщений о повышении цен».

С другой стороны, к примеру, руководители ряда региональных государственных и акционерных компаний, торгующих углем, заявили, что «согласительные совещания» - «доброе предзнаменование». «Опыт последних лет свидетельствует, что чем больше правительство регулирует

[рынок] угля и электричества, тем большим хаосом это оборачивается. Следующая волна роста цен будет еще выше. Для нас, как посредников, плохо лишь то, что отпускные цены у шахтеров тоже вырастут», - говорил в интервью один из этих руководителей.

В целом, оценка совещаний у производителей была, естественно, крайне негативной. «Этот способ [борьбы с инфляцией и ростом цен] просто смешон, не говоря о том, что он прямо противоречит логике рынка. Регуляторы должны доискаться до истинной причины [роста цен], а не огульно запрещать повышать цены. Мне думается, что если и дальше невозможно будет повысить цены, то наши предприятия просто не выживут», - отметил участник совещания по ценам на минеральные удобрения. Относительно «истинных причин» роста цен, производители и эксперты указывали на структурные проблемы товарного и денежного оборота, на отсутствие прозрачности рынка, на высокие транспортные издержки и неадекватно большое число посреднических инстанций.

Для нашего анализа, однако, принципиально важно здесь то, что в общем контексте «многоколейной модели» такого рода «согласительные совещания» являются для системы партийного государства «ленинского типа» весьма действенным способом обозначить пределы становления рыночных структур и, более того, провести «зачистку» уже существующих. В самом деле, выход государственных регуляторов ценообразования за пределы «реестра цен» следует рассматривать, как классический пример нерегламентированного вмешательства «плана» в «рынок». Это

вмешательство выгодно прежде всего естественным монополиям и крупным государственным холдингам, внесенным в «реестр цен», издержки которых и без того являются одним из важнейших спусковых механизмов инфляционного роста.

Показательно, что именно в те же весенние дни 2011 года, когда Госсовет, по его собственному признанию, «делал все возможное и невозможное» для того, чтобы принудить мелкий и средний бизнес не повышать цены, один из крупнейших нефтехимических холдингов КНР заявил о необходимости повысить цены на продукцию нефтеперерабатывающей отрасли. Мотивировка: убытки при переработке одного барреля импортированной сырой нефти в КНР составляют 20 долл. США. Реакция одного из участников «согласительных совещаний» на эту новость была такой: «О чем же речь? Отдайте нефтепереработку в частные руки!» [Цзинци гуаньчабао, 02.05.2011] Дальнейший рост цен на продукты нефтяной переработки на внутреннем рынке КНР, уровень которых, как отмечают китайские эксперты, по ряду позиций уже превышает таковой на рынках развитых стран, неизбежно увеличивает издержки всех остальных производственных и потребительских цепочек в экономике страны. Попытки же установить «потолок» роста цен для мелкой и средней не государственной промышленности, торговли и сферы услуг при непоследовательности мер по ограничению appetитов сырьевого и инфраструктурного госсектора, непосредственно угрожает жизнеспособности малого бизнеса и приводит к

тому, что Фань Ган назвал еще в 90е годы «расширенным воспроизводством старой системы».

Таким образом, пределы «рынку» и формированию «рыночных структур» в КНР ставятся, и делается это периодически весьма активно. Будут ли участники «многоколейной» сделки стремиться эти пределы обойти и, если да, то каким образом – это отдельный большой вопрос о возможности ненормативного поведения элементов «многоколейной» модели и потенциальных последствиях такого поведения для системы в целом. *Здесь мы непосредственно подходим к последней в нашем списке базовой характеристике «многоколейной» модели – к важнейшим особенностям ее внутренней динамики. Таковых, по моему мнению, две. Первая – это постоянное стремление и способность «системы» в лице политико-финансовой монополии партийного государства к регенерации и к расширенному воспроизводству.* Представления сторонников «двухколейного перехода» о постепенном, но неуклонном сокращении «старой колеи» не выдерживают критики, ибо не согласуются с реальностью. *Вторая динамическая особенность «многоколейной» модели сводится к тому, что различные участники договорных отношений, преимущественно из числа хозяйствующих субъектов разных форм собственности¹⁵, постоянно стремятся обойти поставленные партией-государством ограничения на «становление рыночных структур». Таким*

¹⁵ Наиболее радикальны и последовательны в этом отношении, по естественным причинам, предприятия негосударственных форм собственности.

образом, они стремятся покинуть пределы существующего системного поля договорных отношений (выйти за пределы «многоколейной» модели) и прорваться к «рынку как системе». В этом случае у «системы» в лице партии-государства есть три варианта действий: покончить с «ренегатами», заключить с ними новый рентный договор и таким образом вернуть их в лоно «многоколейной» модели или, наконец, отпустить «на вольные хлеба». Эмпирические факты свидетельствуют, что «кончают», как правило, с малыми и средними формами негосударственной собственности, с «нарушившими конвенцию» представителями партийно-государственной бюрократии и с откровенными политическими вольнодумцами. Отпуск «на вольные хлеба» происходит преимущественно по понятиям теневой или, в крайнем случае, «серой» экономики. В большинстве случаев, однако, «система», в принципе, стремится перезаключить непрозрачное рентное соглашение. Практикуется и промежуточный вариант: перезаключить соглашение таким образом, чтобы одновременно частично отпустить. Здесь все зависит от потенциала формальных и неформальных возможностей «ренегата» и его «субъективной воли к освобождению».

В целом, динамическое соотношение между масштабом регенерации партийно-государственной «системы», стремлением ряда участников договорных отношений выйти за их пределы к полноценному рынку и выбором «системой» варианта того, как поступить с «ренегатами», определяет динамику существования и развития «многоколейной» модели. Можно сказать, что воспроизводство

«многоколейной» модели есть, в сущности, воспроизводство общесистемной, многоканальной и непрозрачной сделки по «обмену прав и обязанностей» в процессе создания и использования «рентно-ресурсной базы». Это воспроизводство, в свою очередь, зависит от успешности реализуемой модели экономического роста, то есть, в значительной мере от того, насколько этот рост – при данном уровне совокупных издержек - обеспечивает расширенное воспроизводство «рентно-ресурсной базы» как для «системы», так и для прочих участников «многоколейных» договорных отношений. Дело, однако, в том, что установка на экономический рост не сопровождается адекватным вниманием к расчету его финансовых и иных издержек. Впрочем, в условиях преимущественного стремления к максимизации дохода (ренды), а не прибыли, иначе и быть не может. Таким образом, внутренние финансово-экономические и социально-политические проблемы «многоколейной» модели типологически вполне сходны с таковыми в классических системах «ленинского типа». ¹⁶

Бесспорно существующие в современной КНР элементы «восточноазиатской» модели экспортной экономики, значительно интегрированные в глобальные хозяйственные процессы, не в силах, думается, отменить этот факт. Более того, в общесистемном контексте эти «восточноазиатские экспортные» элементы представляют собой не что иное,

¹⁶ Эти проблемы, связанные с «мягким бюджетным ограничением» в экономической и политико-административной сферах, предметно изложены и описаны в трудах «венгерской школы политэкономии государственного социализма», в частности, в классических монографиях Я.Корнаи.[Корнаи, 1990; Kornai, 1992] и относительно недавних работах М.Чанади. [Csanadi, 1998, 2006]

как одну из «колей» (вероятно, даже целую совокупность «колей»!) «многоколейной» модели. Их деятельность регулируется санкционированными «системой» рентными договоренностями, а доходы от экспорта поступают в распоряжение государственных финансов и сплошь и рядом идут на регенерацию и расширенное воспроизводство «системы».

Глава третья.

«Многоколейные» отношения собственности в КНР: манипулирование с «типологией» акций

Некоторые соображения о судьбах госсектора «социалистических стран» и об эмпирической взаимосвязи между коллапсом систем ленинского типа и финансовой либерализацией.

Исторический опыт XX столетия свидетельствует, что в тех странах, где к власти тем или иным путем пришли коммунистические партии, провозгласившие курс на «марксистско-ленинский социализм» и успешно построившие партийные государства ленинского типа, в экономической сфере «альфой и омегой» новой власти становилась задача проведения «социалистической индустриализации». Это обстоятельство было обусловлено как марксистско-ленинской «промышленно-пролетарской» догматикой, так и рядом объективных потребностей «догоняющей» модернизации этих стран, в индустриальном отношении, как правило, не самых передовых к моменту утверждения у власти там коммунистической партократии. На практике решение этой задачи неизменно принимало форму различных по степени успешности попыток создания мощного государственного сектора в промышленности, торговле и финансах, монополизированного партийным государством ленинского типа. Такой госсектор, в отличие от государственного уклада в тех системах, где сохранялось относительно свободное перемещение капиталов,

характеризовался внутренней «нерыночностью», то есть господством механизмов бюрократического координирования и «мягкого бюджетного ограничения» как в экономической, так и в социально-политической сферах. Кроме того, он занимал непропорционально большой объем социально-экономического пространства в каждой из «социалистических стран» и отличался значительной автаркией от мирового рыночного хозяйства, ориентируясь на полное импортозамещение. Лишь в последние два-три десятилетия своего существования госсектор европейских «соцстран» начал принимать участие в международном разделении труда. Причем, преимущественно, между «социалистическими» же странами, по линии взаимодействия в рамках СЭВ. Данные типологические отличия госсектора «соцстран» были обусловлены стремлением государств ленинского типа полностью уничтожить или свести к возможному минимуму институты и практики рыночной экономики: свободное ценообразование, фондовый рынок, частную (акционерную) собственность, а также установкой партийного государства на полную монополизацию валютного курса, денежно-кредитной политики, внешней торговли и т.д. [Berliner, 1957; Csanadi, 1998, 2006; Friedrich, Brzezinski, 1956; Kornai, 1995; Lane, 1976, 1985; Nove, 1977; Мизес, 1991; Шумпетер, 1995, Карпов, 1996 и т.д.] Вместе с тем, по мере углубления кризисных явлений дефицита в «классических социалистических системах» [Kornai, 1992, 1995] и расширения попыток проведения рыночных реформ в партийных государствах ленинского типа именно государственный сектор в промышленности, торговле и финансах

оказывался наиболее серьезным препятствием на пути этих реформ. [Веуме, 1975; Карпов, 1996] Для европейских соцстран, включая СССР, это препятствие оказалось непреодолимым. Можно без преувеличения сказать, что социально-экономический мотор европейского «марксистско-ленинского социализма» сначала заглох именно в госсекторе, а затем окончательно вышел из строя в ходе попыток его рыночного реформирования. Поскольку сама политико-экономическая природа «социалистического» госсектора была органически связана с монополией компартии на власть, благодаря которой он, собственно, и появился на свет, кризис и распад такого госсектора были теснейшим образом связаны с кризисом и распадом партийного государства ленинского типа. В ходе «пост-коммунистической трансформации» государственные активы в бывших европейских соцстранах и в России подверглись кардинальному переформатированию. Этим процессам, получившим названия «разгосударствление», «приватизация», «рекомбинирование собственности» и т.д., посвящена чрезвычайно обширная специальная литература. [Гайдар, 1997а, 1997б; Глинкина, 2006; May, 1994, 1995; Ослунд, 1995; Перегудов, 2003, 2008; Aslund, 2008, Brom, Orenstein, 1993; Bruszt, 1992; Comisso, 1991; Cui, 1994; Frydman, Rapaszynski, 1994; Gabor, 1996; Hare, Muravyev, 2002; Laki, 1992; Murphy, Shleifer, Vishny, 1992; Stark, 1996 и т.д.] *Суть этих процессов состояла, по нашему мнению, в изменении структуры собственности и механизмов управления бывших «социалистических» госактивов с целью приспособить их к участию в процессе свободного перемещения*

капиталов в национальной и в мировой экономике. Возможность и необходимость такого участия была, в свою очередь, обусловлена *фундаментальной финансовой либерализацией* (либерализация ценообразования, валютного курса и внешней торговли, переход к рыночной кредитно-денежной политике, обеспечение независимости центрального банка и т.д.), проведенной в большинстве этих стран на начальном этапе «пост-коммунистической трансформации». В странах, осуществивших так называемую «шоковую терапию», прежде всего, в Польше и России, радикальная финансовая либерализация, по сути, была синхронизирована с политико-административным коллапсом государства ленинского типа. [Гайдар, 1997а, 1997б; Глинкина, 2006; Нечаев, 2010; Balczerovic, 1995; Sacks, 1994] В таких странах, как Венгрия, Чехия, Словакия, Болгария и Румыния финансовая либерализация не была одномоментной и растянулась на ряд лет, следовавших за радикальными социально-политическими переменами. Тем не менее, и в этих странах пакеты мер по финансовой либерализации в итоге были проведены (во многом вынужденно, под влиянием ухудшения макроэкономических показателей и необходимости дальнейшей интеграции в мировую экономику) в течение относительно непродолжительного времени – от трех до семи лет после краха коммунистической государственности. [Weller, 1998; Ionut, 2002; McGrath, 2006] В мировой экономической и политологической литературе отсутствует консенсус относительно оптимальной методики и темпов финансовой либерализации, а также ее соотношения с политико-административными

преобразованиями. [Sacks, 1994; Przeworski, 1991, 2003] Здесь, впрочем, не место разбирать многочисленные разногласия между сторонниками «неоклассической» экономической теории и их оппонентами. Нам хотелось бы обратить внимание на следующее сугубо эмпирическое обстоятельство.

Во всех без исключения бывших соцстранах финансовая либерализация оказалась неизбежной под влиянием обострения макроэкономических дисбалансов, вызванных издержками «мягкого бюджетного ограничения», а также необходимости интеграции в мировое хозяйство.

Что касается дисбалансов, то там, где они были или казались чрезмерными уже к моменту обвала политической системы ленинского типа, финансовая либерализация была синхронизирована с этим обвалом (Польша, Россия). Там, где дисбалансы были терпимы или казались таковыми, политический обвал, обусловленный окончательной утратой коммунистическими режимами своей легитимности, предшествовал финансовой либерализации (Чехия, Венгрия, Румыния). Однако, макроэкономическое ухудшение, равно как и необходимость решения задачи дальнейшей интеграции в мировой рынок, и здесь не заставили себя ждать, вынудив перейти к осуществлению пакетов мер по финансовой либерализации. Причем, следует особо подчеркнуть, что результаты этой либерализации, как в «шоковом» случае, так и в относительно постепенном варианте, были крайне неоднозначны с точки зрения социально-экономических последствий и привели к серьезным кризисам пост-коммунистических правительств во всех без исключения упомянутых странах. В России аналогичный кризис обернулся кровавыми

событиями октября 1993 года. [Maу, 1995] Как мы уже отмечали в первом разделе, эти изначально «шоковые» или «постепенные» пакеты реформ, будучи запущенными, весьма жестко форматировались не умозрительными, а реальными, исторически сложившимися соотношениями властных полномочий по изъятию и аккумуляции ресурсов.

В этой связи представляется, что финансовая либерализация, либо синхронизированная, либо следующая с тем или иным временным лагом за коллапсом коммунистической государственности, является своего рода неизбежной ценой, которое общество вынуждено заплатить за преодоление институтов и практик «мягкого бюджетного ограничения», «самоэксплуатации» и «экономики дефицита». [Kornai, 1992, 1995; Csanadi, 1998, 2006] И научные подходы, как сторонников «либеральной неоклассики», так и их уважаемых оппонентов, тут, по большому счету, не причем.

В контексте системной катастрофы «социалистического» госсектора в Восточной Европе и бывшем СССР особое внимание привлекают реформы «социалистического» госсектора в КНР, продолжающиеся уже без малого три десятилетия. Коллапс, аналогичный восточно-европейскому, здесь не состоялся. Не случилось, как мы продемонстрировали на примере ценообразования, и фундаментальной финансовой либерализации. Партийное государство ленинского типа было сохранено, а экономический рост продолжается. Сторонники модели «двухколейного перехода», как уже было отмечено, исходят из возможности постепенных и успешных

преобразований в китайском госсекторе [Фань Ган, 1996; Csanadi, 2006; Naughton, 1994] и провозглашают его принципиальную совместимость с «социалистической рыночной экономикой» [Линь Ифу, 1994; Чжан Юй, 1997]. Если все же допустить, что в КНР реализуется сценарий сочетания постепенной рыночной реформы государственных активов с дозированной финансовой либерализацией, то значит, что Китаю удастся решить те ключевые проблемы, которые по тем или иным причинам не удалось решить в свое время реформаторам «социализма» в Восточной Европе и в бывшем СССР. Тогда - вот оно, системное китайское чудо без всяких кавычек!

Поскольку политическая экономия, задачи и место «социалистического» госсектора в КНР изначально были, по сути, аналогичны таковым в европейских соцстранах, рассмотрение основных этапов и механизмов преобразований в этой сфере совершенно необходимо в контексте анализа «китайского пути» рыночных реформ.

Глава 1

Государственный сектор в КНР до «эпохи реформ Дэн Сяопина»: циклы перераспределения властных полномочий.

Известный китайский экономист Дэн Цзыцзи в предисловии к претендующему на фундаментальность новейшему исследованию экономики государственного сектора в КНР, вышедшему в свет во второй половине 2010 года, характеризует его нынешнее положение следующими словами: «За более чем 60 лет, прошедших со времени создания нового Китая, наша страна накопила огромные объемы государственных активов. [Эти объемы] обеспечивают им абсолютное преимущество среди прочих активов в народном хозяйстве. Общественная собственность составляет основу социалистической системы, государственная экономика является ведущей силой национальной экономики. Государственные активы выступают в качестве ключевой гарантии постепенного подъема всенародного благосостояния, воплощают волю социалистического государства. Однако, после создания нового Китая, система управления нашими государственными активами от начала и до конца не соответствовала требованиям социалистической рыночной экономики, в значительной степени ограничивала поступь реформы госпредприятий, отрицательно влияла как на эффективность структурной реформы экономики, так и на укрепление и совершенствование основы социалистического хозяйства».

[Дэн Цзыцзи, 2010, с.1-2] Данный пассаж интересен, прежде всего, двумя моментами. Во-первых, *типичным для марксистско-ленинской догматики знаком равенства между «общественной собственностью» и «государственными активами»*. Во-вторых, признанием, *что именно не*

государственная социалистическая собственность как таковая, а «система управления» ею «от начала и до конца» не соответствовала задачам рынка. Эти два пункта представляются нам ключевыми для понимания логики и динамики подходов к преобразованиям в госсекторе КНР, как в годы маоистских утопических экспериментов, так и в «эпоху реформ Дэн Сяопина».

В предыдущем разделе, анализируя обстоятельства становления в КНР «двухколейной» модели ценообразования, ее дальнейшего распада и эволюции в «многоколейную» модель, мы указали, что одним из ключевых условий для этих процессов явилась исторически сложившаяся в китайской системе ленинского типа значительная децентрализация «властных полномочий по изъятию и аккумуляции ресурсов». [Csanadi, 1998, 2006] В ходе преобразований структуры и механизма управления государственными активами в КНР (по сути, в процессе формирования в современном Китае «многоколейной» модели собственности, о чем речь пойдет ниже) это обстоятельство сыграло не менее значительную роль.

Глава третья.

Проблема обеспечения внутреннего единства «многоколейной» модели. Скрепы «рыночного социализма с китайской спецификой»

«Самоотвод» или «самораспад»? Заключительные соображения по поводу взглядов Марии Чанади на типологию пути реформ в Китайской Народной Республике.

Вернемся ненадолго к концептуальным подходам Марии Чанади. Как мы помним, она выделяет три фундаментальных пути политико-экономической реструктуризации в ходе реформы систем «ленинского типа»:

1.«Самозэксплуатация», то есть поиск дополнительных ресурсов для системы с опорой на ее дальнейшую централизацию (укрепление вертикальных линий контроля). По сути – это отсутствие реформ. Эмпирический пример – бывшая Социалистическая Республика Румыния.

2.«Самораспад», то есть поиск дополнительных ресурсов для системы путем частичного разрешения отдельным ее звеньям практиковать рыночные отношения с целью создания (получения извне) ресурсов, которые потом полностью или частично изымаются системой и перераспределяются внутри нее по принципам «политической целесообразности», то есть «мягкого бюджетного ограничения». По мере увеличения потребности в ресурсах и – соответственно – активизации реформ, увеличивается число задействованных в них звеньев системы, все больше отдаляющихся от нее,

предпочитающих «генерировать ресурс на стороне». Некое критическое увеличение числа таких звеньев системы приводит ее к внутреннему коллапсу. Эмпирический пример – бывшая Венгерская Народная Республика. От себя добавим – практически весь остальной восточно-европейский «соцлагерь», включая СССР и исключая, как отмечалось, Румынию;

3. «Самоотвод», то есть поиск дополнительных ресурсов для системы путем решительного допущения ею развития рыночных отношений в значительном по объему социально-экономическом поле. По началу, это поле существует «рядом с системой», а затем начинает все глубже проникать в нее, расширяя «пространство рынка» и сужая «пространство плана». Эмпирический пример, согласно Чанади, – социально-экономические преобразования в КНР.

Ключевым для выделения «самоотвода» в самостоятельный тип реформ является у Чанади понятие «абсолютного сокращения системы» (absolute shrinkage of the net), которого, по ее мнению, не возникает ни при «самораспаде», ни, тем более, при «самоэксплуатации». Проще говоря, Чанади имеет в виду, что при «самоотводе», некоторые звенья системы полностью и навсегда с ней прощаются притом, что сама система со всей своей «политической целесообразностью» и «мягкими бюджетными ограничениями» все еще продолжает какое-то время существовать. Представляется, что, как в теоретическом, так и в эмпирическом отношении, именно констатация «абсолютного сокращения системы» - наиболее спорный момент во всей концепции венгерского экономиста. Сама Чанади в

другом месте, как отмечалось выше, признает «невозможность полного и целостного отрыва отдельно взятого звена от системы», «нелинейность и распыленность [процессов «самоотвода»]. Из концепции Чанади не понятно также, что происходит в пределах самой системы в ходе ее «абсолютного сокращения» - качественные изменения или просто «количественное сжатие»? Кроме того, экономист не внесла ни теоретической, ни практической ясности в вопрос о том, какова последовательность «самоотвода» (последовательность реформ)? Иными словами, в каких политико-хозяйственных секторах системы и почему принципы «политически целесообразного перераспределения» и «мягкого бюджетного ограничения» сохраняются максимально долго и, следовательно, какие сектора системы могут стать «жертвой акта ее окончательного сжатия»?

Нам представляется, что рассмотренные в выше реалии «многоколейной модели» в современной КНР позволяют прийти к выводу, что основные структурные характеристики «реформ, создающих ресурсы» [Csanadi, 1998, 2006] в этой стране, типологически сходны с описанной Чанади моделью «самораспада». Следовательно, выделение венгерским экономистом «самоотвода» в качестве отдельного, самостоятельного и характерного лишь для Китая, пути рыночных реформ, с нашей точки зрения, недостаточно эмпирически обоснованно.

В этой связи было бы логичным предположить, что ставка на рационализм «реформы по нарастающей» в современном Китае также грешит переоценкой степени этого рационализма. Нынешнее поколение

КНРоведов в своих оценках отнюдь не гарантировано от попадания в «методологическую ловушку «либеральной» советологии».

В самом деле, каждая из бесчисленных «колея» «многоколейной модели» есть, в сущности, набор определенных социально-экономических и политико-административных условий участия тех или иных субъектов (экономики, политики, права и т.д.) в экономической и иной деятельности как в пределах системы, так и вне нее. Этот набор условий определяется, в сущности, для каждого из субъектов в ходе его непрозрачного торга и достижения «срочной сделки» с вышестоящими политико-административными институтами партийного государства ленинского типа. В «сухом остатке» предметом этой «сделки» является договоренность об условиях раздельного (между субъектом и вышестоящим партийно-государственным институтом) «пользования-приватизации» ресурсной базы экономического роста и ренты-дохода с продукта, произведенного в ходе этого роста. Любое «абсолютное сокращение системы» здесь неизбежно является относительным, ибо обязательное перераспределение части продукта и ренты с него в пользу партии-государства («старой системы») позволяет ей всякий раз воспроизводиться (и даже расширенно воспроизводиться!), вынуждать субъектов «перезаключать сделку» и вновь диктовать в ходе этого «перезаключения» свои условия, гарантируя собственные «высшие» системные интересы. Описанное в предыдущих разделах нерегламентированное, спекулятивное, в сущности,

взаимопроникновение «плана» и «рынка», является питательной средой для такого рода воспроизводства «старой системы».

Если же гипотетически допустить, что в какой-то момент критическая масса субъектов решит «нарушить конвенцию» и в полной мере выйти за пределы «поля многоколейных сделок» для того, чтобы «генерировать ресурс» на «свободном рынке», то тогда «старая система» неизбежно окажется в состоянии коллапса. Типологически этот коллапс будет вполне сходным с последствиями блестяще описанного Чанади «самораспада» восточно-европейских «стран социализма».

Что касается воспроизводства «старой системы» в условиях спекулятивного взаимопроникновения «плана и рынка», то известный китайский социолог из столичного университета «Циньхуа» Сунь Липин эмоционально заметил в одном из своих интервью газете «Цзинцзи гуаньча бао» («Экономическое обозрение»): «В нынешней ситуации, говорим ли мы о новой системе, создаваемой в ходе реформ, или о прежней «старой системе» - все одно: ни та, ни другая уже не в состоянии нормально функционировать. Многие в нашей стране и за рубежом называют реформы в Китае «постепенными». Это не верно ... Различие не в «радикальности» и «постепенности», а в упорядоченности и неупорядоченности. Можно без труда видеть, что большинство реформ в Китае проводится никак не упорядоченным образом. Ключевым фактором эрозии реформ являются [действия] всевозможных лоббистских объединений. Я называю эту эрозию своего рода «волчьей ямой» реформы. К примеру, для того, чтобы

преодолеть определенный недостаток [«старой системы»] предлагается определенное мероприятие, вызывающее острые дискуссии среди экспертов ... Многие из этих дискуссий имеют яркую идеологическую окраску. [Спорят] реформаторы и консерваторы, правые и левые ... Мера реализуется и спустя некоторое время выясняется, что прежний недостаток восстал из пепла. В результате этот возрожденный недостаток [«старой системы»] вместе с мерами, некогда направленными на его преодоление, значительно усиливается. Реформа системы заработной платы – прекрасный пример. Для борьбы с характерным для «старой системы» непрозрачным распределением премиального фонда, на местах было принято решение о ликвидации премий при одновременном повышении зарплат. В течение какого-то недолгого времени это работало. Однако теперь нельзя поручиться, что не будет так: зарплаты повысят, а непрозрачный фонд премий и субсидий восстановят» [Цзинцзи гуаньча бао, 3-10. 2005]

В последнее время Сунь Липин развивает концептуальный подход, согласно которому Китай очутился в «ловушке переходного периода», из которой никак не может выбраться. Он, в частности, пишет: «В процессе реформ 1980-х годов системные изменения стимулировали социальные преобразования, сформировали новые общественные силы и их новую расстановку. На протяжении 1990-х...эти новые силы и их расстановка прошли «кристаллизацию». Именно с этого времени и до сих пор устойчивые общественные группировки обрели способность оказывать влияние на процессы системных изменений и таким образом искаженный механизм

преобразований окончательно оформился». [Сунь Липин, 2012] В таком механизме политическая и экономическая власти слиты и используются в своей совокупности. По мысли автора, эта «система» ориентирована на закрепление «переходного планово-рыночного состояния», из которого в действительности нет пути ни вперед, ни назад.

Сунь Липин выделяет следующие составляющие механизма «вечной трансформации» в современном Китае:

Во-первых, это «паутина» государственного контроля над национальными финансами через различные «регулирующие органы» центрального и местных правительств, осуществляющих вмешательство в процессы налогообложения, формирования процентной ставки на капитал и в кадровую политику на уровне руководства банковской системой.

Во-вторых, партийно-государственный контроль над кадровой политикой в руководстве государственных и акционерных корпораций как центрального, так и местного подчинения.

В-третьих, государственный контроль над рынками путем регулирования оборота различных видов сырья, товаров и услуг.

В-четвертых, государственный контроль над деловой атмосферой в целом путем учреждения различных «лицензионных процедур» и навязывания государственным и негосударственным экономическим субъектам разнообразных форм «социальной ответственности».

Здесь также уместно вспомнить тезис Пэй Миньсиня о генерирующем застой «равновесии частичных реформ». Следует, прежде всего, правильно

понимать, что именно имеет в виду Пэй (равно как и китайские социологи и экономисты – сторонники обобщенных им взглядов), когда пишет о «повсеместной и системной коррупции». Здесь речь идет не столько о «взятках», «распилах», «откатах» и прочих конкретно-материальных формах «ненормативного перераспределения» ресурсов, сколько о сформировавшихся за годы реформ на разных «этажах системы» многочисленных и непрозрачных группах лоббистов. Эти группы вполне способны, исходя из собственных «рациональных интересов», эффективно блокировать процессы реформ, делать их «частичными» даже тогда, когда изначально они – реформы – задумывались руководством страны, как вполне целостные. *С нашей точки зрения, здесь следует ставить вопрос не столько о том, осознают ли лидеры КНР наличие и остроту тех или иных проблем, сколько о том, что они реально могут или хотят сделать.* Переплетенные и взаимно блокирующие «рациональные интересы» лоббистских объединений, которые могут быть одновременно частично «про», частично «контрреформаторскими», вполне в состоянии динамически нейтрализовать друг друга и создать потенциально застойное «поле равновесия частичных реформ».

Указание на экономический рост, обеспеченный в решающей мере децентрализованными госинвестициями на фоне слабого внутреннего спроса в условиях «договорного ценообразования» при директивно регулируемом курсе национальной валюты и государственной банковской монополии

является, по нашему мнению, слабым аргументом против тезиса о «системном застое».

Рассмотренные нами история формирования, а также структурные и динамические характеристики «многоколейной модели» ценообразования и собственности в КНР скорее подтверждают, нежели опровергают оценки Пэй Миньсиня и Сунь Липина. Многолетняя инерция и устойчивость непрозрачного «симбиоза плана и рынка» - питательная среда «многоколейных» сделок, в ходе которых не только реализуется потенциал реформ, но и постоянно воспроизводится партийно-государственная система, всякий раз неизбежно делающая эти реформы «частичными» и гарантирующая ключевые параметры самого «симбиоза» - являются одновременно источником и результатом «равновесия частичных реформ».

Итак, мы пришли к выводу, что «многоколейная модель» генерирует центробежные тенденции и типологически соответствует не сценарию «самоотвода», а сценарию «самораспада» по классификации М.Чанади. Кроме того, именно динамическое соотношение между масштабом регенерации партийно-государственной «системы», стремлением ряда участников договорных отношений выйти за ее пределы к полноценному рынку и выбором «системой» варианта того, как поступить с «ренегатами», определяет динамику существования и развития «многоколейной» модели.

В этой связи естественным образом возникает вопрос о тех политико-административных и экономических факторах (институтах, практиках и т.д.), которые обеспечивают внутреннее единство «многоколейной» модели. В

контексте всего изложенного выше можно также с уверенностью говорить, что именно эти скрепы «рыночного социализма с китайской спецификой» являются теми звеньями «системы», которые определяют ее нерыночную природу, основанную на «мягком бюджетном ограничении» и «политически целесообразном перераспределении». От них зависит общая стабильность и устойчивость «системы». Они делают ее такой, какой она есть, обеспечивая де-факто непрозрачный и нерегламентированный, спекулятивный симбиоз «плана» и «рынка», а также неизбежность для ее субъектов периодического перезаключения рентно-ресурсной сделки. Именно масштаб и характер этих скреп определяют масштаб регенерации «системы» и выбор «системой» варианта того, как поступить с «рenegатами». С большой долей вероятности можно также предположить, что именно они определяют пределы реформируемости системы. Какие бы преобразования не происходили, природа этих скреп не может меняться, ибо в противном случае внутренняя дезинтеграция «системы» становится неизбежной. В случае гипотетического коллапса («схлопывания») «системы» именно эти скрепы станут объектом и «жертвой последнего акта сжатия». Иными словами, сойдут со сцены последними, причем, весьма вероятно, не без сопротивления. Попробуем выделить и охарактеризовать ключевые системные скрепы «многоколейной» модели в КНР, опираясь на доступный эмпирический и теоретический материал.

Замкнутый круг «партийной макроэкономики»

Еще в первой половине 90х годов XX века, описывая – по его мнению – преимущества «двухколейной трансформации», Фань Ган признавал: «Необходимо уяснить, что децентрализованный государственный сектор – главная институциональная причина макроэкономической нестабильности и неравномерного развития региональных экономик ... Рост инфляции и нестабильность в экономике Китая в значительной степени ... вызваны перераспределением прав налогообложения, нарастающим дефицитом бюджетов, увеличивающимися субсидиями государственным предприятиям, а также явлениями денежной экспансии местных правительств в условиях децентрализованной общественной собственности». [Фань Ган, 1995, с. 72]

Одновременно, Фань Ган указывал на ключевые нерешенные проблемы в экономической системе КНР. Таковыми, по его мнению, к середине 90х годов были:

1. Реформа цен на факторы производства, включая ставку банковского процента, цены на нефть, уголь, электроэнергию, транспортные тарифы и т.д.
2. Реформа отношений собственности в государственном секторе, включая банковскую систему.
3. Реформа системы государственного управления.
4. Широкое распространение коррупционных практик на всех системных уровнях. [Фань Ган, 1995, с. 70-71]

Здесь следует со всей определенностью констатировать, что и ныне, спустя более полутора десятков лет со времени публикации статьи Фань Гана, несмотря на обилие реформаторских инициатив и мероприятий в указанных сферах, на впечатляющие темпы роста китайской экономики и, наконец, на вступление Китая в ВТО, перечисленные ключевые проблемы экономической системы КНР так и остаются нерешенными. Иными словами, рыночные отношения в этих сферах так и не стали системно определяющими. С нашей точки зрения, именно нерешенность этих проблем, а, говоря точнее, институциональные и динамические параметры системы, обусловленные их нерешенностью, по-прежнему определяют как макроэкономическую, так и политическую динамику развития современного Китая. Это обстоятельство позволяет обосновать вывод о явно сомнительной успешности того, что Фань Ган и некоторые другие китайский и зарубежные специалисты называют «двухколейной трансформацией по-нарастающей».

Теперь пришло время разобраться с фундаментальными макроэкономическими проблемами современного Китая. Именно здесь, в замкнутом круге «партийной макроэкономики», заключены, с моей точки зрения, как несущая «иррациональная зона» системы, так и Ахиллесова пята всей «многоколейной» модели.

Механизм инвестиционной спирали

Китайские экономисты единодушно признают, что одним из ключевых факторов создания макроэкономической напряженности в КНР является механизм формирования инвестиций в основной капитал, который, в

конечном счете, определяет их нерациональные объемы, структуру и низкую отдачу. Специалисты по реформе инвестиционного механизма Чжан Ханья и Чжан Цинюй пишут в этой связи: «Несовершенство законодательства и отсутствие жесткости в исполнении законов приводят к тому, что юридические методы не могут применяться для регулирования инвестиционной деятельности [в Китае] столь же эффективно, как это происходит в других странах [с рыночной экономикой]. Следует добавить, что и сам рынок не может играть в полной мере роль регулятора инвестиционной активности. Это приводит к тому, что правительство не решается отказаться от управления инвестиционной активностью, используя лишь методы административного контроля, и рассматривает сохраняющуюся со времен плановой экономики «разрешительную» систему в качестве эффективного метода регулирования [инвестиционного процесса]». [Чжан Ханья, 2005, с. 16-17] Дело, конечно, не столько в несовершенном законодательстве или в его недолжном исполнении и даже не в «недостаточности рынка» как таковой, сколько, прежде всего, в уже отмеченном нами выше специфическом «симбиозе» плана и рынка в условиях «многоколейной» модели. «Разрешительный» принцип принятия решений по инвестициям, когда окончательная резолюция-«отмашка» зависит от партийно-государственной инстанции того или иного уровня – квинтэссенция принципа «многоколейности» в инвестиционной сфере.

Формирование «многоколейной» модели в ходе децентрализации и фрагментации механизмов ценообразования, собственности и т.д. неизбежно

привело к значительному росту субъектов инвестиционной деятельности и объемов инвестиций. За десятилетие между 1996 и 2006 годами общий объем инвестиций в экономику КНР увеличился с 2 до 5,5 трлн. юаней [Чжунго гудин цзычань тоуцзы тунцзи шудян, 2002; Чжунго тунцзи няньцзянь, 2001-2006], а к 2009 году перевалил за 20 трлн. юаней. [Чжунго цзинцзи синь гуаньча, 2009, с. 76] Эта цифра включает порядка 105 млрд. \$ (около 640 млрд. юаней) прямых иностранных инвестиций. [https://www.uschina.org/statistics/fdi_cumulative.html] Регламент привлечения и практики освоения в Китае прямых иностранных инвестиций – весьма своеобразный сегмент системного пространства «многоколейной» модели. Это самостоятельная огромная тема, остающаяся за рамками данной работы. Наша цель здесь – дать характеристику «многоколейной» модели в принципе. В фокусе дальнейшего изложения – механика макроэкономической спирали, создаваемой внутренними субъектами инвестиционной деятельности в основной капитал. Ключевой игрок здесь – государство, как непосредственный институциональный инвестор. А также – как кредитор в широком смысле, действующий путем монопольного контроля над накопленными золотовалютными резервами, банковской системой, фондовым рынком, валютным курсом, счетами капиталовложений и текущих операций, объемами денежного оборота и т.д. Этот монопольный контроль реализуется партийным государством «ленинского типа» через «разрешительный» принцип при заключении политико-административными

и экономическими субъектами системы непрозрачных «многоколейных» сделок.

В 2007 году доля потребления в ВВП КНР не превышала 36% при совокупном объеме сбережений – более 60%. В период с 1995 по 2007 годы совокупные налоговые сборы правительств всех уровней увеличились в 5,7 раза, в то время как реальные доходы горожан выросли лишь в 1,6 раза. Сельских жителей и того меньше – в 1,2 раза. Доля зарплат в ВВП за период между 2000 и 2007 годами снизилась почти на 12%, составив в конце нулевых около 37%. [Чжунго цзинцзи синь гуаньча, 2009, с. 64-69]. По неофициальным исследованиям этот показатель не превышает 25%. [Васильчук, 2011] Коэффициент материального расслоения общества – известный коэффициент Джинни – к исходу первого десятилетия XXI века в КНР составлял 0,47. Разрыв в доходах между 20% наиболее обеспеченных слоев и 20% наименее обеспеченных превысил 11-кратную отметку. [Чжунго цзинцзи синь гуаньча, 2009, с. 69-70] Заметим, что еще в 1998 году на самом высоком уровне в КНР было признано, что ключевая задача социально-экономического развития страны – повышение уровня внутреннего потребления и власти в принципе делали немало в этом направлении за прошедшие годы. [Бергер, 2009] Между тем, норма накопления в экономике КНР к исходу нулевых не опускалась ниже 45% ВВП, а во второй половине десятилетия общие объемы инвестиций росли на 20% ежегодно. [http://my-china.ru/2008_17_03_economics_news.php]. В этом контексте вполне логично было бы предположить, что в КНР существуют определенные *системные*

социально-экономические и политико-административные факторы, препятствующие реализации курса на стимулирование внутреннего потребления. С нашей точки зрения, одним из основных таких факторов (если вообще не ключевым) является то, как структурируется и функционирует механизм инвестиций в основные фонды.

Подобно механизмам ценообразования, управления собственностью и многим другим «регламентам контроля» дореформенной эпохи, разрешительный порядок инвестиционной деятельности за годы экономических преобразований подвергся постепенной децентрализации и фрагментации. Сюда, как и в иные сферы политико-административной и хозяйственной деятельности, активно внедрялись рентно-договорные отношения под неизменным патронажем партийного государства.

В 1983 году правительства провинций получили право санкционировать инвестиционные проекты в сфере капитального строительства и ремонтно-восстановительных работ объемом до 10 млн. юаней. Проекты объемом до 100 млн. юаней подлежали рассмотрению на уровне соответствующих инстанций в Пекине, а те, чей объем превышал 100 млн. – могли быть утверждены исключительно плановой комиссией Госсовета.

Осенью 1984 года был принят ряд решений по существенному упрощению документооборота в сфере разрешений на капитальное строительство. Прежний список пяти разновидностей заявительных документов («предложение по объекту», «доклад-исследование возможности

реализации объекта», «реестр проектных задач», «доклад о первоначальном проектировании» и «доклад о начале работ на объекте») сначала сократили до двух пакетов бумаг («предложение по объекту» и «реестр проектных задач»). Затем вновь изменили и увеличили до трех пакетов («предложение по объекту», «доклад о возможности реализации» и «доклад о начале работ на объекте»).

В середине 80х максимальную стоимость инвестиционных проектов в сфере разрешительных полномочий провинциальных правительств довели до 30 млн. юаней, а в сфере Госсовета – повысили до 200 млн.

Весной 1987 года право принимать решения по инвестиционным проектам в сфере технического обновления общим объемом не более 30 млн. юаней (в «плановых ценах» - официальная «двухколейная» модель ценообразования еще существовала) получило руководство крупных госпредприятий. Тогда же правительства провинций стали распоряжаться инвестиционными проектами в сферах инфраструктуры и базовых отраслей промышленности на сумму до 50 млн. юаней.

В 1996 году местные власти получили право санкционировать проекты с участием иностранных инвестиций на сумму до 30 млн.\$, а правительства юго-восточных приморских провинций Гуандун и Фуцзянь до 50 млн.\$.

В 2001 году руководящие инстанции провинций и уездов получили право на санкцию инвестиционных проектов в сферах инфраструктуры и базовых отраслей с неограниченными объемами финансирования, при

условии не использования средств центрального правительства. [Чжан Ханья, 2005, с. 17]

Данный список преобразований может быть продолжен. Принципиально важными здесь нам видятся три обстоятельства.

Во-первых, право на санкцию неизменно оставалось в руках децентрализованной партийно-государственной вертикали. Китайские специалисты – как из политико-административных, так и из академических кругов – признают, что это институциональное наследие плановой экономики и командно-административной системы. Вместе с тем, они почти единодушно указывают, что отказ от партийной санкции на инвестиционную деятельность неизбежно чреват возникновением экономического хаоса, как на микро, так и на макроуровне, так как *объемы инвестиций, их структура и эффективность неизменно не удовлетворяют центральное правительство*. [Чжан Ханья, 2005, с. 18; Го Шуфэн, 2010, с.63-75]

Во-вторых, речь идет, по сути, исключительно об инвестициях в основные фонды. Они выглядят наиболее «ликвидными» и с точки зрения политического и экономического престижа (высокие темпы роста, визуальная осязаемость, благорасположение вышестоящего руководства, потенциальные преференции и укрепление позиций для участия в прочих «многоколейных» сделках и т.д.), и с точки зрения создания рентно-ресурсной базы. О «ликвидности» в этом смысле инвестиций в основные фонды прямо пишут многие китайские экономисты. [Фань Ган, 1998; Чжан Ханья и др., 2005, с.44; Чжоу Цижэнь, 2011, Цинь И, 2011] Инвестиции в

основные фонды предполагают, как правило, значительные объемы финансирования и – следовательно – значительные обороты «живых денег». Последние, как уже отмечалось выше, выступают в качестве одного из ключевых системных ресурсов в условиях высоко монетизированной экономики рентно-договорных отношений. Вторым, аналогичным по важности системным ресурсом здесь являются, надо полагать, формальные и неформальные связи, или, выражаясь словами Марии Чанади, «возможности по изъятию и аккумуляции ресурсов». Кроме того, следует иметь в виду, что в условиях такого, как ныне в КНР, перенакопления капиталов, главным фактором конкурентоспособности издержек начинает выступать уже не капитал, а живой труд. Издержки на одного китайского рабочего составляют всего 8% от издержек на одного американского. [Васильчук, 2011] *В этом контексте ощутимый рост внутреннего потребления просто начинает угрожать стабильности всей конструкции «многоколейных» договоренностей по созданию и переделу ренты-дохода между ключевыми политико-административными и хозяйственными субъектами системы.*

В-третьих, практически единственным критерием, позволяющим отнести инвестиционный проект к «разрешительной» компетенции того или иного партийно-государственного уровня является оценка финансового объема этого проекта. Учитывая «многоколейную» специфику механизмов ценообразования в КНР, тесную, зачастую неформальную близость субъектов партийно-государственной власти и инвесторов и даже их прямое

сращивание, высокую степень децентрализации и множество других «центробежных» факторов, оценка финансовых объемов проектов, равно как и санкционирующая их инстанция становятся предметом и площадкой непрозрачного торга. А зачастую и откровенно противозаконных действий.

В середине нулевых годов определенный публичный резонанс получила «афера» компании «Те бэнь» (в вольном смысловом переводе «корень стали»), которая, с нашей точки зрения, является весьма яркой иллюстрацией «многоколейного» механизма инвестиционной деятельности на практике. В 2002 году компания «Те бэнь» вошла в реестр «500 наиболее мощных «народных» (т.е. негосударственных – М.К.) предприятий», а ее руководитель Дай Гофан занял 376 место в списке 400 «самых богатых людей Китая», личное состояние которого оценивалось в 220 млн. юаней. Фактически под вывеской «Те бэнь» действовали четыре компании, специализирующиеся на выпуске стального проката и тесным образом связанные с администрацией города Чанчжоу в провинции Цзянсу. Через партком и мэрию города руководство компании имело неформальные связи на уровне правительства провинции. Осенью 2002 года в провинциальном и городском руководстве созрела идея «освоить» участок земли общей площадью 30 тыс. му (около 2 тыс. га), расположенный вдоль берега реки Янцзы. Предполагалось строительство на этой территории новой промышленной зоны с перспективным превращением ее в градообразующую систему производств для Чанчжоу и важный фактор увеличения ВВП провинции Цзянсу. Согласно планам, к январю 2006 года совокупный ВВП

нового кластера обрабатывающей промышленности должен был достичь 18 млрд. юаней, а налоговые поступления – превысить 3 млрд. юаней. Общий объем инвестиционного проекта оценивался в 43 млрд. юаней. Предполагалось также привлечь до полутора миллиардов долларов иностранных вложений. В ходе реализации первой очереди проекта планировалось построить металлургический комбинат мощностью 2 млн. тонн стали в год, а также небольшой грузовой порт на р.Янцзы с общим объемом инвестиций до 2 млрд. юаней. Однако, в течение полугода первоначальной проработки проекта плановая мощность комбината была повышена до почти 9 млн. тонн, а сумма вложений подскочила до 11 млрд. юаней. Проект такого объема должен был получить санкцию на уровне центрального правительства. Для того, чтобы избежать вмешательства и контроля из Пекина, руководства холдинга «Те бэнь» «разукрупнило» проект, представив его в виде 22 отдельных инвестиционных программ, для реализации которых было вполне достаточно «отмашки» правительства провинции Цзянсу.

Все бы прошло «на ура», если бы планы «освоения» территории не столкнулись с жестким сопротивлением жителей этого участка побережья Янцзы. Более 20 тыс. крестьян, которых предполагалось отселить «на новые земли» за символическую компенсацию, подали многочисленные жалобы в различные инстанции центрального правительства в Пекине. Началось служебное, а затем и судебное разбирательство, в ходе которого выяснились, в частности, характерные детали финансирования проекта. Более 95%

инвестиций (не считая иностранных вложений, которых, впрочем, так и не привлекли) предполагалось получить в виде кредитов от расположенных в г.Чанчжоу филиалов пяти крупных государственных банков: центрального банка, строительного банка, сельскохозяйственного банка, банка развития провинции Гуандун и банка развития Пудун. Данные кредитные операции являлись для банков чрезвычайно выгодными, так как выдаваемые кредиты оформлялись как переводные векселя на лиц, представляющих интересы холдинга «Те бэнь». Наличность оставалась на счетах банка-кредитора, при этом он получал возможность фиктивно увеличить свои активы вдвое – то есть ровно на сумму, равную кредиту, путем получения от третьего лица фиктивного платежа по выданному векселю (тратте). При этом сам вексель становился инструментом привлечения дополнительных средств, которые в определенной договоренной пропорции делились между банком и другими участниками сделки. Есть все основания полагать, что партийно-административные власти г.Чанчжоу были одним из таких активных участников, так как патронировали и посредничали в процессе налаживания взаимодействия между холдингом «Те бэнь» и пятеркой госбанков. В частности, вопросы этого взаимодействия рассматривались на «рабочих совещаниях по финансовым вопросам» городского правительства. В этой связи возникает вопрос о характере и масштабах неформальных контактов между местными властями и региональными филиалами крупнейших государственных банков. Очевидно, что реальную эффективность попыток централизации в финансово-банковской сфере, предпринятых в период

премьерства Чжу Жунци, отнюдь не следует переоценивать. [Цзинци гуаньча бао, 30.08.2004, 12.01.2005, 31.08.2005; Чжунго цзиньин бао, 20.10.2005; 15.11.2006; Чжан Ханья, 2005, с.3-10]

Тот факт, что приведенный пример носит системный характер, подтверждается многочисленными свидетельствами в деловой прессе и экономической литературе КНР последнего десятилетия. В частности, наблюдатели отмечают, что всякий раз увеличение финансового потолка инвестиционных проектов, санкционируемых тем или иным уровнем местной администрации, неизменно приводило к быстрому и резкому росту числа проектов, заявленные объемы которых немного недобирали до установленного максимума. [Чжан Ханья, 2005, с. 10, Чжан Цзюнь, 2009, с. 84] Такое поведение потенциальных инвесторов обусловлено их стремлением наращивать общий объем капиталовложений и, одновременно, сохранить возможность получить законную «отмашку» от прежнего, нижестоящего уровня администрации. Открыто заявлять равную лимиту или превышающую его сумму в одном проекте и автоматически отправляться за санкцией на вышестоящий партийно-административный уровень означает переходить в другую «колею» «многоколейной» инвестиционной модели с необходимостью заключения нового «контракта» и, следовательно, с увеличением бюрократических издержек.

Знакомство с китайской деловой прессой и экономической литературой последнего десятилетия позволяет вычленить ключевые недостатки и проблемы существующего в КНР инвестиционного механизма.

Во-первых, это отсутствие четкого разделения полномочий и функций субъектов инвестиционной деятельности. Центральное и местные правительства и предприятия действуют в этой сфере зачастую параллельно и несогласованно, подменяя друг друга, частично или полностью срачиваясь. Широко применяется административный ресурс и неформальные связи. Местные правительства, используя контрольную долю в акционерных пакетах госпредприятий, узурпируют власть в советах директоров холдингов и принуждают предприятия к инвестиционной деятельности в тех сферах, которые – по закону – не относятся к компетенции непосредственных производителей.

Во-вторых, местные власти – вопреки законодательству – теневым образом присваивают себе полномочия вышестоящего начальства по выдаче санкций на инвестиционные проекты. К середине первого десятилетия нового века более 70% совокупных инвестиций в КНР получало санкцию правительств на уровне провинции и ниже. [Чжан Ханья и др., 2005, с.34]

В-третьих, отсутствует единая система контроля над реализацией санкционированных инвестиционных проектов и критериев оценки их успешности.

В-четвертых, нечеткость и недостаточность законодательной базы приводит к чрезвычайно низкой ответственности юридических лиц - субъектов инвестиционного процесса.

В пятых, децентрализованная государственная вертикаль выступает одновременно и в лице ключевого инвестора и в ипостаси санкционирующей

инстанции и в роли инспектора-контролера и, в значительной мере, в качестве законодателя. При этом, как отмечают китайские специалисты, «в сфере непосредственного управления центрального правительства находятся лишь предприятия центрального подчинения, сверхкрупные инфраструктурные проекты и иностранные инвестиции. 2/3 совокупных инвестиций – капиталовложения местных властей, государственных, коллективных и частных предприятий местного подчинения, иностранные инвестиции меньшего масштаба – расположены фактически вне пределов сферы контроля центрального правительства...Эта часть [инвестиционного процесса], в сущности, *находится в бесконтрольном состоянии ... В настоящее время промышленная политика [в КНР] представляет собой не более чем список объектов промышленного развития, которому недостает учета национальной специфики и соответствия должным...технико-экономическим критериям. В отношении такого списка крайне трудно осуществлять регулирование и контроль* (курсив мой – М.К.)» [Го Шуфэн, 2010, с.43]

На протяжении последнего десятилетия китайские статистические службы и счетная палата КНР неоднократно указывали, что среди выполненных по официальной отчетности инвестиционных проектов не менее 50% в реальности либо не доведены до конца, либо превратились в долгострой, либо – будучи введенными в эксплуатацию – загружены лишь наполовину или менее проектной мощности. [Чжунго цзиньин бао, 15.04.2009]

Расчеты, проведенные рядом китайских экономистов в конце 90х – начале нулевых годов, показали, что себестоимость капитала в КНР на протяжении всего периода экономических реформ практически вообще никак не ограничивала масштабы его использования. [Цинь До, Сун Хайянь, 2003, с. 105-109]

Ряд китайских экономистов употребляют термин «инвестиционный волюнтаризм» для характеристики ситуации с капиталовложениями на местах. [Чжан Циньюй, 2006, с.48; Чжан Цзюнь, 2009, с. 252] Отличительными признаками такого «волюнтаризма» называют стремление всемерно увеличить общий объем инвестиций, а также желание местных партийно-государственных властей иметь в зоне своей территориально-производственной ответственности возможно более полный набор производственных мощностей с тем, чтобы сократить до минимума хозяйственную зависимость от прилегающих регионов. При этом особо отмечалось, что большинство инвестиционных проектов в сфере капитального строительства и инфраструктуры финансировались за счет долговых бумаг местных правительств и тесно зависели от региональных бюджетов. Наличие дефицита в местном бюджете, тем не менее, не только не ослабляло, но, как показывает ряд исследований, наоборот – существенно усиливало стремление местных властей к увеличению масштабов капитальных вложений. [Чжан Фэйтянь, 1996; Юн Гайлун, 2000; Фань Ган, Чжан Сяоцин, 2005, с. 131] Реализация этих проектов и управление

созданными активами имело значительную «коррупционно-бюрократическую составляющую». [Чжан Ханья и др., 2005, с.39]

Краткосрочное планирование превращается в стратегическое, а политическая и хозяйственная воля вышестоящего руководства – в один из ключевых стимулов к действию. В результате появляется большое число т.н. «начальственных проектов», направленных на улучшение «имиджа» того или иного руководителя, территории, региона. Чжан Ханья пишет: «В последние годы местные власти, демонстрируя свои успехи в экономическом строительстве, огромное внимание уделяют проектам «лица» - широченным автобанам, колоссальным площадям, музыкальным фонтанам, роскошным офисным высоткам». [Чжан Ханья, 2008,]

Зачастую местные власти, не имея средств на осуществление выгодных для себя или политически престижных проектов, стремятся заручиться инвестиционной поддержкой центрального правительства и предъявляют «верхам» фиктивные финансовые гарантии, «ловят вышестоящего инвестора на крючок». [Чжан Ханья и др., 2005, с.46; Чэнь Хуа, 2006, с.84]. Эта линия поведения весьма характерна как для провинциальных правительств в их отношениях с Пекином, так и для уездных администраций в их отношениях с провинциальными правительствами. «Ловля инвестора на крючок» особенно характерна для крупных инфраструктурных проектов, в частности – строительства аэропортов, на возведение которых у местных правительств, как правило, не хватает средств. Одним из классических примеров такого рода в истекшем десятилетии стало строительство международного

аэропорта в «свободной экономической зоне» (СЭЗ) Чжухай, оплаченное более чем на 80% из центрального бюджета под некие финансовые гарантии администрации СЭЗ. Само строительство подавалась как «создание самого крупного, самого передового аэропорта нашей страны, где все - по последнему слову техники». Общий объем инвестиций приблизился к 10 млрд. юаней. Одно лишь оборудование строительной площадки потребовало более полутора миллиардов. Аэропорт с запланированным пассажиропотоком более 12 млн. человек ежегодно был введен в эксплуатацию весной 2000 года. К исходу 2007 года ежегодный пассажиропоток остался на уровне конца 2000 года – в среднем 570 тыс. человек. Экономическая отдача не превысила и 6% затрат. [Цзинци гуаньча бао, 15.01.2008]

Китайские эксперты открыто признают, что крупные инвестиции в основной капитал – источник ренты для партийно-государственных инстанций самых различных уровней. «[Инвестиции] в государственные объекты все равно, что мясные жертвоприношения танского монаха. Всем хочется съесть кусочек. Но у монашеских жертвоприношений эпохи Тан (в романе У Чэнэня «Путешествие на Запад» - М.К.) был хотя бы хранитель – царь обезьян Сунь Укун. У государственных вложений в основной капитал такого хранителя нет. Поэтому некоторые товарищи рассматривают их в качестве источника пополнения доходов для своих учреждений и для себя лично», - замечает Чжан Ханья. [Чжан Ханья, 2008, с. 51] Информация об объемах такой ренты крайне скудна. В середине нулевых годов Шэн Хун

писал: «В 1997 году мы проводили исследование по некоторым отраслям. Согласно полученным оценкам, этот фактор составляет в среднем около 5% общей стоимости объекта. В последние годы эта тенденция не только не уменьшалась, но наоборот, скорее набирала обороты. Противостоять ей становится все труднее». [Шэн Хун, 2006, с.271] В этой связи обращает на себя внимание следующее любопытное обстоятельство. На протяжении четверти века экономических реформ – с 1982 по 2007 годы - доходы от прироста капитала в промышленности КНР, либо находились в состоянии стагнации, либо сокращались. Это относится даже к периоду после 1996 года, когда, по официальной оценке, тенденцию роста убыточности в госсекторе удалось переломить, по крайней мере, по ключевым отраслям и мощностям. К середине нулевых годов, по некоторым оценкам, в промышленности в целом доходы от прироста капитала составляли около 6%, что примерно равнялось стоимости среднего кредита госбанка. В промышленном госсекторе они не превышали в среднем 4,5%, то есть были даже ниже себестоимости кредита. [Цзян Юньюнь, Жэн Жоэнь, 2002; Фань Ган, Чжан Сяоцзин, 2005, с. 126; Го Шуфэн, 2010, с.294-296] Между тем, как отмечает большинство экономистов в КНР, ожидаемые доходы от инвестиций в промышленность, инфраструктуру и недвижимость намного (по некоторым расчетам, в среднем более чем на 20%) превышали себестоимость кредита. Именно эта разница и делала игру стоящей свеч. [Фань Ган, Чжан Сяоцзин, 2005, с. 51; Чжан Ханья, Чжан Циньюй, 2005, с.56]

Скрытое занижение процента по кредиту, достигнутое в ходе «колейной» договоренности между инвестором и госбанком под контролем-патронажем партии-государства, не только позволяет делать самые «безнадежные» проекты весьма доходными, но и способствует существенным искажениям официальной статистики по стоимости кредита и доходам на вложенный капитал.

Анализируя свидетельства, время от времени проникающие в китайскую печать, можно прийти к выводу, что одним из наиболее распространенных методов, применяемых для того, чтобы «полакомиться жертвенным мясом», является откат в виде «изъятия расходов на управление». Несмотря на то, что в КНР существует законодательно более или менее определенная практика участия в тендерах на получение подрядов для участия в освоении инвестируемых средств, ограничивающая число возможных подрядчиков, количество последних, как правило, намного превосходит число официально заявленных. Каждая из подрядных организаций – вне зависимости от степени легальности своего статуса – изымает в свою пользу определенный объем «расходов на управление проектом», а остальную сумму передает следующему, нижестоящему подрядчику. Подрядная организация самого нижнего звена, как правило, несет ответственность за реальное воплощение проекта в жизнь, однако располагает для этого средствами, намного, зачастую больше, чем на половину, «похудевшими» в сравнении с первоначально заявленной стоимостью проекта. В результате может пострадать качество созданного

актива. Наблюдатели, однако, признают, что в этих условиях важнейшим способом снижения издержек становится не только приобретение некондиционных сырья и материалов, но и уменьшение фонда заработной платы работников, занятых на реализации проекта. Если инженерно-техническому персоналу сокращают реальные доходы путем введения «дополнительных смен» без соответствующей доплаты, то рабочим на стройплощадке (иногородним, выходцам из сельской местности, маргиналам и т.д.) вполне могут просто не выдать или выдать не полностью причитающийся заработок. [Чжан Ханья и др., 2005, с. 56-59, 63-71; Чжунго цзиньин бао, 12.12.2006; Чжунго циньнянь бао, 23.08.2009; интервью автора в Сиане в 2006 г., в Пекине в 2007, 2009 и 2011 гг.]. *Представляется, что перед нами еще один, причем, весьма распространенный и мощный, теневой механизм удержания «внутреннего потребления» в «системно приемлемых» рамках.*

Невозможно отрицать тот факт, что за истекшие три десятилетия экономических реформ механизмы, институты и практики инвестиционного процесса в Китае претерпели серьезные изменения. Согласно официальной периодизации, преобразования в этой сфере следуют тремя последовательными этапами.

На первом этапе, между 1979 и 1983 годами, «нащупывались подходы» к перестройке инвестиционного механизма. Ключевыми здесь стал окончательный отказ от централизованного распределения средств для инвестиций в основные фонды (децентрализация в этой сфере шла полным

ходом, по крайней мере, с середины 70х, о чем у нас уже шла речь выше). Кроме того, состоялся переход к капитализации инвестиционных проектов через банковское кредитование, широкое распространение получили практики подряда в капитальном строительстве. Функции по общему управлению капвложениями в основные фонды были переданы от министерства строительства к плановой комиссии Госсовета. За инвестиции в техническое обновление стала отвечать экономическая комиссия Госсовета. В самом начале 80х годов были приняты стратегические решения по капитальному строительству в СЭЗ, выпуску государственных долговых бумаг, доходы от которых предполагалось потратить на крупные инфраструктурные проекты.

На втором этапе, охватывающем 1984-1988 годы, шел процесс «расширения реформ». Преобразования в банковской системе позволили расширить использование кредитных механизмов капитализации, прошли эксперименты по торговле долговыми бумагами предприятий, был создан ряд компаний, предоставляющих консультационные услуги в сфере инвестиций в основные фонды, существенно расширены инвестиционные права государственных предприятий.

Третий этап, берущий начало в 1991 году, продолжается и в новом тысячелетии. Официальная периодизация трактует его как «этап, на котором расширение реформ было дополнено их углублением». В 90е и нулевые годы было принято значительное число законодательных и подзаконных актов, регулирующих различные участки, механизмы и детали инвестиционного

процесса. Вместе с тем, по мнению большинства китайских наблюдателей, нельзя сказать, что эта законотворческая деятельность носила системный и жестко обязывающий характер.

С точки зрения качественных перемен в механизме капвложений наиболее интересными были, пожалуй, решения 2001 года о стимулировании негосударственных («народных») инвестиций и решение 2003 года о том, что для ряда отраслей промышленности и инфраструктуры вместо «разрешительного» принципа вводится принцип «учета в реестре». «Разрешительный» принцип в полной мере сохранялся лишь для крупных и сверхкрупных, курируемых правительствами различных уровней, проектов в области обороны, экономической безопасности и охраны окружающей среды. Все остальные инвестиционные программы предполагалось «вносить и учитывать в реестрах капитальных вложений». Сами реестры формировались правительствами соответствующих уровней. В реальности, это, однако, вовсе не был переход от «разрешительной» системы к «заявительной». Дело в том, что финансовые объемы проектов, вносимых в реестр того или иного уровня, по-прежнему ограничивались вышестоящими партийно-государственными инстанциями. Кроме того, фактическая граница между проектами, в отношении которых продолжал действовать «разрешительный» принцип, и «реестровыми», не имея четких юридических критериев, была весьма подвижной. В зависимости от разного рода формальных и неформальных обстоятельств, «разрешительные» и «реестровые» инвестиционные проекты вполне могли меняться местами. В

случае необходимости, вышестоящие инстанции имели возможность распространять на «реестровые» проекты «разрешительный» принцип. [Цзинци гуаньча бао, 18.10.2005] Так или иначе, все эти сюжеты по-прежнему регулировались по «понятиям» «многоколейной» модели.

Оценивая итоги трех десятилетий преобразований в инвестиционной сфере, китайские эксперты отмечают: «Реформа имела определенные достижения, однако так и не решила вопрос о рыночном совершенствовании механизма капитальных вложений. Идеи и принципы плановой экономики по-прежнему занимают доминирующее положение в этой области. По мере перестройки системы управления (читай – децентрализации – М.К.) у части людей появилась почва для извлечения [коррупционной] ренты.

Высказывается мнение, что сфера инвестиций – «последний оплот плановой экономики». Среди руководящих, научных и деловых кругов преобладает ощущение, что в сравнении с другими секторами экономики, реформа механизма капитальных вложений является наиболее отстающей (курсив мой – М.К.). [Фань Ган, Чжан Циньюй, 2008, с.81-82]

И это при том, что, как подчеркивает Чжан Ханья, «...можно с полным основанием утверждать, что, в сравнении с другими секторами китайской экономики, в инвестиционной сфере количество реформаторских установок и мероприятий было наиболее значительным». [Чжан Ханья, 2005, с. 79]

Далее этот китайский эксперт по инвестиционному процессу указывает на признаки, свидетельствующие об «отсталости» реформ в этой сфере. По его мнению, преобразования здесь носили и продолжают носить весьма

фрагментированный и несистемный характер. Во-вторых, проводившиеся в течение многих лет «количественные» реформы так и не увенчались качественным результатом: объемы, структура и эффективность инвестиций в КНР по-прежнему нерациональны. Масштабы и направления инвестиционной деятельности не имеют рыночных институциональных ограничителей. Неадекватно большие по объему капиталовложения, неизменно превосходящие плановые установки, приводят к росту инфляции, созданию избыточных мощностей в основных фондах страны. Зачастую «день ввода объекта в строй становится первым днем его убыточности», а не поддающаяся должному контролю «утечка» государственных средств питает коррупцию всех видов.

Чжан Ханья подчеркивает, что инвестиционный механизм – это целостная система в любой национальной экономике. Она теснейшим образом связана с системами административного управления, планирования, бюджета и финансов, ценообразования, руководства предприятиями и принципами кадровой политики. Поскольку ни в одной из этих сфер в Китае так и не было проведено целостной реформы, постольку и инвестиционный механизм не претерпел глубоких качественных изменений. В течение десятилетий существования плановой экономики государство являлось основным, а зачастую и единственным, субъектом инвестиционного процесса. Рыночные преобразования поставили во главу угла вопрос о том, что государство должно продолжать контролировать, а что – «отпустить». Этот вопрос, по мнению Чжан Ханья, в Китае до сих пор не решен и решения

его в обозримом будущем не предвидится. Эксперт пишет далее о том, что государство в реформирующемся Китае не имеет адекватных способов регулирования тех сфер, где оно обязано, так или иначе, присутствовать. В частности, это касается сферы инвестиций. Ключевой же причиной такого положения вещей, по мнению Чжан Ханья, является сохраняющаяся в КНР до сих пор неразделенность политики и экономики и огромные трудности перехода «от плана к рынку». Трудности же эти – по крайней мере, в сфере инвестиций – связаны в первую очередь с тем, что неадекватность масштабов, структуры и эффективности капвложений, коррупция и создаваемая всем этим макроэкономическая напряженность «...не позволяют государству уклониться от контроля над инвестиционным процессом. В условиях дефицита новых результативных способов регулирования, [государство] зачастую просто не может не использовать характерные для эпохи плановой экономики меры по ограничению инвестиций: административно ограничивает масштабы кредитования, ужесточает «разрешительный» принцип инвестиционной деятельности и т.д. Это, в свою очередь, крайне затрудняет как разработку новых направлений реформы [инвестиционного механизма], так и практическое воплощение уже разработанных мер по углублению [этой реформы]». [Чжан Ханья, 2005, с. 81, с. 82-87]

Приведенное выше изложение взглядов и отрывки из печатных выступлений Чжан Ханья относятся к середине прошедшего десятилетия. Однако и на рубеже нулевых годов положение вещей в этой сфере

изменилось, судя по всему, крайне незначительно. Специалист по инвестициям и финансам, научный сотрудник центра исследований проблем развития при Госсовете КНР Го Лихун в своем выступлении в Нанкине на «круглом столе» редакции деловой газеты «21 шицзи цзинцзи баодао» («Экономический вестник 21-го века») в сентябре 2010 года говорил:

«Реформа инвестиционной модели оказалась самым отстающим звеном структурной реформы экономики не столько потому, что медлили с преобразованиями капитала госпредприятий, сколько потому, что она - эта реформа – проникает в самое ядро традиционной плановой экономики: в сферу монополии правительства по распоряжению ресурсами. В процессе постепенных преобразований в нашей стране здесь выявилась такая «специфика», которая оказалась несовместима с рынком. Ключевым вопросом о [правах] правительства на распоряжение ресурсами является вопрос о [правах] на инвестиции. (курсив мой – М.К.)

Не получили своего разрешения две важнейшие проблемы. [Во-первых], не была создана четкая система ответственности за государственные капвложения, не сформировалась система сдержек в виде доверительного управления [государственными] капиталами. [Во-вторых], не получил разрешения вопрос о «народной» капитализации. «Народные» (по сути дела, частные – М.К.) предприятия, как и прежде, лишены преимуществ использования государственных и долговых источников капитала». [21 шицзи цзинцзи баодао, 11.10.2010] С нашей точки зрения, эти рассуждения эксперта представляют большой интерес, как в практическом, так и в научно-

теоретическом отношении. Позицию Го Лихуна, очевидно, можно понимать в том смысле, что для успеха рыночных реформ в экономике КНР преобразование инвестиционного механизма в широком смысле важнее, чем реформа госпредприятий. Иными словами, государство может, по крайней мере, в определенной степени, продолжать контролировать управление собственностью, но во имя перехода к рынку обязано кардинально перестроить принципы организации инвестиционного процесса. Это, как выясняется, существенно сложнее, ибо несет с собой непосредственные системные риски.

Весьма эмоциональным и, одновременно, многое проясняющим в механизме инвестиционных решений стало на том же «круглом столе» выступление другого экономиста-финансиста, члена совета директоров одного из региональных госбанков Ван Даюна: «Касательно вопроса об ответственности за инвестиции, прежде всего, необходимо прояснить, кто, собственно, имеет право задавать этот вопрос. Инвестор или комиссия по проверке дисциплины ЦК КПК, или, может быть, комиссия по проверке дисциплины местного парткома? Так же нужно понять, с кого, собственно, спрашивать? Всякий инвестиционный проект проходит через большое число людей, необходимо четко определить субъекта ответственности, [в частности], ясно разграничить ответственность акционера [инвестиционного проекта] и банка. Субъектом ответственности должен быть, прежде всего, инвестор, владелец. Кроме того, надо определиться с вопросом о содержании ответственности: идет ли речь лишь об отсутствии коррупции, о законности,

или вопрос ставится также об эффективности результатов [капвложений], об ответственности за ошибки в принятии инвестиционных решений». [21
шицзи цзинцзи баодао, 11.10.2010]

Основываясь на выступлениях китайской экономической печати, материалах, размещенных в ведущих сетевых изданиях КНР, оценках специалистов и интервью, проведенных автором данной работы в Пекине, Сиане и Нанкине в 2006-2010 годах, представляется возможным предметно охарактеризовать ключевых политико-административных и хозяйственных субъектов - участников накручивания инвестиционной спирали, а также общую логику их действий.

В условиях, когда права пользования земельными участками и хозяйственно-юридическая ответственность государственных банков остаются весьма неопределенными, административная вертикаль децентрализована, а цена на землю и банковский процент по кредитам определяются «многоколейными» сделками, возникает значительное пространство для создания и извлечения коррупционной ренты. «Большинство местных правительств, озабоченных «политико-административными выгодами» (читай – укреплением собственной рентно-ресурсной базы и улучшением имиджа - М.К.), выступают в качестве режиссеров-постановщиков «пьесы о заговоре с тремя участниками»: сами местные правительства, банки и предприятия договариваются о совместных махинациях со стоимостью земли и банковского кредита, имея целью получение дополнительных доходов. Воплощение этих договоренностей в

жизнь принимает форму резкого увеличения инвестиций в основные фонды в виде, преимущественно, объектов недвижимости и инфраструктуры. Это, в свою очередь, приводит к взрывному росту производства стали, цемента, электроэнергии, а также добычи сырья. Очень быстро формируется структурный а, местами, даже абсолютный дефицит электроэнергии¹⁷, сырьевых материалов и пропускных возможностей транспорта, что вызывает рост цен, в том числе и на мировых сырьевых рынках. Кроме того, инвестиционная конкуренция между региональными властями Китая способствует искусственному снижению себестоимости частных вложений, приводя к ... значительному притоку «горячих денег» из-за рубежа». [Фань Ган, Чжан Сяоцзин, 2005, с.129]

Итак, перед нами три ключевых «актера» - действующие лица «пьесы о заговоре». *Это местные правительства, банки и предприятия, достигающие между собой договоренности о манипуляции с процентной ставкой по кредиту. А также об извлечении ренты из земли и из создаваемой на ней в ходе капитального строительства недвижимости.* Рассмотрим логику действий этих актеров и роль ключевых составляющих «пьесы о заговоре» более подробно.

Местные правительства – то есть правительства провинций и руководящие инстанции нижестоящих территориально-административных единиц – суть региональные филиалы партийного государства «ленинского

¹⁷ В 2004 году локальный электроэнергетический коллапс произошел, например, в одной из наиболее развитых провинций Восточного Китая Чжэцзян. Китайская печать регулярно публикует материалы о возникновении периодических «абсолютных дефицитах энергии и сырья того или иного регионального масштаба». [Ли Цзоцзюнь, 2004; Фань Ганн, Чжан Сяоцзин, 2005, с.1-11; Цзинци гуаньча бао, 21.05.2010]

типа», персональный состав и кадровая политика в которых определяются и осуществляются через организационные отделы и комиссии по проверке дисциплины партийных комитетов соответствующих уровней. Основой для принятия кадровых решений является «система аттестации по политическим достижениям», ключевыми критериями которых за годы экономических реформ стали такие показатели как темпы роста регионального ВВП, объем привлеченных инвестиций, а также увеличение доходной части регионального бюджета. Положительная динамика по этим показателям определяет политико-административное будущее каждого значимого партийного (государственного) чиновника. Условием обеспечения такой положительной динамики является монополия региональных властей на рентно-ресурсную базу в зоне подконтрольной им территориально-производственной ответственности. В такой ситуации альфой и омегой любого местного правительства становится привлечение государственных и частных, местных и центральных инвестиций всеми правдами и неправдами. Предоставление всевозможных льгот (т.н. «особых преференций») инвесторам – по налогам, кредитам, внешней торговле, платежам за воду и электроэнергию, а также по использованию земельных угодий – превращается в своеобразное соревнование между руководством различных регионов. Однако, как отмечает большинство китайских специалистов, в силу ограниченности земельных ресурсов в КНР в основе всякой «особой преференции» лежит договоренность об использовании (передаче, аренде, покупке, закладу) инвестором земли. Китайский экономист И Ган в этой

связи прямо пишет: «Тот факт, что [региональные] правительства принимают непосредственное участие в коммерческих операциях с земельными угодьями, оказывает на рынок глубокое влияние и формирует на нем устойчивое ожидание, что в достаточно долгосрочной перспективе местные власти за счет собственных усилий не позволят ценам заметно упасть. Цены на недвижимость могут идти только вверх, но никак не вниз. Инвестиционные каналы на внутреннем рынке [Китая] весьма узкие. Нормы прибыли на фондовом и долговом рынках явно низкие. На рынке присутствует значительные объемы средств, ищущих доходного вложения. Столь благоприятные ожидания от перспективы [роста] цен на недвижимость как раз и приводят к тому, что инвесторы, в том числе и иностранные, налетают, точно мухи на варенье». [И Ган, 2004, с.33-34]

Одновременно, партийно-правительственные чиновники регионального уровня, озабоченные преимущественно задачей дальнейшего продвижения «вверх» по властной вертикали, не склонны к стратегическому планированию в области землепользования. Местные власти в принципе заинтересованы «здесь и сейчас» консолидировать максимально возможный инвестиционный пакет с тем, чтобы в кратчайшие сроки резко увеличить собственную рентно-ресурсную базу, как в политико-административном, так и в экономическом смысле. Существующие законы и подзаконные акты, равно, как и партийные решения самого высокого уровня, в частности, известное постановление III-го Пленума ЦК КПК 16-го созыва «О некоторых вопросах совершенствования социалистической рыночной экономики» (2004

год) с разделом о налоге на имущество, незначительно повлияли на стимулы и модель поведения региональных властей. Капитальные вложения в силу отмеченных выше причин и логики «многоколейного» инвестиционного процесса, идут преимущественно в основные фонды и связанные с ними проекты «по улучшению имиджа». Китайские наблюдатели признают, что «вопрос о мягком бюджетном ограничении местных правительств – это не просто результат исторически сложившихся локальных противоречий между центром и местами, но и ... проблема развития и реформы политической системы страны в целом». [Фань Ган, Чжан Сяоцин, 2005, с. 62]

Земля и недвижимость, как было отмечено выше, предстают в качестве одной из ключевых ресурсных составляющих «пьесы трех актеров». (Двумя другими такими составляющими выступают низкие издержки на живой труд и подверженный снижению в результате «многоколейных» договоренностей процент по кредиту, выдаваемому «уполномоченным» госбанком). По существующему законодательству, земельные угодья в Китае не могут находиться в частной собственности. Принятый в 2007 году в КНР «Закон о частной собственности» рассматривает землю как собственность либо «государственную», либо «коллективную». Индивидуальное и коллективное землепользование возможно лишь на правах срочной аренды. Все сельскохозяйственные угодья находятся в «коллективной собственности», из которой крестьянские дворы получают землю в обработку на условиях срочной аренды в рамках известного «подворного подряда» на селе. При этом, по «Закону об управлении землей», в том

случае, если сельскохозяйственные угодья, по той или иной причине, необходимо перевести в категорию не сельскохозяйственных, то сначала следует перевести их из «коллективной» формы собственности в ее «государственную» форму. Иными словами, большинство земель, выведенных из сельскохозяйственного оборота, находятся в КНР в собственности государства. Совокупным субъектом государства выступает партийно-правительственная вертикаль, на региональном уровне представленная местными властями. Именно они имеют юридическую и фактическую монополию на право контролировать на вверенной им территории как «государственную», так и «коллективную» собственности, осуществлять перевод собственности из одной формы в другую, а также определять порядок и условия предоставления земельных угодий в срочную аренду.

Надо сказать, что еще в конце 90х годов XX века эта монополия местных правительств не была столь очевидна и прочна. В первое двадцатилетие экономических реформ право распоряжения (кроме продажи в собственность) находящимися в фактическом владении земельными угодьями имело большинство хозяйственных и административных субъектов – предприятия, конструкторские бюро, поликлиники, научные и учебные учреждения и т.д. Однако, в мае 2001 года Госсовет КНР выпустил «Уведомление о мерах по укреплению регулирования государственной земельной собственности», в котором поддержал и, по сути дела, узаконил практику создания «государственных земельных резервов». Через эту

практику к середине нулевых годов региональные власти превратились де-факто в верховных «собственников-суверенов» всех земельных угодий, расположенных в зоне их территориально-производственной ответственности. В целях создания «стратегических земельных фондов, обеспечивающих дальнейшее развитие», местные правительства получили право принудительно отчуждать в свою пользу земельные угодья, как сельскохозяйственного, так и промышленного назначения, принадлежащие прочим хозяйственным и административным субъектам. Сумма компенсации за отчуждаемый участок должна была начисляться из расчета себестоимости участка на момент его отчуждения. Китайские экономисты И Ган и Вань Юаньюань пишут, что «такая практика [компенсации за отчуждаемые земельные угодья] не оставила крестьянским коллективам и другим арендаторам ни места, ни доли в процессе перераспределения доходов от [последующего] роста стоимости земли. Крестьянские дворы не получили право непосредственно участвовать в переговорах о назначении суммы компенсации. Их место заняли некие «коллективы арендаторов», своей сговорчивостью обеспечивавшие властям, как правило, такой уровень компенсации, который был заведомо и намного ниже потенциального уровня доходности этих угодий». [И Ган, Вань Юаньюань, 2004, с. 18] Таким образом, «коллективные» угодья становились государственными, поступая в распоряжение местных властей, а затем – различными путями передавались в аренду другим хозяйственным или административным субъектам и вновь

становились «коллективными». Однако, новый «коллективный владелец-арендатор» был уже, как правило, не земледельцем, а девелопером.

В китайской экономической литературе и деловой печати отмечают следующие пути возвращения «государственных» земельных угодий в «коллективную» форму: «передача по договору», «передача по установленной цене аренды», «безвозмездная передача», «аукцион по цене аренды» и «тендер на аренду». Ключевым организатором и патрон-контролером всех этих мер выступает местное партийно-государственное руководство. По статистике министерства земельных ресурсов КНР, в 2009 году, например, лишь 2% новых арендаторов получили землю по результатам тендеров. 98% сделок между местными властями и потенциальными арендаторами земли прошли как «аукционы», «передачи по договору» или «передачи по заранее установленной цене». [Чжан Цзинбо, 2011, с. 117]

Многие китайские экономисты и управленцы указывают, что превращение региональных правительств в «собственников-суверенов» подотчетных земельных угодий связано с налоговой реформой 1994 года. [И Ган, Вань Юаньюань, 2004; Фань Ган, Чжан Сяоцин, 2005; Тао Жань, 2010; Чжан Цзинбо, 2011] В этой связи есть основания считать, что майское «Уведомление» 2001 года, санкционировавшее создание «земельных резервов» в монопольной собственности местных властей, стало своего рода компенсацией за последствия налоговой реформы 1994 года для региональных бюджетов. Указанная реформа была призвана разделить

налоговую базу местных властей и центрального правительства с тем, чтобы, прежде всего, увеличить налоговые поступления последнего.

Законодательно закрепленный фискальный механизм в КНР до начала экономических преобразований предполагал довольно высокую степень централизации, когда местные власти обязаны были передавать все собранные поступления в столицу, а затем ожидать «налоговых трансфертов» из центра. Большинство наблюдателей, однако, сходятся во мнении, что в действительности центральным властям приходилось договариваться с местным руководством относительно размеров «квоты» поступлений в центральный бюджет. С началом экономического реформирования на рубеже 70-80х годов XX века, практика торга по «квоте» налогов, поступающих с мест в распоряжение Пекина, была выведена из тени и, по сути дела, узаконена. Однако, это привело к значительному сокращению налоговых поступлений центрального бюджета как раз в тот период, когда деньги стали играть все более значительную роль в китайской экономике. По официальным данным, около 90% совокупных доходов бюджетов всех уровней в КНР обеспечиваются налоговыми поступлениями. В 1993-1994 годах, накануне налоговой реформы, доходы центрального бюджета составляли лишь 22% совокупных бюджетных доходов страны, тогда как доходы региональных бюджетов – 78%. [Чжан Цзинбо, 2011, с. 154]

Реформа по разделению налоговой базы центра и мест, осуществленная с огромным трудом именно в силу сопротивления региональных партийно-

государственных элит¹⁸, привела к значительным переменам. К 2009 году доходы центра возросли до 52%, а доля регионов сократилась до 48%. При этом, однако, местные правительства продолжали нести ответственность за трудоустройство населения, капитальное строительство, развитие образования и здравоохранения и – альфа и омега! – высокие темпы роста ВВП. По оценкам ряда китайских аналитиков, более 75% социально-экономических процессов на местах, так или иначе, остались на балансе региональных бюджетов. Обострялась проблема их дефицитности. К концу 2009 года задолженность на балансе региональных бюджетов, по некоторым оценкам, превышала 60%. [Чжан Цзинбо, 2011, с. 157] В этих условиях местным властям была необходима некая компенсация в виде предоставления дополнительного источника для извлечения доходов. После всеобщей коммерциализации здравоохранения и образования в КНР, таким источником стало право монопольного распоряжения земельными угодьями. В настоящее время доходы от операций с землей и недвижимостью обеспечивают от 40 до 70% поступлений в бюджеты региональных правительств. [Чжан Цзинбо, 2011, с.168-170]

Отношения между местным партийно-государственным руководством, девелоперами и банками строятся по логике и принципам «многоколейной модели». Местные власти отчуждают земельные угодья у прежних арендаторов за незначительные компенсации, а затем прилагают большие

¹⁸ Курировавший эту реформу вице-премьер Госсовета КНР по финансовым вопросам и будущий премьер – Чжу Жунци полушутя утверждал, что за время переговоров с местными властями по всей стране похудел на пять килограммов.

усилия для повышения стоимости полученных площадей. Региональные правительства закладывают их в банках под высокие проценты. В 2009 году общий объем таких залоговых кредитов в 84 городах КНР составил около 30 млрд. юаней. [Чжунго цзиньин бао, 18.03.2010] Девелоперы арендуют у властей землю по той или иной непрозрачной схеме, получают от властей же право выходить на фондовый рынок, а, добившись там дополнительной капитализации, арендуют все новые земельные угодья. По расчетам экономистов из университетов Шанхая и Ханьчжоу, в 2010-2011 годах более 60-ти государственных и частных девелоперских компаний в КНР подали «предварительные заявки» на «дополнительную фондовую капитализацию» в размере до 100 млрд. юаней. [Чжан Цзинбо, 2011, с. 111; Цзинци гуаньча бао, 17.04.2011] При этом только в первой половине 2010 года у 135-ти торгуемых на китайском фондовом рынке компаний, занимающихся недвижимостью, совокупная задолженность на балансе составила почти 68%. [Чжан Цзинбо, 2011, с. 103]

Значительная часть арендованных девелоперами земель (по некоторым данным, в целом по стране более половины) никак не обрабатывается и не используется, но, по китайскому выражению, «загорает на солнце» в ожидании дальнейшего роста в цене. Земля для строительства объектов промышленности и инфраструктуры передается местными властями в аренду весьма охотно и по низким ставкам, ибо под нее планируется выручить значительные инвестиции в основные фонды. Земля же под жилищное строительство выделяется в существенно меньших масштабах и под более

высокие ставки, а само жилье реализуется по принципу «выдавливания зубной пасты из тюбика». Чем меньше объемы и скорость реализации, тем больше ажиотаж и выше цены. Именно поэтому местные власти столь неохотно идут на финансирование строительства т.н. «социального жилья»¹⁹, а промышленно-строительные зоны в китайских городах в среднем составляют не менее половины их общей площади. [Чжан Цзинбо, 2011, с. 130-131; Тао Жань, 2010, с.43]

Предприятия. Логика действий непосредственных производителей в механизме инвестиционной спирали также определяется задачей максимального увеличения собственного дохода (прибыли) в результате манипуляции с процентом по банковскому кредиту и себестоимостью земли.

¹⁹ Дискуссии и разработка проектов по вопросу о необходимости строительства жилищного фонда для малоимущих граждан – т.н. «социального жилья» - велись в научных и политико-административных кругах КНР со второй половины 90х годов XX века. В ноябре 2008 года министерство строительства КНР официально объявило о совокупных инвестициях в размере 900 млрд. юаней в социальное жилищное строительство с тем, чтобы в течение трех лет – до конца 2011 года – помочь решить жилищную проблему более чем 20 млн. человек с низкими доходами. Однако, годовой план на 2009 год по вводу в строй социального жилья к ноябрю был выполнен лишь на 23,6%, а в середине 2010 года запланированные темпы выполнения еще снизились почти на 2% в сравнении с аналогичным периодом 2009 года. [Чжан Цзинбо, 2011, с. 141] Судя по выступлениям китайской печати, местные власти практически всюду жаловались на нехватку средств. [Цайцзин, 2009, № 5, с.23-28; 2010, № 1, с. 52; Цзинци гуаньча бао, 15.06.2009; Чжан Цзинбо, 2011, с. 140-141] Согласно принятым осенью 2008 года программным документам, фонды строительства социального жилья должны были пополняться из трех источников. Это - вложения центрального правительства, фонды общественных накоплений и доход местных властей в размере 10% от «чистой прибыли» с платежей за сданные в аренду земельные угодья.

Что касается инвестиций из столицы, то они не только поступали в регионы исправно, но даже увеличивались в объемах, достигнув в 2010 году 63 млрд. юаней и превысив показатели 2009 более чем на 10 млрд. юаней. [Чжунго цзиньин бао, 3.05.2011; Чжан Цзинбо, 2011, с.141]

Практика формирования «фондов общественных накоплений» под жилищное строительство получила широкое распространение в середине-второй половине 90х годов. В период между 1999 и 2009 годами центральное правительство – в борьбе с кредитными пузырями - запретило выдавать кредиты из средств этих фондов, так как деньги шли не на жилищное строительство, а на инвестиции в промышленность и инфраструктуру. В октябре 2009 года средства этих фондов были, наконец, «разморожены» с тем, чтобы вложить их, преимущественно, в строительство социального жилья. Однако объемы этих фондов не отличались большими размерами, а рост их был незначительным.

10%-ый доход местных властей от «чистой прибыли» за сданную в аренду землю предполагает, что эти проценты рассчитываются от того объема прибыли, из которого уже вычтены расходы по отчуждению земли, компенсации за нее, проведенные на ней проектные, инфраструктурные или иные работы. Региональные власти искусственно завышают себестоимость операций по отчуждению и последующей сдаче земли в аренду, значительно сокращая тем самым объемы средств, которые должны выделяться для строительства социального жилья. [Чжунго цзиньин бао, 15.05.2011; Цайцзин, № 4, 2011; Чжан Цзинбо, 2011, с. 142-143]

Государственные холдинги и предприятия – непосредственные производственные филиалы партии-государства – в силу своего положения в политико-экономической системе обеспечены доступом к каналам («колеям») государственного кредитования на мягких условиях. Вместе с тем, и квази-государственные «коллективные» предприятия, и средние и мелкие частные производители – при условии лояльного участия в «многоколейных» сделках под контролем-патронажем партийного государства – вполне могут рассчитывать на значительное уменьшение инвестиционных издержек в виде снижения процентов по кредиту и «особых условий» по земельным сделкам.

Банки обеспечивают такую ресурсную составляющую коррупционной «пьесы трех актеров», как низкий процент по выдаваемому инвестиционному кредиту и «мягкие» условия его возвращения, вплоть до полного невозвращения и последующего списания.

О национальной банковской системе КНР и ее месте «многоколейной» модели здесь следует сказать особо. Ее реформа, согласно официальной точке зрения, миновала три последовательных этапа преобразований и в настоящее время находится на четвертом этапе.

В первый период преобразований, между 1979 и 1986 годами, приоритетные задачи реформы в аграрной сфере и курс на «внешнюю открытость» вызвали к жизни необходимость учреждения специальных сельскохозяйственного и инвестиционного банков. В 1980 году на базе министерства финансов КНР был создан китайский строительный банк. В

1983 году в соответствии с решениями Госсовета китайский Народный банк получил полномочия и функции центрального банка страны. Одновременно был учрежден китайский торгово-промышленный банк. В итоге к середине 80х годов сложилась существующая поныне институциональная основа национальной банковской системы КНР в лице Народного банка КНР (центрального банка) и четырех указанных крупнейших банков страны.

На втором этапе реформ, охватившем период между 1986 и 1996 годами, была осуществлена попытка разделить банковские учреждения страны на две категории. Первая категория, в которую попали указанные четыре крупнейших банка, а также вновь созданные китайский банк развития и китайский банк развития сельского хозяйства, были призваны обеспечивать финансирование (кредитование) «политических проектов». Речь идет о заведомо убыточных или малоприбыльных, но социально и политически необходимых программах в сферах инфраструктурного строительства, национальной обороны, социального обеспечения, охраны окружающей среды и т.д. Ко второй категории были отнесены так называемые «коммерческие акционерные специальные государственные» банки, в сферу деятельности которых должно было войти финансовое обеспечение (кредитование) хозяйственной деятельности экономических субъектов-предприятий на рыночных принципах, то есть с целью извлечения прибыли. В эту категорию попадали большинство вновь созданных банковских учреждений, как на общенациональном, так и на региональном (провинциальном) уровне. К коммерческим госбанкам общекитайского

масштаба можно отнести, в частности, китайский банк делового кредитования и тендерно-инвестиционный банк. Региональных коммерческих госбанков насчитывается ныне в КНР несколько десятков. Среди наиболее крупных и известных, созданных еще к концу 80х годов XX века, следует отнести банк развития Шэньчжэня, ипотечный банк Яньтая, банк развития провинции Гуандун, банк развития о.Хайнань, банк развития СЭЗ Пудун в г.Шанхае и некоторые другие. В настоящее время успешные региональные коммерческие госбанки имеют свои отделения по всей стране.

В 1986 году было принято решение о создании государственного почтового банка КНР с двенадцатью региональными филиалами. Одновременно на уровне провинций и даже уездов начали активно формироваться различные «инвестиционные компании», также призванные заниматься кредитной деятельностью под патронажем региональных партийно-государственных властей. В 1995 году был принят «Закон КНР о коммерческих банках».

Судя по доступной специальной литературе и выступлениям китайской прессы, реформа по разделению сферы «политического» и «коммерческого» кредитования успехом не увенчалась. «Политические» банки активно занимались коммерческими проектами, а многие «коммерческие» региональные госбанки – зачастую против своей воли – привлекались к финансированию убыточных или заведомо малоприбыльных программ. [Хэ Сяодун, 2000, с. 419-479] С целью внесения большей ясности в разделение функций госбанков, повышения финансовой дисциплины и эффективности

кредитования с весны 1996 года были предприняты усилия по созданию системы «уполномоченных банков». В 1996-1998 годах эксперименты по внедрению этой системы охватили более полутысячи государственных предприятий по всей стране. Суть идеи состояла в том, что определенный банк, какое-либо его подразделение или филиал закреплялся за определенным госпредприятием и нес ответственность за его кредитно-финансовое обеспечение – в идеале – на условиях полного хозрасчета. В сугубо институциональном смысле эта реформа прошла успешно, то есть оформление длительных контрактных отношений между коммерческими госбанками и госпредприятиями произошло. Однако, судя по всему, неразбериха с «политическим» и «коммерческим» кредитованием не только не исчезла, но даже усилилась. В новой системе складывались почти идеальные условия для налаживания неформальных и непрозрачных отношений в кредитно-финансовой сфере между «уполномоченными» банками и прикрепленными к ним предприятиями. [Чэнь Сывэй, 2006, с. 117]

Личный опыт работы автора этих строк в качестве переводчика-консультанта на коммерческих переговорах свидетельствует о том, что китайские предприятия вполне могут полулегально резервировать за собой некую квоту кредитов на определенные проекты. Затем – по сути дела, уже нелегально – предприятие договаривается с руководством «уполномоченного» госбанка о получении денег из этой квоты на очень щадящих условиях.

Несмотря на то, что официальная периодизация банковской реформы в КНР выделяет еще целых два этапа – с 1997 года по 2002 год и с 2003 года по настоящее время – структурированное содержание каждого из них и сущностные отличия друг от друга понять из имеющейся литературы достаточно трудно. Китайские наблюдатели отмечают, что со второй половины 90х годов XX века и вплоть до настоящего времени «реформа банковской сферы концентрировалась вокруг трансформации институционального механизма, оздоровления системы управления банками, обновления и расширения сферы операционной деятельности, упорядочения сети филиалов и ряда других поверхностных вопросов. Контроль над тем, как работают коммерческие госбанки, оставался сравнительно слабым». [Чэнь Сывэй, 2008, с. 10-11]

Определенной вехой здесь, конечно, следует рассматривать присоединение КНР к ВТО в 2002 году. Потенциальному и реальному влиянию членства в ВТО на банковскую систему КНР посвящена специальная литература. [Розинский, 2009; Lardy, 1998; Чэнь Сывэй, 2006, 2008; У Сяоцю, Чжао Уцзюнь, 2006; Чэнь Хуа, 2006; У Цзинлянь, 2006]

Тем не менее, весьма симптоматичной представляется мнение китайского экономиста – специалиста по банковскому сектору Чэнь Хуа: «С середины 90х годов XX столетия реформа финансовой и банковской сфер в Китае зашла в тупик. Всем давно ясно: чтобы коренным образом решить вопрос о слабости госбанков, необходимо реформировать саму суть системы их деятельности. Но дело в том, что эта система – не просто субъект

микроэкономики, а является совокупностью многосторонних интересов. В сфере договорных отношений на финансовом рынке [КНР] ведущая роль государства подавляет собой буквально все. Прочие субъекты [финансовой и хозяйственной деятельности] находятся в подчиненном положении. В отношениях между госбанками и негосударственными финансовыми учреждениями госбанки занимают ведущие позиции, а негосударственные учреждения – подчиненные. В отношениях между госбанками с одной стороны и предприятиями и вкладчиками с другой госбанки занимают господствующее положение, а предприятия и вкладчики – сугубо подчиненное. Сами так называемые «договорные отношения» здесь не являются результатом свободных соглашений, а выступают как производное от правительственного принуждения. У самих участников этих отношений – дефицит договорного сознания. » [Чэнь Хуа, 2006, с. 101-102, 107-108]

Китайские специалисты отмечают, что с политико-институциональной точки зрения ключевое отличие банковской системы в КНР от таковой в развитых экономиках состоит в том, что в первой господствует принцип партийно-государственной номенклатуры. Как и на производстве, в банковской сфере современного Китая политическая составляющая по-прежнему не отделена от экономической составляющей. Причем, как подчеркивают наблюдатели, в финансовой сфере единство политики и экономики с явным преимуществом политики, реализуется даже более последовательно и жестко, чем в реальном секторе. «В основе государственной монополии на капитал лежит политико-административная

воля, а не юридическое право на хозяйственную собственность». [Чэн Сывэй, 2006, с.89; Чэнь Сывэй, 2008, с. 140; Хэ Сяодун, 2000, с.477; У Сяоцю, Чжао Уцзюнь, 2005, с.142-154]

Весь спектр кадровой политики – назначения, ротация, поощрения, взыскания - в ведущих госбанках и коммерческих акционерных банках осуществляется в соответствии с принципами и критериями политики КПК и партийной дисциплины. Территориально-производственный признак партийной вертикали полностью воспроизводится во всех без исключения государственных и акционерных банках. Это, по мнению экспертов в КНР, существенно снижает деловую и здоровую коммерческую составляющие в деятельности банковских и иных финансовых учреждений. И, наоборот, способствует росту «нездоровой коммерческой составляющей» в смысле стремления к извлечению ренты, максимизации личных доходов и политического престижа, к «приватизации прибылей и национализации убытков». [Чэнь Сывэй, 2008, с. 90]

В условиях установки на акционирование коммерческих банков и формирование в составе их руководства советов акционеров и советов директоров, жесткое проведение в жизнь принципов партийно-государственной номенклатуры вызывает острые конфликты между акционерами и директорами, нарушает баланс интересов и порождает институциональную неразбериху. Функции и полномочия профильных подразделений ЦК КПК, Госсовета, министерства финансов, Народного банка (ЦБ), советов акционеров и директоров акционированных госбанков

лишены четких юридических и фактических границ.[Чэнь Сывэй, 2008, с.87-90, 139; Чэнь Хуа, 2006, с.104-107] Типологически сходная ситуация наблюдается и на региональном уровне. [Lardy, 1998, р. 298-312; Хэ Сяодун, 2000, с. 465-471] «Правительство – будь оно центральное или провинциальное – является совокупностью административно-политических органов, каждый из которых выполняет определенные функции. Поэтому, когда формально утверждают, что государство является основным собственником акционированных коммерческих банков, фактически право владения, распоряжения и использования банковских активов принадлежит различным правительственным органам, вроде Народного Банка Китая, Министерства финансов, Комитета по управлению госимуществом и т.д. Они выступают в лице обладателей различных прав собственности на активы коммерческих госбанков и несут определенную ответственность по реализации этих прав. Однако, в целом, права собственности и зоны ответственности по банковским активам между этими госучреждениями разделить четко вообще не представляется возможным. Банки как юридические лица не могут в полной мере реализовать собственные права и осуществлять самостоятельную операционную деятельность. Поэтому государственная монополия на капитал и принципы общенародной собственности [в сфере финансов] выхолащивают сущность банков как экономических субъектов». [Чэнь Сывэй, 2008, с. 139]

В разгар мирового финансового кризиса в 2008-2009 годах китайские экономисты на страницах известного делового ежемесячника «Цай цзин»

(«Экономика и финансы») отмечали: «В настоящее время в КНР отсутствует нормальный механизм пополнения [банковских] капиталов. В нашей стране по-настоящему существует лишь один единственный источник капитализации коммерческих госбанков. Его основу составляют финансовые вливания со стороны государства (рост государственной доли в капитализации), а прибыль от коммерческой деятельности (вклады, проценты по кредитам) играют вспомогательную роль. Государство пополняет банковские активы либо непосредственно из бюджетных средств, либо за счет выпуска долговых бумаг под собственное поручительство. Преимущественно такие способы капитализации акционерных госбанков, конечно, удобны для них и легко осуществимы. Однако здесь существует, по крайней мере, два вопроса. Во-первых, средства госбюджета не беспредельны и правительство не может постоянно закачивать капиталы в национальную банковскую систему. Увлечение выпуском долговых бумаг утяжеляет бремя государственного долга. Во-вторых, такой способ [капитализации банков] приводит к укреплению позиций и роли государства в акционерных банках, что отнюдь не способствует углублению их рыночного реформирования». [Цай цзин, 2009, № 6, с.75]

В такой ситуации, когда партийное государство выступает в качестве не просто основного, но единственного акционера банковской системы КНР, правительство страны неразрывно связывает свою политическую и деловую репутацию с состоятельностью *всей совокупности* национальных финансовых учреждений. Иными словами, сформированное и

структурируемое КПК современное китайское государство не может не выступать, по крайней мере, де-факто, в качестве высшего поручителя и последнего кредитора *всех национальных финансов*. Финансовый аналитик Комитета по Реформе и Развитию КНР Чэнь Сывэй писал в этой связи в разгар мирового финансового кризиса в ноябре 2008 года: «Имея такое скрытое поручительство со стороны правительства, большинство финансовых структур перед лицом трудностей отнюдь не горит желанием повышать норму прибыли и улучшать качество своей работы путем реформы, путем поиска внутренних резервов и самосовершенствования. Правительство не проводит санацию банковской сферы, постоянно накачивает банки ликвидностью, изобретает все новые «режимы благоприятствования», чем создает иждивенческие настроения не только в отношениях между государством и банками, но и между самими финансовыми учреждениями. Имея такого поручителя в лице государства, вкладчики не имеют представления ни о степени рисков собственных вложений, ни о важности мониторинга этих рисков. Контроль со стороны общества [над фактическим состоянием национальной финансовой системы], в какой бы то ни было форме, не играет в Китае, по сути дела, никакой роли». [Чэнь Сывэй, 2008, с. 91]

В 2010-2011 годах правительство КНР неоднократно выражало озабоченность недостаточностью собственных резервов национальной банковской системы и провело стресс-тесты для 17-ти крупнейших акционерных коммерческих банков центрального и регионального

подчинения. Стресс-тесты показали, что эти банки «устойчивы по отношению к изолированным шокам, таким, как коррекция цен на рынке недвижимости, резкие колебания курса юаня или резкое ухудшение пакета активов. Однако, если подобные события произойдут одновременно, то это серьезно затронет устойчивость китайской банковской системы».

[http://profile/NBJ_ru.htm] Эксперты МВФ пришли к заключению, что «базовые показатели ликвидности банковского сектора [КНР] выглядят здоровыми», а уровень достаточности капитала, даже в случае резкого ухудшения качества активов, не опустится ниже необходимой нормы в 8%.

[Там же] Вместе с тем, отмеченные выше особенности источников и основные механизмы капитализации банков современного Китая, с нашей точки зрения, заставляют весьма осторожно относиться как к результатам стресс-тестов, так и к конкретным цифрам наличного и потенциального уровней достаточности банковского капитала.

Уровень монетизации²⁰ экономики КНР в наши дни – один из самых высоких в мире и характеризуется постоянной повышательной динамикой. В 1985 году этот уровень составлял 58%. К 1999 году он увеличился до 105%.

[Хэ Сяодун, 2000, с.432] На исходе нулевых годов показатели монетизации экономики КНР вплотную приблизились к 170%. [Сюй Сяонянь, 2008, с.76]

Для сравнения: аналогичный показатель в экономике США в тот же период – 80%, в России – около 40%. Чрезвычайно высокий процент монетизации

²⁰ Монетизация экономики – это отношение денежной массы в широком смысле (наличные деньги, деньги на счетах субъектов хозяйственной деятельности, всевозможные вклады) к объему ВВП.

китайской экономики выглядит явным контрастом с уровнем развития и диверсификации национальной финансовой системы КНР.

Основным источником денег в экономике КНР являются колоссальные золотовалютные резервы страны, накопленные преимущественно за счет доходов от экспорта. А одним из ключевых инструментов монетарной политики выступает контроль партийного государства за золотовалютными резервами через весьма специфический механизм валютного регулирования.

Этот механизм в КНР прошел сложную эволюцию. После прихода к власти КПК в 1949 году был установлен жесткий и фиксированный обменный курс юаня к доллару США, который практически не менялся три десятка лет.

С началом рыночных реформ и созданием экспортного сектора экономики на рубеже 70-80х годов, правительство КНР обязало все экспортные предприятия продавать валютные доходы государству по фиксированному курсу. Предприятия могли также покупать валюту у уполномоченных Пекином госбанков в размере определенных квот, которые устанавливались отдельно для каждого предприятия. Размеры квот, таким образом, являлись предметом договоренности между предприятиями и вышестоящими партийно-государственными инстанциями. В равной мере предметом договоренности стали объемы валютной выручки, которые предприятия могли оставлять на своих счетах в уполномоченных банках. Затем последовало разрешение торговать квотами на валюту, что позволило расширить источники доходов, как для банков, так и для предприятий.

Одновременно расширялось и поле непрозрачных валютных сделок между субъектами системы.

В 1981 году начал действовать «двойной обменный курс», предполагавший параллельное существование «официального» курса, фиксированного к доллару США, и «рыночного» курса для расчетов по экспортно-импортным операциям. Механизм установления последнего был весьма сложным и лишь условно «рыночным», ибо зависел от курса покупки госбанками валюты у экспортных предприятий. Между тем, «валютные реформы» 1981 года имели для экономики КНР огромное значение, ибо они заложили существующее и поныне разделение механизмов формирования валютных курсов по счету текущих операций и по счету движения капиталов. По счету текущих операций юань конвертируется в пределах операционных объемов, устанавливаемых государством. По счету движения капиталов юань не конвертируется.²¹

В 1985 году в КНР (в экономической зоне Шэньчжэнь) открылась первая валютная биржа. На рубеже 80-90х годов XX века валютные биржи (рынки) в Китае переживали период бурного роста. Именно на них предприятия-экспортеры, посредники и прочие участники рынка торговали валютными квотами, обменивали валюты в пределах легально и не очень

²¹ Конвертируемость по текущим операциям означает возможность для резидентов и нерезидентов свободно обменивать национальную валюту на иностранную для совершения сделок по счету текущих операций платежного баланса. В случае с КНР речь идет, прежде всего, об экспортно-импортных операциях для предприятий и валютном обмене для физических лиц. Так, в 2005 году физические лица в Китае получили право одновременно обменять 5 тыс. долларов США. В настоящее время граждане КНР могут купить иностранную валюту в размере до 50 тыс. долларов США.

Конвертируемость по счету движения капиталов означает обмен валюты для совершения операций по счету движения капиталов и кредитов в платежном балансе. Здесь имеется в виду свобода прямых и портфельных инвестиций в иностранной валюте для резидентов и нерезидентов КНР как внутри страны, так и за ее рубежами.

легально обговоренных с государством объемов, проводили иные финансовые операции с юанем. Различие рынков, характера и объемов договоренностей между субъектами системы и т.д. обусловили множественность курсов. Одновременно существовал и курс «черного рынка».

В 1994 году был установлен единый обменный курс юаня, привязанный к корзине валют, состоящей из доллара США, японской йены и гонконгского доллара. Позднее в корзину был включен евро. Этот курс провозглашался ЦБ. Уполномоченные банки получили возможность устанавливать собственный курс в пределах 0,25% от основного курса. В случае значительных колебаний на валютных рынках, ЦБ прибегал к интервенциям. Были также созданы межбанковские валютные рынки.

Вместе с тем, объемы операций на валютных рынках всех типов достаточно жестко регулируются государством, в распоряжении которого для этого имеются многообразные не экономические рычаги.

Во-вторых, доллар сохраняет долю более 90% в корзине валют, относительно которой рассчитывается официальный курс ЦБ.¹

В-третьих, ЦБ под предлогом необходимости проведения «валютных интервенций» постоянно вмешивается в деятельность валютных рынков, стремясь поддерживать курс юаня на определенном уровне.

В-четвертых, неконвертируемость юаня по счету движения капиталов сохраняется в полной мере.

В-пятых, монетарные власти партийного государства по-прежнему сохраняют административные возможности прямого воздействия на все аспекты механизма валютного регулирования в КНР.

Золотовалютные резервы КНР тесно связаны с монетарной политикой правительства. Бывший сотрудник центрального аппарата Народного Банка Китая, а ныне преподаватель экономических дисциплин в вузах Пекина Цин И отмечает: «Основной функцией валютных накоплений в любой стране является оплата импортируемых товаров и услуг, а также – возможно – погашение внешней задолженности. Обычно валютные накопления государства в размере 40% от стоимости годового импорта считаются оптимальными. Большой объем валютных накоплений чреват падением их покупательной способности за счет снижения курса резервной валюты. Что касается Китая, то оптимальный объем валютных накоплений остался где-то далеко в прошлом. По крайней мере, до 1995 года. Вследствие чего в КНР возникли явно избыточные валютные накопления? Ответ состоит в том, что в нашей стране накопления в валюте выступают не только в виде источника для оплаты импорта, но рассматриваются в качестве самого главного инструмента монетарной политики. Монетарные власти Китая после покупки ими валюты контролируют свободные (т.е. не размещенные в резервах государства – М.К.) валютные средства путем векселей и других инструментов для того, чтобы не допустить колебаний на валютном рынке».

[Цин И, «Чжунго чжэнцзюань бао» («Известия фондового рынка Китая»), 1.08.2011]

Начиная с 2000 года, валютно-монетарный механизм в Китае выглядит следующим образом. Уполномоченные Народным Банком (ЦБ) госбанки в принудительном порядке скупают у предприятий-экспортеров обговоренный объем валютных доходов по установленному курсу. Затем упомянутые банки ссужают ЦБ полученными валютными средствами в обговоренном объеме и под установленный процент. Полученные таким образом валютные средства ЦБ КНР частично направляет на пополнение золотовалютных резервов, а частично – переводит в юани и использует для дополнительной капитализации национальной банковской системы, то есть в установленных (договоренных) объемах и формах передает в распоряжение банков. Последние через кредитную деятельность доводят средства до конечных потребителей – хозяйственных и политико-административных субъектов. Одновременно ЦБ в целях контроля над инфляционными процессами стремится хотя бы частично «стерилизовать» вбрасываемые в экономику денежные средства через повышение требований к нормам резервирования госбанков, а также путем выпуска и принудительной продажи госбанкам собственных долговых бумаг. В результате госбанки КНР выступают держателями долга ЦБ.

Учитывая описанные выше особенности валютно-монетарного и кредитного механизмов в национальной финансовой системе КНР в целом, возникают, по крайней мере, два вопроса.

Во-первых, можно ли рассматривать долговые обязательства ЦБ КНР перед другими пекинскими и региональными банками в качестве составной части государственного долга этой страны?

Во-вторых, следует ли относить проблемы, связанные с управлением этим долгом, к категории проблем государственного бюджета?

Ряд китайских экономистов, в частности, Чжоу Цижэнь, склонны отвечать на эти вопросы утвердительно. [Цзинцзи гуаньча бао, 13.09.2011] Практически это означает, что партийно-государственные органы всех уровней, ЦБ, центральные и региональные госбанки и кредитуемые предприятия в КНР находятся в одной долговой лодке.

Итак, *источник* денежной накачки китайской экономики – золотовалютные резервы, то есть, в значительной мере, валютные доходы экспортных отраслей, выкупленные государством по установленному курсу (с теми или иными административно санкционированными отклонениями). Первый ключевой *инструмент* монетарной политики это - контроль партии-государства над механизмом валютного регулирования. Второй ключевой *инструмент* китайского «чуда монетизации» – это контроль партии-государства над банками и их кредитной деятельностью. Вплоть до настоящего времени эта деятельность является *основным каналом* монетарной политики, то есть тем механизмом, с помощью которого деньги доводятся непосредственно до предприятий и иных субъектов экономической деятельности. Причем четыре госбанка-монополиста

обеспечивают до 70% всего объема кредитования национальной экономики.

[Чэнь Сывэй, 2006, с.101]

Китайские специалисты неоднократно указывают на многоцелевой характер монетарной политики в КНР. Основными целями признаются *поддержание стабильного курса национальной валюты, трудоустройство населения, обеспечение роста ВВП, реформа госпредприятий, стимулирование внутреннего спроса, профилактика финансовых рисков, структурное совершенствование национальной экономики, стабильность и развитие фондового рынка* (курсив мой – М.К.). [Се Пин, 2001; Чэнь Сывэй, 2008, с.71] Очевидно, что большинство перечисленных важнейших задач монетарной политики Пекина носит ярко выраженный политический характер. Финансовое обеспечение этих задач принимает форму, по сути, политических кредитов, выдаваемых госбанками. Здесь как раз и следует искать коренную причину крайней сложности, а зачастую и невозможности, разделение «политического» и «коммерческого» кредитования. «Поскольку основные вопросы, с которыми сталкивается китайская экономика, носят структурный характер, постольку поддержание фиксированного курса обмена валюты является ключевым условием проведения той или иной монетарной политики. Вследствие того, что местные власти в КНР сильно влияют на банковскую систему, а предприятия зачастую руководствуются отнюдь не рыночными целями, независимость монетарной политики в Китае подвержена серьезным ограничениям, а ее

эффективность существенно ослаблена». [Фань Ган, Чжан Сяоцин, 2005, с. 94]

Так или иначе, по единодушной оценке китайских финансистов-практиков и ученых главный путь денежной массы в экономику КНР пролегает по каналам кредитной деятельности госбанков. Роль и место каналов и инструментов прямой капитализации (фондовый рынок, долговые инструменты и т.д.) остаются для большинства субъектов экономической деятельности в КНР крайне незначительными. Более того, динамика соотношения способов капитализации предприятий и других политико-административных и хозяйственных субъектов за годы экономических реформ свидетельствует об укреплении позиций банковского кредита. Здесь наблюдается весьма любопытная и, с нашей точки зрения, характерная тенденция. Дело в том, что во второй половине 80х и в 90е годы прошлого века, когда в КНР впервые появились инструменты прямой капитализации в виде фондового рынка и долговых бумаг, их доля как источников денег для предприятий заметно росла. В 1981 году они составляли лишь около 2%, но в 1996 году уже почти 12%, а в 2001 – не менее четверти от прочих (банковских) инструментов капитализации. Многие китайские эксперты в те годы давали оптимистичные прогнозы дальнейшего сокращения доли банковского кредитования в капитализации предприятий и успешного становления внутреннего рынка капиталов и долгов. Однако, начиная с 2002 года, эта тенденция не получила продолжения. Казалось бы, вопреки логике успешных рыночных реформ, в результате которых предприятия все больше

используют многообразные каналы капитализации, доля кредитов госбанков вновь резко пошла вверх. К концу 2003 года прямые источники денег обеспечивали вновь не более 12% финансовых нужд предприятий (ровно столько, сколько в 1996 году). Капитализация предприятий на фондовом рынке занимала менее 2% от этих 12%. Доля же кредитов госбанков увеличилась, по разным оценкам, с 70-75% до 85-91%. [Чэнь Сывэй, 2006, с.101; Чэнь Хуа, 2006, с.81-82] Спустя целых семь лет, к концу нулевых годов, доля банковского кредитования в капитализации предприятий по-прежнему не опускалась ниже 85%. [Шан Фулин (ред.), 2008, с.93; 2010, с. 96]

Китайские финансовые аналитики склонны объяснять низкую долю инструментов прямой капитализации в КНР «недостаточной развитостью фондового и долгового рынков», а также «небольшим объемом финансовых активов, находящихся в распоряжении населения». [У Сяоцю, Чжао Уцзюнь, 2006, с.154-198; Чэнь Сывэй, 2006, с.101]

Данные аргументы не объясняют указанную тенденцию к восстановлению - после заметного снижения в 90е годы - чрезвычайно высокой доли банковского кредитования в капитализации предприятий и ее устойчивому сохранению вплоть до настоящего времени. Невольно создается впечатление, что что-то «надломилось» и в ходе реформы финансовой системы страны, и в поведении субъектов хозяйственной деятельности. Представляется, что в контексте становления и стабилизации «многоколейной» модели этот «надлом» вполне объясним. *С одной*

стороны, рыночная реформа финансово-инвестиционной системы страны поставила в полной мере вопрос о необходимости ухода от партийно-государственной монополии по владению и распоряжению финансовыми ресурсами. Этот рубеж так и остался не взятым, ибо и не мог быть взят без кардинальных политико-институциональных изменений в системе партийного государства. Отсюда проистекает «недостаточное развитие фондового и долгового рынков».

С другой стороны, сами предприятия, будучи включенными в поле «многоколейных» сделок с партией-государством и – под патронажем последней – друг с другом, достаточно быстро поняли (вынуждены были понять), что по скорости получения «живых денег» ни фондовый рынок, ни долговые инструменты не могут сравниться с банковским кредитом, выданным под партийно-государственное поручительство. А «живые деньги», как уже неоднократно отмечалось, - это важнейшее средство расчетов в поле «многоколейных» сделок. Отсюда – стабильное доминирование косвенных методов капитализации (т.е. банковского кредита). Отсюда же - прямо-таки фантастические масштабы монетизации экономики КНР в сравнении со степенью диверсификации и развития институтов ее финансовой системы.

Ключевая политико-административная и экономическая особенность кредитно-денежного механизма КНР состоит в том, что «ЦБ осуществляет процентную политику путем официального объявления установленной им суммы процента по вкладам и кредитам. Коммерческие банки не имеют

право самостоятельно устанавливать [стоимость денег] и испытывают затруднения в процессе осуществления рыночных сделок по активам, долгам и т.д. Инерция [административных] процентных ставок серьезно ограничивает их деловой потенциал». [Чэнь Сывэй, 2006, с.71]

Материалы китайской научной и деловой периодики позволяют утверждать, что руководство акционерных коммерческих банков имеет реальную возможность «модифицировать» в собственных интересах установленный ЦБ процент по кредитам. В контексте описания механики «сговора» между региональными партийно-государственными властями и банками речь об этом уже шла. Однако в любом случае договоренность о такой «модификации» предполагает «многоколейную» сделку с глубоко эшелонированной системой гарантий, доходящей в ряде случаев до высших монетарных властей в столице.

Поскольку кредиты госбанков представляют собой основной инструмент и канал монетарной политики партийного государства в КНР, то именно госбанки оказываются на переднем крае борьбы с макроэкономическими диспропорциями. Иными словами, всякое изменение макроэкономического курса властей КНР непосредственно и ощутимо сказывается, прежде всего, на состоянии национальной банковской системы. [Чэнь Сывэй, 2008, с. 71-71] Однако специфика устройства национальной финансовой системы КНР в целом и ее банковской составляющей в частности дают основания усомниться в том, что монетарные диспропорции (например, избыточное количество денег в обращении) можно лечить лишь

средствами монетарной политики. Известный китайский финансовый аналитик Сю Сяонянь, выступая на региональном финансовом совещании в Шанхае весной 2008 года, в этой связи говорил: «Основными источниками избыточной денежной массы в экономике Китая являются текущие счета и депозиты госбанков. То есть, их кредитная деятельность и находящиеся на их счетах вклады населения. Наши исследования показывают, что бороться с избыточной ликвидностью, уповая только на изменение курса монетарной политики, крайне затруднительно. Необходимо способствовать продвижению рыночной реформы финансовых институтов, ослаблять административные ограничения в сфере национальной финансовой системы, снижать запретительные «пороги» [для капитализации негосударственных предприятий], расширять сферу применения небанковских финансовых структур. Право предприятий на самостоятельную капитализацию до сих пор не реализовано. Объемы инвестиций санкционируются сверху. [Выбор предприятием] той или иной формы капитализации также должен получить разрешение руководства. Время получения денег, их стоимость (т.е. процент по получаемому кредиту – М.К.) – все требует согласования с начальством. Это серьезно ограничивает возможности хозяйственной деятельности не только предприятий, но и самих финансовых учреждений. Монетарные методы борьбы с избытком ликвидности должны быть обязательно дополнены переходом финансовой системы страны на рыночные рельсы».

[Сю Сяонянь, 2008, с. 77] Однако на пути таких преобразований встают многочисленные системные препятствия, описанные выше.

Итак, задачи максимизации дохода (как в материальном плане, так и в смысле политико-административного престижа) от «многоколейных» сделок и ряд других социально-экономических целей диктуют необходимость сохранения повышательной тенденции роста ВВП. Основным финансовым источником для решения этих задач выступает увеличение объемов кредитов, предоставляемых политико-административным и хозяйственным субъектам всех уровней государственными банками как центрального, так и регионального подчинения на различных «белых», «серых» и «черных» условиях. Растущие кредиты госбанков обеспечиваются соответствующим увеличением объема денежной эмиссии. А объемы эмиссии в значительной мере зависят от того, каким образом работает механизм валютного регулирования.

Следует со всей определенностью подчеркнуть, что изменение существующего механизма валютного регулирования будет иметь непосредственное и чрезвычайно глубокое воздействие не только на финансовое устройство КНР, но и на социально-экономическую стабильность этой страны в целом. Воплощение в жизнь декларируемой правительством цели достигнуть в определенной перспективе полной конвертируемости национальной валюты и все разговоры о превращении юаня в региональную (или даже мировую) резервную единицу упираются в необходимость кардинальной перестройки механизма валютного регулирования. Такая перестройка предполагает:

во-первых, отказ китайского государства от квотирования объемов валютных операций по текущим счетам,

во-вторых, либерализацию курса юаня по счету движения капиталов.

Однако, такие меры, при сохранении прочих системных параметров – партийно-государственной монополии на власть, примата государства в сфере финансов, инвестиционно-затратной модели экономического роста – неизбежно приведут к социально-экономическому хаосу.

Во-первых, партийное государство утратит рычаги контроля над монетарной и кредитной политикой.

Во-вторых, утрата партийным государством этих рычагов контроля неизбежно приведет к нарушению всей совокупности «многоколейных» договоренностей внутри правящего политического класса и экономических элит КНР. Это, в свою очередь, подстегнет хозяйственных и политико-административных субъектов системы к ненормативному поведению, к «игре не по правилам».

В-третьих, государство утратит контроль над объемами притока средств в иностранных валютах на внутренний рынок страны.

В-четвертых, будут потеряны механизмы мониторинга инфляционных процессов.

В-пятых, произойдет неизбежное падение темпов экономического роста. На внутреннем рынке это случится в силу возникающей неразберихи с объемами и направленностью банковского кредитования. В экспортном

секторе падение темпов будет следствием притока в страну «горячих» денег и неконтролируемого роста курса юаня.

В-шестых, утрата партийным государством роли верховного поручителя и последнего кредитора всех национальных финансов неизбежно переведет в практическую плоскость ныне латентную проблему обслуживания суверенного долга страны. В силу описанных выше особенностей создания и пополнения банковских активов, а также учитывая ключевое место банковского кредитования в капитализации предприятий, «плохие долги» на счетах банков, корпоративного сектора и региональных администраций в КНР можно с уверенностью рассматривать как составные части суверенного долга. Оценки объема этого долга значительно расходятся – от 40 до 100 и более процентов к ВВП. [Chang, 2000, p. 25; Чэнь Хуа, 2006, с. 63]

С нашей точки зрения, главная проблема не столько в физическом (денежном) объеме суверенного долга КНР, сколько в том, что

во-первых, партийное государство до сих пор остается его единственным поручителем,

во-вторых, в экономике страны накоплен огромный объем *долговых претензий* различных хозяйственных и административных субъектов друг к другу. Будучи активированы уходом государства с позиции последнего кредитора, эти претензии, вне зависимости от того, сколько конкретно денег за ними стоит, вполне способны основательно расшатать существующую в Китае экономическую модель.

Иными словами, переход к полной конвертируемости юаня несет огромные риски для системной безопасности КНР.

Осуществляемый по принципам «многоколейных» сделок территориально-производственный контроль партийного государства КПК последовательно над всеми описанными институтами финансовой системы и фазами инвестиционного процесса позволяет ему сохранять и воспроизводить собственную монополию на власть. В данном случае, через монополию на определение структуры, объемов и направлений движения ключевых финансовых потоков.

Здесь следует остановиться и, так сказать, обобщить контекст. Описанный выше механизм инвестиционной деятельности в КНР является, по сути, ключевым мотором впечатляющего экономического роста этой страны и – одновременно – основным источником ее макроэкономической нестабильности. Некоторые китайские экономисты склонны характеризовать столь высокие темпы увеличения ВВП КНР «ростом, взятым взаймы у будущих поколений», имея в виду низкую эффективность капиталовложений. [Чэнь Хуа, 2006, с.61-64] В середине нулевых годов ряд экспертов даже отмечали, что в сравнении с другими «новыми индустриальными» странами Восточной Азии КНР развивается слишком медленно, учитывая те огромные финансовые, сырьевые и демографические ресурсы, которые вкладываются в ее экономический рост. [Вулф, 2005, с. 40-42]

«Разрешительно-реестровый» принцип сохраняет окончательную санкцию-«отмашку» для каждого конкретного инвестиционного проекта в руках партийно-государственной вертикали, так что базовый структурный элемент «многоколейной» модели здесь на лицо. Вместе с тем, конкретные права в пределах этой вертикали, как это имеет место и в сферах ценообразования и собственности, заметно децентрализованы, а критерии юридической, хозяйственной и политико-административной ответственности при реализации этих прав весьма размыты. Процессы разработки и формирования инвестиционных проектов, равно как и порядок их представления к утверждению, и сама санкция-«отмашка» - суть игра хозяйственных и политико-административных субъектов на поле «многоколейных» сделок, конечной целью которой является получение максимально выгодных («мягких») условий – можно сказать, «оптимальной колеи» - для реализации проекта. Одной же из важнейших целей этой реализации выступает увеличение («максимизация») рентно-ресурсной базы субъектов-участников сделки в соответствии с описанными нами ранее основными принципами. К таковым, говоря кратко, относятся: «делись с вышестоящим начальством», «сохраняй системную лояльность в виде готовности к новым сделкам» и «обеспечивай потенциал роста рентно-ресурсной базы ключевых субъектов системы». Очевидно, что для данного поля отношений не характерен высокий уровень доверия между субъектами-участниками сделок, и они предпочитают оставаться в пределах уже наработанных «колеи». В частности, проще теневым образом «разукрупнить»

инвестиционный проект с тем, чтобы, сохранив или даже увеличив его совокупную стоимость, иметь возможность получать санкцию на выполнение от наиболее «вертикально» близкой партийно-государственной инстанции, условия сделки с которой в принципе известны, понятны и приемлемы. Заявлять реальные объемы инвестиций и отправляться за «отмашкой» на «верхние этажи» чревато ростом бюрократических издержек и имеет смысл, очевидно, лишь в том случае, если игра действительно стоит свеч. В этом случае как раз и применяется «ловля» вышестоящего начальства и связанных с ним крупных инвесторов «на крючок». Ключевая динамическая особенность «многоколейной» модели – воспроизводство партией-государством собственных монопольных позиций и одновременное стремление субъектов системы хотя бы частично покинуть ее пределы – здесь также явно прослеживается.

Объем стоимости инвестиционного проекта – важнейший фактор, определяющий не только уровень санкционирующей инстанции и параметры санкционированной «колеи», но и объемы ренты всех участников сделки, которые в процессе «освоения» средств предстоит так или иначе поделить и приватизировать. Кроме того, чем больше реальная стоимость проекта, тем на большее количество «живых денег» могут претендовать его участники. А «живые деньги», полученные, как правило, по каналам льготного госбанковского кредитования, – важнейшее средство платежей в высоко монетизированной среде «многоколейных» рентно-договорных отношений. Инвестиции именно и, прежде всего, в основные фонды рассматриваются,

таким образом, как наиболее ликвидные – и с точки зрения политико-административного престижа, и с точки зрения максимально возможного увеличения объемов доступных в каждый данный момент средств. Отсюда – отмечаемое большинством китайских и зарубежных наблюдателей перенакопление капитала и рост избыточных основных фондов в экономике современной КНР. В условиях совокупного национального накопления таких масштабов, ключевым фактором снижения конкурентных издержек неизбежно становится уменьшение фондов оплаты труда. Это обстоятельство, с нашей точки зрения, является базовым системным препятствием на пути перехода КНР к экономике, опирающейся на рост потребительского спроса. *Иными словами, значительное и реальное увеличение внутреннего потребления в современном Китае, а тем более – превращение потребительского спроса в один из основных драйверов экономического роста являются системно неприемлемыми для «многоколейной» модели, так как предполагают кардинальную перестройку всей совокупности сложившихся за десятилетия реформ формальных и неформальных институтов и практик рентно-договорных отношений. Гипотетически вполне допустимо, что именно рост внутреннего потребления может явиться катализатором демонтажа «многоколейной» модели и перехода от нее к «рынку, как системе».*

Реформа механизмов инвестиционного процесса в Китае является магистральным направлением движения в сторону смены «фондо-накопительной» модели роста на «потребительскую» модель. Однако, как

выясняется, именно она-то и продолжает оставаться «наиболее отстающей», символизируя «последний бастион плановой экономики». Происходит это не один десяток лет, по справедливому замечанию китайского финансиста Ван Даюна, потому, что преобразования в этой сфере неизбежно метят в «святую святых» политико-экономической монополии – право правительства (читай – партийного государства «ленинского типа» - М.К.) сохранять и воспроизводить свое место и положение в системе через контроль над механизмом капитальных вложений. А этот механизм, в свою очередь, является ключевым генератором ренты-дохода и, одновременно, способом его изъятия и передела для основных политико-административных и хозяйственных субъектов «многоколейного» системного поля.

Здесь мы вплотную подходим к обстоятельству принципиальной важности. Как считает Ван Даюн, именно в ходе попыток постепенной реформы инвестиционного механизма в Китае выявилась некая «специфика», которая оказалась «несовместима с рынком». Сам автор этих формулировок в своем интервью не дал развернутых характеристик упомянутой «специфики». Однако, в контексте всего изложенного, его мысль вполне ясна. *Допущение рыночных принципов в инвестиционный процесс и постепенное превращение их в законодательно регулируемые самодостаточные механизмы неизбежно приводит к самоликвидации партийно-государственной монополии на власть. Добавим, что понятие «инвестиционный процесс» здесь следует понимать в самом широком смысле, включающем, по сути дела, всю национальную финансовую*

систему, в которой партия-государство, как говорилось выше, играет роли крупнейшего держателя капиталов и институционального инвестора, последнего кредитора, верховного поручителя и законодателя.

На такую самоликвидацию партия-государство «ленинского типа» пойти, разумеется, не может. Более того, китайские экономисты самых различных идейных оттенков – от «либерала» Фань Гана до «охранителя» Лю Гогуана – в один голос указывают на «объективные причины» невозможности перейти к «рынку как системе» в сфере инвестиционного механизма. Отказ от командно-административных рычагов в виде «разрешительных» принципов для капвложений, принудительного ограничения кредитной эмиссии и т.д. неизбежно приведет к макроэкономическому хаосу с возможными системными последствиями, так как объемы и структура инвестиций нерациональны, а их эффективность не отличается высоким качеством. Эти аргументы, очевидно, справедливы. Однако, китайские наблюдатели при этом не склонны акцентировать другое, в свете изложенного материала не менее очевидное обстоятельство. *Дело в том, что сохранение принципов «социалистического планового хозяйства» в основе инвестиционного процесса само по себе не делает качество капиталовложений лучше, а лишь способствует удержанию в приемлемых рамках общих макроэкономических параметров развития национальной экономики современного Китая. Иными словами, «многоколейная» модель воспроизводит не поддающийся*

реформированию порочный замкнутый круг: отказ от партийно-государственного контроля и посредничества при заключении инвестиционных сделок ведет к макроэкономическому хаосу. Одновременно, именно эти же самые контроль и посредничество формируют ту институциональную среду, в которой рождаются системные предпосылки для этого макроэкономического хаоса.

Выше мы уже отмечали то, на первый взгляд, парадоксальное обстоятельство, что многие рациональные шаги по политическому и социально-экономическому реформированию в партийных государствах «ленинского типа» зачастую на выходе превращаются в собственную противоположность, то есть не уменьшают, а – наоборот – увеличивают иррациональность системы. При определенных условиях такие меры способствуют коллапсу всего партийно-государственного устройства, то есть становятся *системно-иррациональными*. Страсти вокруг преобразований в механизме инвестиционного процесса в КНР, с нашей точки зрения, являются блестящей, убедительнейшей иллюстрацией того, почему и как это происходит. В самом деле, попытки решительных рыночных реформ в этой сфере - вполне рациональные действия - ведут к системно опасной макроэкономической напряженности. Торможение же этих реформ – меры, также имеющие рациональные основания – способствуют лишь закреплению и воспроизводству глубинных системных причин, вызывающих те же самые макроэкономические диспропорции. Получается

замкнутый круг рациональных действий, приводящих к совершенно иррациональным результатам.

В этом контексте нам представляется возможным вернуться к обозначенной ранее проблеме поиска ключевой «иррациональной зоны», «не реформируемого звена» партийного государства «ленинского типа». Полагаем, что тридцатилетний опыт «постепенно-частичных» преобразований в КНР может быть в этом плане солидным практическим и теоретическим подспорьем. *Исходя из динамики становления и функционирования «многоколейной» модели в современном Китае, мы склонны считать, что такой «иррациональной зоной» системы, которая принципиально несовместима с институтами и практиками рынка, является не столько «партийное государство» как таковое и даже не «партийно-государственная» собственность, сколько партийно-государственный контроль над инвестиционными механизмами и процессами в широком смысле.*²² То есть речь должна идти не только о том,

²² В этом отношении большой интерес представляет история политико-экономической эволюции партийно-государственной власти Гоминьдана в Китайской Республике на Тайване. С 1949 года вплоть до начала 90х годов XX века Гоминьдан на Тайване функционировал вполне в соответствии с принципами «ленинского» партийного государства, построенного по территориально-производственному признаку. Имел место на Тайване и феномен «партийной собственности» Гоминьдана, распространявшейся на все ключевые и наиболее доходные отрасли экономики острова. Тем не менее, либерализация режима и – впоследствии – переход к реальной конкурентной многопартийности на рубеже XX-XXI веков не сопровождались на Тайване ни социально-политическим обвалом, ни затяжным экономическим спадом. Гоминьдановская система партийного государства продемонстрировала поразительные способности к внутренней эволюции, ярко контрастирующие с крахом «социалистических» партийных государств в бывшем СССР и на Востоке Европы. Ряд современных отечественных и зарубежных экспертов высказывают мнение, что и в КНР существует потенциал развития по «тайваньскому сценарию». Мы склонны относиться к этим оценкам с большой долей осторожности. Проблема анализа истоков потенциала и механизма эволюции Гоминьдана на Тайване – тема большого и самостоятельного исследования. Как известно, «дьявол кроется в деталях». В данном случае, в деталях различий политико-административных и экономических практик «ленинских» государств по обе стороны тайваньского пролива. Здесь мы выскажем лишь собственную гипотезу, согласно которой механизмы обратной связи с оппозицией через систему местных выборов и иные, по сравнению с КНР, роль и место партии-государства в инвестиционном процессе, позволили Китайской Республике на Тайване счастливо избежать системного коллапса в процессе перехода к политическому плюрализму.

кто и как санкционирует инвестиционные проекты определенного объема, но о том, кто и как контролирует денежную и кредитную политику, курс национальной валюты, ключевые финансовые потоки и прочие механизмы капитализации, вроде, скажем, фондового рынка. Когда все это, как в современной КНР, находится под партийно-государственным контролем, реализующимся по принципу патронажа-посредничества в «многоколейных» сделках, то государство вполне может пойти даже на известное сокращение своей доли в управлении собственностью. Главное – чтобы источники, механизмы и каналы капитализации оставались под контролем. Если этот контроль будет утерян, то неизбежным видятся не только серьезные макроэкономические потрясения, но и демонтаж всей системы партийного государства «ленинского типа».

Поэтому не удивительно, что именно политико-институциональная среда и финансово-инвестиционная сфера до сих пор являются в КНР «последними оплотами социалистической плановой экономики». По нашему мнению, указанные области, или, говоря конкретнее, характерные для них институты и практики как раз и станут «жертвой акта окончательного сжатия» «социалистической системы» в Китае.

Анализ доступного эмпирического материала позволяет также утверждать, что в сферах ценообразования и управления собственностью принцип «многоколейной» модели - то есть принцип непрозрачных

договоренностей-сделок по вопросам о создании и переделе ренты-дохода под патронажем и при посредничестве партийного государства – стал необратимым. *В сфере же кредитно-инвестиционной, в условиях нарастания макроэкономической напряженности партийное государство позволяет себе не договариваться с субъектами системы, а неизменно возвращается к использованию открытого и скрытого административного принуждения. Здесь, с нашей точки зрения, и располагается «ахиллесова пята» «многоколейной» модели, которая, при некотором стечении объективных и субъективных обстоятельств, может привести к коллапсу всей конструкции и, следовательно, к демонтажу партийного государства «ленинского типа» в КНР.*

Теперь рассмотрим на уровне типологической модели цикл воспроизводства административного принуждения в «многоколейном» социализме с китайской спецификой».

«Ахиллесова пята» «китайского чуда». Цикл воспроизводства административного принуждения

Циклы воспроизводства административного принуждения (фактически, в условиях неприкосновенности институтов партии-государства речь должна идти о политико-административном принуждении) в эпоху реформ в КНР, по сути дела, совпадают с циклами «урегулирования макроэкономической напряженности». Под «макроэкономической напряженностью» китайские специалисты традиционно понимали высокие (двузначные) темпы роста

ВВП, сопровождаемые резким ростом инвестиций, преимущественно - в основные фонды, социально дестабилизирующим ростом инфляции, резким обострением структурных дефицитов на внутренних рынках и образованием так называемых «узких горлышек» в виде недостатков тех или иных видов сырья, электроэнергии, инфраструктурных мощностей. При этом наблюдаются такие явления, как общее снижение эффективности капитальных вложений и их неадекватная структура. В китайской и зарубежной специальной и публицистической литературе совокупность перечисленных характеристик макроэкономической нестабильности именуют «перегревом экономики».

В качестве основной причины периодически возникающих «перегревов» китайские наблюдатели склонны называть два обстоятельства.

Во-первых, «переходное состояние» экономики КНР, когда, «в условиях сохранения мягкого бюджетного ограничения для местных правительств и госсектора, стремление к всемерному наращиванию инвестиций по-прежнему остается очень сильным». [Чжан Сяоцинъ, 2005, с. 56-57]

Во-вторых, способности правительства к макроэкономическому регулированию оставляют желать много лучшего.

Сформулированные и обоснованные нами выводы о том, что «многоколейная» модель в КНР характеризуется постоянным воспроизводством «системы ленинского типа» в условиях спекулятивного симбиоза «плана и рынка» и, следовательно, типологически соответствует

сценарию «самораспада» (по Чанади), в целом, думается, подтверждают тезис Корнаи о сохраняющемся в системе и при реформах примате бюрократического координирования. Нет оснований полагать, что в первом блоке (монополия на власть партийного государства) в КНР произошли какие-либо кардинальные перемены. Между тем, сначала «двухколейная», а затем «многоколейная» модели ценообразования, также как и обстоятельства формирования «многоколейной модели» собственности, с нашей точки зрения, существенно дополнили стимулы и характер поведения большинства политико-административных и хозяйственных субъектов «системы». Практика «многоколейных» сделок и их монетизация, как в сфере ценообразования, так и в структуре собственности, как уже говорилось, не подорвали системообразующей роли бюрократического координирования и мягкого бюджетного ограничения. Тем не менее, они значительно усилили фактор непрозрачного торга между субъектами системы, по-новому высветили проблему форсированного роста, обострили ресурсные дефициты (в том числе, дефицит наличных денег) и повысили открытую макроэкономическую напряженность до значений явно «выше среднего». Каждый макроэкономический цикл в КНР эпохи реформ сопровождался усилением общественной напряженности и острыми дискуссиями, как в экспертном сообществе, так и в политических элитах, по вопросу о степени и характере макроэкономических проблем и выборе методов и стратегии макроконтроля – борьбы с инфляционным «перегревом экономики». В основе своей, эти «дискуссии о методах макроконтроля» всякий раз

становились противостоянием по вопросу о темпах, характере и направлении преобразований в целом, а также о перераспределении властных полномочий, как в столичной и региональных элитах партийного государства, так и между ними. В этом контексте ключевое значение для оценки закономерностей развития и перспектив китайской версии «рыночного социализма» приобретает анализ принципиальных особенностей политико-экономического механизма макроэкономических циклов в КНР в эпоху «реформ и открытости».

Российский китаевед-экономист П.Мозиас отмечает: «Китайская экономика на протяжении последних 30 лет действительно росла среднегодовым темпом, превышавшим 9%. Но экономический рост в КНР был подвержен колебаниям, позволяющим говорить о формировании в китайской переходной экономике особой модели делового цикла. Резкие ускорения прироста ВВП сопровождались скачками инфляции, и для обуздания «перегрева» экономики властям приходилось осуществлять политику по «связыванию» совокупного спроса фискальными, монетарными и *административными* (курсив – мой М.К.) инструментами. В результате экономический рост замедлялся, а инфляция снижалась. Но, в свою очередь, введенные рестрикции вызывали к жизни такие проблемы, как накопление запасов нереализованной продукции, высвобождение занятых и замедленное создание новых рабочих мест, нарастание «плохих долгов» в банковской системе. В совокупности эти явления «вялости спроса» подготавливали

условия для ослабления финансовой политики и, соответственно, нового резкого ускорения экономического роста». [Мозиас, 2011, с. 228]

Китайские и зарубежные экономисты в целом сходятся в том, что после начала рыночных реформ, экономика КНР прошла шесть таких циклов.

Первый пришелся на период между 1979 и 1981 годами. Темпы прироста ВВП достигали 12%, темпы роста розничных цен – более 6% (максимальный показатель после 1962 года). Ключевой дисбаланс заключался в резком увеличении объема инвестиций и госрасходов на цели потребления. Последнее обстоятельство обусловлено преодолением в эти годы проблемы абсолютных дефицитов на внутреннем рынке Китая, преследовавших страну на протяжении почти трех десятилетий попыток реализации маоистской социалистической утопии. Предприятия и организации в конце 70х и в первой половине 80х годов были склонны направлять полученные по банковским кредитам средства не столько на производственные инвестиции, сколько на увеличение зарплат, премий и иных «фондов потребления».

В ходе второго цикла 1984-1987 годов рост экономики превысил 15%, снизившись к 1988 году до 12%, а индекс цен увеличился почти на 9%. «Потребительский» фактор также играл в эти годы значительную роль.

Третий цикл 1988-1990 годов отличился почти 20%ным ростом ВВП (первая половина 1989 года) и сопоставимыми темпами инфляции – до 19%.

Четвертый цикл, начавшийся во второй половине 1993 года и завершившийся к концу 1996 года, характеризовался 12-16%ным приростом

экономики и повышением инфляции с 13,2% в 1993 году почти до 22% к исходу 1994 года. [Фань Ган, Чжан Сяоцзин, 2005, с. 97-98] Наблюдатели отмечают, что именно в ходе этого цикла потребительская составляющая инвестиционной спирали существенно сжалась и львиная доля капитальных вложений была «перенаправлена» в основные фонды. [Чжунго цзинци синь гуаньча, 2009, с. 54-75] Это привело к тому, что «со второй половины 1990х годов модель китайского экономического цикла стала меняться. Накопление в ходе подъема первой половины 1990х годов огромных избыточных производственных мощностей и нереализованных товарных запасов способствовало не просто замедлению экономического роста, а погружению экономики на несколько лет в состояние дефляции и общему ослаблению деловой активности». [Мозиас, 2011. с. 229] Иными словами, государству удалось, прибегнув к административным методам, ограничить объем инвестиций и добиться снижения темпов прироста ВВП и инфляции, однако, запустить вновь механизм роста оказалось – в силу «вялости спроса» - существенно сложнее.

Таким образом, пятый цикл 1998-2002 годов оказался не «инфляционным», а «дефляционным». Перед государством стояла задача не «связывать» капвложения, рост и инфляцию, а стимулировать инвестиционную и потребительскую активность. Именно в эти годы на самом высшем уровне были сделаны декларации о необходимости превращения внутреннего потребления в один из ключевых моторов прироста ВВП.

Помогла конъюнктура мирового рынка. «Сам перелом циклической динамики, выход из дефляции, переход к новому оживлению экономики на этот раз были обусловлены не столько внутренними предпосылками, сколько влиянием внешнеэкономических факторов: активизацией экспортной экспансии после присоединения Китая к ВТО, резким усилением притока в страну спекулятивного капитала...» [Мозиас, 2011, с. 229]. Аналогичной точки зрения придерживаются многие китайские эксперты. [Фань Ган, Чжан Сяоцин, 2005; Лю Шучэн, 2004] Шестой цикл 2002-2008 годов, таким образом, вновь оказался «инвестиционным» и «инфляционным». Однако, с более заметной «внешней» составляющей. В 2006 году, к примеру, рост ВВП составил, по разным оценкам, от 11 до 12% процентов. Одновременно экспорт увеличился на 34,6%, внешнеторговый оборот – на 24%. [http://www.politekonomika.ru/, декабрь 2007 – январь 2008] Согласно некоторым расчетам, не менее 50% роста ВВП КНР в эти годы обеспечивали экспортные отрасли. [Кан Дэшэн, 2008] Инвестиции росли двузначными показателями, на порядок обгоняя темпы увеличения ВВП. В частности, в первой половине 2004 года прирост экономики составил «всего» около 10%, т.е. на 1,5% больше, чем в 2003 году. Однако инвестиции в основные фонды за аналогичный период увеличились в сравнении с 2003 годом на 43%, денежная масса в широком смысле – минимум на 20%. [Фань Ган, Чжан Сяоцин, 2005, с. 14-15]. Пик прироста ВВП был отмечен по итогам 2007 года, составив, по разным оценкам, от 14,5% до 15,2%. [http://www.expert.ru/kazakhstan/2011]. В полном соответствии со

сложившейся закономерностью «инвестиционного» и «инфляционного» цикла, максимальные значения индексов потребительских цен пришлось на конец ноября того же 2007 года, составив до 8,5%.

[<http://www.fxteam.ru/forex/fxteam-news/32107.html>]

Шестой «деловой цикл» в КНР завершился под воздействием мирового финансового кризиса, разразившегося в 2008 году. Все ключевые экономические показатели Китая рванулись «вниз». В первой половине 2009 года экспорт сократился на 21,8%, импорт – на 25,4%, а прирост промышленного производства в январе 2009 года составил всего 1,7 %.

[Мозиас, 2011, с. 230]

Очередной седьмой цикл макроэкономической динамики Китая начался в 2010 году с принятием правительством страны «пакета стимулирующих мер» на сумму 4 трлн. юаней (около 585 млрд. долларов США). П.Мозиас справедливо указывает, что «КНР...была едва ли не единственной из крупных экономик, где в условиях мирового финансового кризиса не только не происходило сжатия кредита, но, напротив, имела место его крупномасштабная экспансия». [Мозиас, 2011, с. 236] Однако отмеченная выше структурная специфика кредитно-инвестиционного процесса вызвала к жизни прежние проблемы, только в более обостренной форме и с существенно меньшим временным лагом. Уже в начале лета 2011 году перед лицом роста совокупной задолженности в экономике, «пузыря» на рынке недвижимости и почти 15%ной продовольственной инфляции, правительство вынуждено было пойти на меры по «охлаждению финансовой

конъюнктуры». Однако китайские эксперты склонны считать, что «текущий экономический цикл далек от завершения и потенциальные угрозы «перегрева» сохраняются в полной мере». [Цзинци гуаньча бао, 14.01.2012]

Некоторые китайские экономисты, в частности, уже известный нам концептуалист реформ Фань Ган, в середине нулевых годов указали на связь макроэкономической динамики в КНР со своеобразным «политическим циклом». [Фань Ган, 2006, с.61] Суть этого «китайского политического цикла» состоит в том, что местные правительства всех уровней, стремясь расширить собственную финансово-экономическую базу и улучшить показатели отчетности перед вышестоящим руководством («политические достижения») всячески наращивают инвестиции в основные фонды. Вызванные этим общие макроэкономические диспропорции вынуждают центральные власти к командно-административной реакции, в частности, к принудительному сокращению кредитной эмиссии. Это, в свою очередь, вызывает скрытые протесты и сопротивление региональных партийно-правительственных элит. Центральное правительство вынуждено вновь ослаблять финансовый контроль и причинно-следственное движение по кругу возобновляется. Образное описание стадий этого «политического цикла» приводится в китайской экономической публицистике: «только отпустили [контроль], как начался хаос; только наступил хаос, как тут же стали возвращать [контроль вышестоящих инстанций]; как только начали возвращать контроль, сразу же послышался шум-гам [протестов региональных элит]; как только услышали шум-гам – тут же приступили к

ослаблению [контроля]; а как только снова отпустили, хаос возобновился».

[Чжан Сяоцин, 2005, с.61]

Чрезвычайно важным в этой связи представляется признание китайского экономиста Лю Шучэна: «В процессе поиска путей макроэкономического урегулирования многообразие интересов [хозяйственных и политико-административных] субъектов проявляется в полной мере, проецируясь на дискуссии в научных кругах и отражаясь в многоголосье китайских СМИ. Формируется и обнажается множественность подходов и оценок. Это обстоятельство, несомненно, повышает градус обсуждения и значительно увеличивает трудности для выработки и осуществления тех или иных мер, направленных на урегулирование. По сути дела, всякий раз на каждом из пяти циклов макроэкономического урегулирования (признание относится к середине 2004 года, когда возникновение шестого и седьмого циклов еще не было «в проекте» - М.К.) требовалось более или менее единое понимание того, как урегулирование должно проводиться. Трудности в достижении единой точки зрения особенно ярко проявились в [ходе урегулирования] на пятом цикле». [Цзинцзи жибао, 30.06.2004]

Иными словами, по мере становления «многоколейной» модели, увеличивается число хозяйственных и политико-административных субъектов системы и растет многообразие их интересов. Одновременно множатся условия и расширяется пространство «многоколейных» сделок между ними, еще более усложняясь в силу стремления многих из этих

субъектов выйти (хотя бы частично) за системные пределы. В результате, наблюдается осязаемое обострение динамики «политического цикла», в ходе которого как раз и происходит поиск необходимого консенсуса между субъектами системы относительно приемлемых методов «макроэкономического урегулирования». Ведь всякое «урегулирование», как было показано выше, имеет своей целью, прежде всего, сохранение и воспроизводство структурных и динамических параметров «многоколейной» модели.

Таким образом, суть дилеммы не сильно изменилась с 80х годов прошедшего столетия. «Перегрев» экономики по-прежнему является концентрированным выражением хозяйственной и социально-политической напряженности, циклически обостряющейся в условиях лишь частично реформированной системы, целостность которой обеспечивается партийно-государственной монополией на власть и финансы. Однако, во-первых, системных «субъектов напряженности» стало заметно больше. Во-вторых, пределы данной модели роста – перенакопление капитала и избыток основных фондов – обусловили, наряду с «инфляционным», возникновение «дефляционного цикла». Длительное «переохлаждение» или «вялость внутреннего рынка», бороться с которыми оказалось возможным лишь путем огромных стимулирующих пакетов государственных инвестиций, представляют собой не меньшую экономическую угрозу, чем «перегрев». И в не меньшей степени концентрированно выражают социально-политическую напряженность. Одновременно, те методы, которыми правительство

стремилось преодолеть «дефляцию», закладывали фундамент очередного «перегрева».

Борьба и с «перегревом», и с «вялостью рынка» в пределах многоколейной модели в равной мере требуют государственного «урегулирования» и поиска консенсуса среди субъектов системы. *Логика и линия поведения этих субъектов, выбор тех или иных методов «урегулирования», а также степень соответствия избранных методов «урегулирования» интересам ключевых системных игроков определяют то, насколько «мягко» завершится очередной цикл – и в экономическом, и в социально-политическом смысле.*

Поскольку все ключевые субъекты системы стремятся к расширению своей доли в общем рентно-ресурсном пироге, а дрожжами этого пирога выступает кредитно-инвестиционная накачка, постольку консенсус легче достигается в ходе урегулирования «переохлажденной» экономики. Главным методом такого урегулирования является ослабление контроля над кредитно-денежной эмиссией и выпуском долговых бумаг. Субъекты системы охотно поддерживают меры государственного стимулирования, опасаясь лишь того, что кому-то из них достанется меньшая порция «дрожжей».

В этом отношении весьма показательны экспертные дискуссии, развернувшиеся в печати и других СМИ КНР весной и летом 2009 года в связи с инициативой центрального правительства вбросить в экономику страны стимулирующий пакет объемом в 4 трлн. юаней. Ученые и

хозяйственники уверенно пришли к согласию в том, что «капиталовложения на сумму 4 трлн. юаней, вне всяких сомнений, есть истинное благо для простых людей!» [Чжунго цзинци синь гуаньча, 2009, с.77] Некоторые экономисты предупреждали, впрочем, что эти инвестиции целесообразно направить не на создание избыточных производственных мощностей, а на «стимулирование внутреннего потребления, здравоохранение, образование и охрану окружающей среды». [Там же, с. 73-74] Представители государственных предприятий, однако, высказывали сомнения в том, что с помощью таких вложений можно «коренным образом вылечить китайскую экономику», для которой 4 трлн. – это «капля в море». Отмечалось, что «совокупные общественные *инвестиции в основные фонды* (курсив мой – М.К.) в 2009 году должны составить никак не меньше 20 трлн. юаней». [Цай цзин, 2009, № 5, с.76] Ходатаи «народных» предприятий эмоционально сетовали на то, что львиная доля вложений будет традиционно перераспределена между госкомпаниями и инфраструктурными проектами, а капитализация негосударственного сектора пройдет по остаточному принципу. [Цзинци гуаньча бао, 12.04.2009]

Так или иначе, когда речь идет о расширении каналов и увеличении объемов кредитно-инвестиционной накачки, принципиально «за» голосует большинство системных субъектов. Иное дело «урегулирования», направленные на борьбу с «перегревом» и предполагающие сокращение «дозы допинга», а, зачастую, и полный отказ в ней некоторым субъектам. Здесь с поиском консенсуса все обстоит намного сложнее.

В самом общем плане различия в исходных позициях, с одной стороны, центрального правительства и, с другой стороны, местных властей и предприятий, можно хорошо проиллюстрировать следующей цитатой: «Когда возникает напряженность с обеспечением электроэнергией, углем, нефтью и транспортными возможностями, регулирующие органы [центрального] правительства утверждают, что все это происходит из-за избыточного спроса на инвестиции. Следовательно, капиталовложения надо сокращать. А руководство на местах и ... предприятия говорят: «позвольте, это все из-за того, что энергетические и транспортные ведомства не обеспечивают предложения [подотчетной им] продукции в надлежащих масштабах. Его необходимо наращивать, а для этого нужны дополнительные инвестиции. Так что следует не сокращать [вложения], а наоборот увеличивать». Послушать, так у каждой стороны есть свой резон. В самом деле, если должный объем предложения не обеспечивается, то всякий спрос на рынке рационален. Это значит, что нет никакого «перегрева» экономики, а, следовательно, и причины для урегулирования отсутствуют. Таким образом, центральные органы должны не «сжимать» спрос, а стимулировать предложение». [Чжан Сяоцин, 2006, с. 12]

В реальной жизни, однако, такое размежевание позиций, как правило, не выглядит как открытое противостояние центра и регионов. Оно носит характер «наступления - отступления – компромисса - саботажа», идущих одновременно по многочисленным горизонтально и вертикально расположенным «линиям фронта», которые разделяют субъектов системы.

На основании многочисленных выступлений китайской печати, Интернета, научных исследований и публицистики, увидевших свет в КНР за последнее десятилетие, а также по итогам личных бесед автора с китайскими чиновниками и предпринимателями, можно вычленить ключевые группы «системных субъектов», участвующих в «поиске консенсуса». Кроме того, очевидными становятся типологически присущие им точки зрения на ситуацию, складывающуюся в экономике страны.

Системных субъектов на уровне *центрального правительства* целесообразно разделить на четыре группы. Это Центральный Банк, общенациональные госбанки-монополисты, Бюро статистики и отраслевые ведомства Госсовета.

Центральный Банк несет непосредственную ответственность перед высшим партийно-государственным руководством страны за удержание важнейших показателей макроэкономического баланса в системно приемлемых параметрах. Следует отметить, что относительно этих параметров среди специалистов-практиков и ученых единой точки зрения за прошедшие годы так и не сформировалось. В руководящем звене центрального банка, между тем, исходят из того, что «для китайской экономики в равной мере опасны «перегревы» и «переохлаждения». Падение темпов прироста ВВП ниже 7% считается «переохлаждением», а превышение 9%ной отметки – признаком начинающегося «перегрева». При этом, как отмечают многие наблюдатели в КНР, показатели эффективности по инвестициям и производству (т.е. по качеству прироста) зачастую

оказываются вне поля зрения ЦБ, который в большинстве случаев склонен оперировать лишь чисто количественными показателями динамики ВВП при оценке степени «перегрева». Такой подход, впрочем, не лишен определенной логики, ибо китайская экономика на протяжении десятилетий демонстрировала высокие темпы роста при стагнирующих или даже снижающихся показателях производственной эффективности, что само по себе является убедительным свидетельством серьезных макро дисбалансов.

Для понимания логики действий ЦБ КНР необходимо иметь в виду, что недопущение высокой инфляции и роста цен на внутреннем рынке рассматривались руководством этой структуры на протяжении десятилетий в качестве, по сути дела, единственных задач. Параметры монетарной и кредитной политики на практике рассчитывались, исходя лишь из индекса потребительских цен. Иными словами, объемы денежной и кредитной эмиссии сами по себе не сильно занимали руководство ЦБ, если только не происходило повышения цен. «Системно приемлемый» рост цен на потребительском рынке ограничен 5,5%ным барьером. Руководство ЦБ начинает бить тревогу по поводу «перегрева» всякий раз, когда показатели роста ВВП и потребительской инфляции выходят за означенные пределы. При этом именно инфляционные показатели играют первостепенную роль. Ряд китайских экономистов указывают, что такой подход приводит зачастую к неадекватным оценкам масштабов и характера «перегрева». Фань Ган, к примеру, пишет в этой связи: «В Китае наблюдается излишек многих потребительских товаров. Поэтому на начальной стадии «перегрева» этот

избыток, так или иначе, «переваривается» рынком. Если только китайская экономика не достигнет очень значительного «перегрева», то не может появиться и совокупной галопирующей инфляции. Однако на ряд товаров рост цен – и очень значительный – возможен. Например, на овощи и фрукты, на зерно. В настоящее время главная цель борьбы с «перегревом» состоит не в том, чтобы предотвратить высокую инфляцию, а в том, чтобы преодолеть разбухание инвестиций [в основные фонды], создающих излишние производственные мощности». [Фань Ган, 2010, с. 5]

В свете отмеченного очевидно, что критерии «перегрева», применяемые ЦБ КНР, не учитывают в полной мере ряда структурных показателей и могут быть не без оснований оспорены как другими субъектами системы, так и представителями экспертного сообщества.

Четверка *общенациональных госбанков-монополистов* вынужденно принимает к сведению политику ЦБ, однако на деле не спешит сворачивать кредитную экспансию. По крайней мере, до получения четких указаний сверху по конкретным объектам кредитования. [Хэ Сяодун, 2007, с.9-10]

Бюро статистики обязано не только предоставлять положенный объем статистической информации, но и выдавать на ее основании анализ-прогноз. Статистические службы КНР подчинены непосредственно руководящим структурам Госсовета. В этой связи, как наблюдатели, так и сами сотрудники бюро признают, что предоставляемая информация и аналитика сильно зависят от оценок, доминирующих в аппарате Премьера Госсовета. Иными словами, объектами статистических выкладок, как

правило, являются те сферы и проблемы, которые представляются наиболее актуальными вышестоящим лидерам в данный момент. Аналитические выводы также зачастую имеют завуалированную цель не столько поставить вопрос и разобраться в проблеме, сколько подтвердить ту или иную позицию начальства. При проведении статистических расчетов аналитики бюро нередко склонны к самоцензуре. Эти обстоятельства не способствуют ни объективности данных, ни последовательности прогнозов. Такое положение вещей, в свою очередь, в значительной мере подрывает доверие к статистическим службам со стороны остальных субъектов системы. «Небольшие расхождения в цифровых выкладках вполне в состоянии вызывать значительные политические разногласия». [Чжан Сяоцзин, 2006, с. 31-32]

Отраслевые ведомства Госсовета, по мнению многих наблюдателей, в том числе, и непосредственных собеседников автора этих строк, как правило, весьма неохотно идут на признание фактов «перегрева» экономики. «Перегрев» связан с раскручиванием инвестиционной спирали и ростом объемов выпуска долговых бумаг центральным и региональными правительствами. Профильные подразделения Госсовета, как говорилось выше, имеют право санкционировать масштабы и направленность капвложений, а также параметры выпуска долговых обязательств. Сокращение инвестиций и эмиссии долгов, неизбежные в случае реализации курса на «урегулирование», лишают соответствующие ведомства доходов от «разрешительной» процедуры. То есть, существенно сокращают их рентные

поступления от «многоколейных» сделок в ходе инвестиционного процесса. Поэтому, максимально, что эти ведомства готовы признать – «частичный перегрев» в тех отраслях, которые, как правило, не входят в зону ответственности признающего. «Совокупный «перегрев» - утверждают они, - в принципе возможен, однако говорить о нем в данный момент не имеет смысла». [Кан Дэшэн, 2009, с. 15; интервью автора в Пекине в апреле 2009 года]

Аргументируя свою позицию, отрицающую угрозу «перегрева» здесь и сейчас», отраслевые структуры правительства склонны апеллировать к следующим обстоятельствам:

во-первых, потенциал внутреннего рынка КНР – и производственного, и потребительского – чрезвычайно велик, и искусственное сжатие предложения приведет к усугублению структурных дефицитов;

во-вторых, в стране огромная явная и скрытая безработица. Сокращение объемов инвестиций в этих условиях чревато непредсказуемыми социальными последствиями;

в-третьих, после вступления Китая в ВТО и активного участия китайской экономики в процессах глобализации вопрос о совокупном «перегреве» вообще не уместен, так как потребности мирового рынка безграничны.

В нашу задачу здесь не входит оценка того, насколько приведенные аргументы справедливы. Очевидно, что по целому ряду позиций они могут быть оспорены. [Фань Ган, Чжан Сяоцзин, 2005, с. 23-27] В контексте нашего

исследования важнее другое: профильные ведомства центрального правительства, равно как ЦБ, крупнейшие госбанки-монополисты и статистические службы, исходят из собственных «административных» и «рентных» интересов. Все эти игроки «многоколейного» поля склонны к произвольным трактовкам того, что представляет собой «перегрев» экономики и когда и как следует начинать его «урегулирование». Характеризуя линию поведения чиновников центрального и региональных правительственных ведомств, экономический публицист Кан Дэшэн писал: «Некоторые официальные лица в Пекине и в провинциях говорят с разными аудиториями на разных языках. Обращаясь к простым согражданам, они вещают на «языке кадровых работников» (т.е. выдают официальную информацию – М.К.). Обращаясь к начальству, они произносят то, что последнее хочет слышать. Своим друзьям они говорят, как правило, правду. А журналистам – врут». [Кан Дэшэн, 2009, с. 18]

Системные субъекты в *региональном разрезе* представлены, прежде всего, местными правительствами, региональными банками и предприятиями.

Местные правительства одновременно решают задачи по выполнению контрольных цифр роста ВВП, трудоустройству населения, поддержанию в должном виде транспортной и иной инфраструктуры и увеличению собственной рентно-ресурсной базы. Они менее всего заинтересованы в фактическом выполнении приходящих сверху инструкций

по «урегулированию» перегрева, стремясь всеми правдами и неправдами обеспечить рост объема инвестиций и эмиссии долговых бумаг.

Региональные банки, административно и экономически жестко привязанные к местным правительствам, также заинтересованы в расширении кредитной и инвестиционной экспансии, рассчитывая пополнить собственную капитализацию за счет бюджетных средств.

Логика позиции *предприятий* (как центрального, так и местного подчинения) в отношении курса на борьбу с «перегревом» сильно зависит от формы собственности и размеров производства. Государственные предприятия – в особенности крупные производственные объединения и отраслевые гиганты – могут охотно поддерживать планы центрального руководства по сокращению кредитной эмиссии. Остаться без финансовой подпитки они не боятся, так как всегда могут рассчитывать на благоприятные условия капитализации. В то же время, общее сокращение кредитной эмиссии ставит в неблагоприятное положение их конкурентов из числа более мелких предприятий, как государственных, так и «народных» (т.е. частных, «коллективных» и т.д.)

Средние и мелкие государственные и «народные» предприятия, наоборот, всячески стремятся не стать «жертвами урегулирования». Для этого они используют все доступные легальные и нелегальные возможности капитализации, снижают оплату труда своих сотрудников и пытаются прорваться в те сектора внутреннего рынка, где «перегрев» уже взвинтил цены. Весной 2011 года – в период активной реализации курса на очередное

«урегулирование» - директор одного «коллективного» предприятия эмоционально говорил, обращаясь к группе ученых-экономистов и журналистов: «О, Небо! Мы ведь всего лишь пару-тройку дней по-настоящему от души хорошо пожили! А вы, ученые мужи, мальчишки с книжками, тут как тут, все про свой «перегрев» бубните! Оставьте нас в покое, дайте нормально жить, ладно?!» [Цай цзин, 2011, № 8] Фань Ган прокомментировал этот всплеск эмоций: «Мы (т.е. профессиональные экономисты – М.К.) беспокоимся как раз о том, что время «хорошей жизни» для предприятий слишком коротко. Почему надо бороться с «перегревом»? Конечно, предприятие заинтересовано в том, чтобы моментально «срубить» 100, 200% прибыли. Но через пару лет наступает стагнация, убыточность, возможно – банкротство. Так что же лучше: такие «горки» или стабильная 20-30%ная прибыль в течение двух-трех десятилетий?» [Там же]

От себя добавим: в идеале, Фань Ган, конечно, прав. Однако политико-административные и экономические реалии «многоколейной» модели вряд ли могут гарантировать большему числу хозяйственных субъектов стабильную прибыль в течение столь долгого периода. Даже в том случае, если текущий «перегрев» будет преодолен и завершится, как говорят экономисты, «мягкой посадкой».

Несмотря на то, что многие из небольших предприятий пользуются режимом благоприятствования со стороны местных властей, административное сокращение кредитной деятельности наиболее ощутимо бьет именно по ним. Однако до закрытия государственных предприятий и

банкротства региональных банков дело, как правило, не доходит. Первых держат «на голодном пайке», вторых – худо-бедно рекапитализируют за счет бюджетных средств. [Хэ Сяодун, 2000, с. 275; Фань Ган, Чжан Сяоцзин, 2005, с. 30] Основной жертвой снижения общих объемов кредитования становится «народный» сектор. Легальным источником кредита для негосударственных предприятий являются, в большинстве случаев, региональные акционерные госбанки и «народные» кредитные кооперативы. Акционерные госбанки, получив сверху разрядку по сокращению кредитной эмиссии, в первую очередь перестают обслуживать негосударственных заемщиков.

В качестве отдельных системных субъектов, позиция которых весьма заметна в ходе коллизии «борьбы с перегревом», следует назвать *экспертное сообщество* и *средства массовой информации*. Наблюдатели указывают на отсутствие здесь консолидированных подходов. Вот как Фань Ган и Чжан Сяоцзин, к примеру, описывают положение в среде экспертов-экономистов: «Главное отличие текущего момента от ситуации десяти или двадцатилетней давности заключается во фрагментации [точек зрения] ученых. Все меньше людей выступает с позиций интересов центрального правительства. Все больше ходатаев за отдельные ведомства, регионы, отрасли или предприятия. Некоторые эксперты весьма близки к фондовому рынку и, соответственно, выступают против повышения ставок по кредитам. Ряд экономистов поддерживают тесные связи с застройщиками или обрабатывающими производствами. В общем, все более распространенным становится принцип «кто платит, тот и заказывает музыку». Нельзя сказать, что объективного и

умеренного анализа совсем нет. Но его очень трудно выделить из основной массы оценок». [Фань Ган, Чжан Сяоцзин, 2005, с. 31]

Находясь на научной и преподавательской работе в Пекинском Университете в 2005 и в 2006-2007 годах, автор этих строк имел возможность встречаться и обсуждать проблематику «деловых» и «политических циклов» в КНР с некоторыми из известных китайских экспертов, в частности, с Гуань Хайтином и Чжоу Цижэнем. Кроме того, довелось принимать участие в работе семинаров, на которых выступали столь разные по взглядам экономисты, как Линь Ифу, Ли Инин, Чжан Цзюнь и Цзо Дапэй. Середина и начало второй половины нулевых годов как раз были временем, когда экспертные дискуссии об очередном «перегреве» китайской экономики переживали обострение. На основе выступлений печати, Интернета и личных впечатлений от встреч и бесед с китайскими специалистами, мы выделили следующие основные оценки состояния китайской экономики в этот период:

- В экономике КНР наблюдается тенденция к «перегреву». Однако, до тех пор, пока индекс потребительских цен не «пробьет потолок» в 5%, рычаги урегулирования включать не следует. (У Цзинлянь, Чжан Чжоюань, Фань Ган)
- В экономике КНР появились элементы частичного «перегрева», однако попытка борьбы с ними в данный момент быстро приведет к скатыванию в «переохлаждение». Необходим пристальный секторный и отраслевой мониторинг динамики ситуации. (Линь Ифу, Лю Шучэн, Сяо Чжоцзи)

- В текущий период отсутствуют не только признаки «перегрева», но наоборот, еще не окончательно преодолены элементы «переохлаждения», в особенности, в сфере потребительского спроса. (Хэ Кэн, Кан Дэшэн)
- Экономика страны отнюдь не «перегрета», а скорее «разогрета» до нужной температуры. Если на рынке существует спрос, то «разогрев» не переходит в «перегрев». (Лин Муси)
- Описывать ситуацию в народном хозяйстве КНР в категориях «перегрева» или «недостаточного разогрева» - значит серьезно упрощать реальное положение вещей. Целостная его оценка представляет большую трудность. (Ма Кай)
- Инфляция в стране набирает обороты, самое время «нажать на тормоза». (Чжоу Сяочжоу, Чжоу Цижэнь)
- В экономике КНР в настоящий момент отсутствуют серьезные основания для роста инфляции. (Тао Цзинюань)
- Инфляционный «перегрев» налицо. Применение некоторых административных методов для снижения и последующей стабилизации темпов прироста ВВП не означает отхода от курса на реформы. (Чэнь Дунци)
- Перераспределение ресурсов правительством, всяческое квотирование и сокращение инвестиций слишком «попахивает» администрированием. «Перегрев», возможно, уже начался, однако

такие методы борьбы с ним приведут лишь к усугублению ситуации и являются «движением вспять». (Го Лихун)

Примечательно, что перечисленные экспертные оценки, фундаментально противоречащие друг другу по целому ряду позиций, высказывались примерно в один и тот же период времени и характеризовали одну и ту же совокупность явлений в экономике КНР.

Еще большая фрагментация в подходах характерна для *средств массовой информации*, значительную часть финансирования которых – в особенности в регионах – составляют доходы от рекламы недвижимости. «Печать – не глашатай истины и даже уже не рупор партии-государства, но адвокат девелопера!» - такой эмоциональный комментарий появился на страницах делового ежемесячника «Цай цзин» в мае 2011 года. Это, конечно, большое преувеличение. И, тем не менее, коммерциализация деловой и региональной прессы ощутимо сказывается на акцентах при подаче того или иного экономического материала.

«В целом же, - как пишут китайские наблюдатели, - острота дискуссий, движимых различиями во взглядах и интересах, скрывает невиданных масштабов «шахматную партию» между государственными и «народными» предприятиями, между плановой и рыночной экономикой, между центральными властями и местными правительствами, между инвесторами и Центральным Банком и прочими многочисленными лоббистскими группами». [У Энэнь, Ян Дэвэй, 2008, с. 31]

Основная проблема заключается, разумеется, не в чьей-то личной субъективности или «заведомой продажности». *Все дело в том, что непрозрачные реалии «многоколейной» модели, требующие заключения и исполнения внутрисистемных сделок, до предела затрудняют поиски всеобъемлющего компромисса. В особенности в тех условиях, когда количество субъектов системы увеличивается, а характер рентных отношения между ними усложняется и расширяется. При этом в борьбе с системной угрозой «перегрева», высшие субъекты в лице руководящих органов центрального правительства вынуждены идти на сокращение ключевых источников общей для всех рентно-ресурсной базы. Несомненно, уменьшение объемов кредитно-инвестиционной накачки – основной системной «смазки» - объективно стимулирует многих субъектов к тому, чтобы покинуть поле внутрисистемных сделок – хотя бы лишь на время и частично - и поискать ресурсы «на стороне».*

Кроме того, отмеченные динамика макроэкономических данных и логика действий основных субъектов системы позволяют с уверенностью заключить, что:

во-первых, циклические «перегревы» экономики КНР являются, в принципе, измеряемой реальностью, обусловленной инвестиционным бумом в частично реформированной хозяйственной системе;

во-вторых, в силу множественности интересов субъектов системы, а также вследствие непрозрачности и многообразия «рентно-договорных» отношений между ними, конкретное статистическое и хронологическое

определение начала «перегрева» представляет собой огромную трудность. Это, в свою очередь, значительно осложняет выработку и реализацию практических мер, направленных на урегулирование.

Не удивительно поэтому, что для китайской научной, деловой и публицистической литературы по макроэкономической динамике за годы реформ характерны не только острые дискуссии, но и определенный «разнобой» в оценках того, когда начался или завершился тот или иной экономический цикл. Так, ряд специалистов выделяют внутри некоторых «больших циклов» краткосрочные «микроциклы». В частности, цикл 1984-1987 годов делят на «микроциклы» 1983-1985 и 1986-1987, а цикл 2002-2008 годов - на «микроциклы» 2002-2005 и 2006-2008. [Фань Ган, Чжан Сяоцин, 2005; Чжунго цзиньин бао, 02.05.2011] Обсуждение вопроса о том, начался ли «перегрев», или еще нет, и что следует предпринимать в сложившихся на данный момент обстоятельствах – едва ли не самая распространенная тема в экономической литературе и печати КНР на протяжении всех трех десятилетий рыночных реформ. [Чэнь Дунци, 1992; Ма Цзянтан, Ян Кайчжун, 1992; Сю Каньмэй. 2003; Юй Юндин, 2004; Го Шудин, 2007 и т.д.]

В нашу задачу здесь не входит подтверждение или опровержение этих расчетов, тем более что это вряд ли может иметь принципиальное значение. Намного важнее другое. *Циклический «перегрев» («переохлаждение») – объективная реальность инвестиционной модели роста ВВП КНР. Однако четкая фиксация его во времени и системном пространстве, равно как и выработка консенсуса о мерах по его урегулированию, крайне*

затруднены непрозрачностью и сложной структурой интересов, действующих в поле «многоколейных» сделок.

Здесь мы подходим к основополагающему вопросу о *выборе методов «урегулирования»*. Выше уже шла речь об относительной «технической легкости» борьбы с «дефляцией», для преодоления которой, в принципе, достаточно перезапустить механизм инвестиционной спирали. Пакет государственного стимулирования, скорее всего, будет не просто позитивно воспринят игроками на «многоколейном» поле, но и вызовет – хотя бы и временный – прилив политической лояльности. Игроки будут толпиться, стремясь оттеснить друг друга, ожидая получить от партии-государства, по возможности, большую дозу инвестиционного «допинга».

В случае с урегулированием «перегрева» все обстоит по-другому.

Китайские наблюдатели отмечают, что выбор методов «макроэкономического регулирования [в КНР], как правило, не имеет четких принципов, носит реактивный и произвольный характер и сильно зависит от субъективной оценки ситуации, складывающейся в народном хозяйстве страны. Эта «ситуативность» неразрывно связана с переходным характером китайской экономики. Хозяйственные отношения еще не до конца приобрели системный характер. Механизмы взаимовлияния многих процессов отличаются нестабильностью. Субъекты рынка различны. Есть негосударственные сектора, работающие в условиях жесткого бюджетного ограничения. Есть государственная экономика и региональные правительства, бюджетные ограничения которых по-прежнему слабые.

Таким образом, использование лишь рыночных рычагов урегулирования – таких как банковские ставки по кредитам – не может быть признано достаточным. Следует применять и другие побочные методы, регулирующие не только общие объемы [спроса и предложения], но и структуру экономики. Такой сложный механизм невозможно упорядочить, опираясь лишь на ограниченный набор каких-либо раз и навсегда заданных принципов». [Фань Ган, 2008, с. 49]

На протяжении всего периода рыночных реформ экономисты в КНР спорят о том, что – применительно к условиям Китая – следует считать «макро», а что «микро экономическим» регулированием. Соответственно, идут дискуссии и о выборе методов. Эксперты – сторонники углубления рыночных преобразований склонны считать, что «макро» регулирование означает изменение соотношения совокупных спроса и предложения в экономике через изменение процентной ставки по кредитам и повышение гибкости налоговой системы. Эти методы считаются «косвенными», «рыночными» рычагами регулирования. Их использование относится к исключительной компетенции ЦБ КНР и налоговых служб Госсовета. Чем больше в процессе борьбы с «перегревом» применяются «косвенные» методы регулирования, тем «больше рынка» в экономической системе страны, тем успешнее идут реформы.

Что касается т.н. «отраслевого и проектного регулирования», то есть такой ситуации, когда правительственные ведомства всех уровней в приказном порядке по вертикали сокращают объемы кредитования,

ограничивают инвестиционную деятельность предприятий, пытаются влиять на ценообразование и искусственно урезают средства «народного» сектора, то это считается «регулированием на микроуровне с использованием административно-командных рычагов». Сторонники реформ считают, что такие меры – есть «движение вспять». Даже если в отдельных случаях они оправданы, тем не менее, углубление рыночных преобразований диктует необходимость сокращения сферы и частоты их применения. [У Цзинлянь, 2005, 2006; Фань Ган, 1996; Фань Ган, Чжан Сяоцин, 2005; Хэ Сяодун, 2000; Чэнь Хуа, 2006; Ма Личэн, 2008; Кан Дэшэн, 2008, Лю Сяоу, 2011]

Более умеренные «рыночники», напротив, полагают, что в условиях Китая структурное регулирование на уровне конкретных отраслей, проектов, банков и предприятий является важной составляющей макроэкономической политики. Иначе просто невозможно управлять народным хозяйством, для которого характерны избытки производственных мощностей и рабочей силы, неустойчивый внутренний спрос, высокая зависимость от импорта энергоносителей и экспорта готовой продукции. [Линь Ифу, 1998, 2004; Лю Гогуан, 2005; Гуань Хайтин, 2006]

Тот факт, что видные китайские эксперты по экономике до сих пор не могут найти консенсус по вопросу о критериях различий между «макро» и «микро» уровнями в ходе борьбы с «перегревом», на наш взгляд, чрезвычайно показателен. Выше уже шла речь о том, что в условиях «многоколейной» модели попытка разделить и противопоставить «план» и «рынок» - не более чем умозрительная конструкция или фигура речи.

Обширное и многоуровневое поле «многоколейных» сделок характеризуется непрозрачным единством этих начал. Вместе с тем, монополия государства «ленинского типа» на политическую власть и национальные финансы оставляет рынку роль не «системы», а «практики». Этот «рынок» неравномерно и без внешне понятного регламента применяется на различных «этажах» партийно-государственной «системы». Так происходит в процессе ценообразования и в ходе реализации прав собственности. Точно так же обстоят дела и в той сфере, которую в китайской специальной литературе принято называть «макроэкономическим регулированием». В реальной социально-экономической жизни «макро» уровень неотделим здесь от «микро» уровня. Поэтому рыночные («косвенные») методы регулирования невозможно рассматривать вне контекста «системно определяющих» «прямых» административных рычагов воздействия «сверху». Они просто не могут существовать друг без друга. В этой связи интересно мнение директора института экономики и менеджмента пекинского университета Циньхуа профессора Цянь Ии: «Хотя реформы в китайской экономике идут уже более 30-ти лет, тем не менее, мы не в состоянии четко разграничить сферы макро и микроэкономики. Равно как до сей не можем поры различить функции правительства по регулированию рынка и по наведению макроэкономического порядка. Неразделимость макро и микроэкономики, слитность макроэкономического регулирования и управления рынком восходят к временам планового хозяйства. В плановой экономике нет такой сферы, которая бы не регулировалась правительством. При переходе от

плановой экономики к рыночной функции правительства также должны трансформироваться. В современном рыночном хозяйстве функции правительства по макро регулированию и по управлению рыночными процессами ... должны осуществляться различными органами правительства. Что и как регулирует правительство - касается не только его отношений с предприятиями, но и затрагивает изменение структуры и функций различных подразделений внутри самого правительства». [Цзинцзи гуаньча бао, 02.03.2009] Иными словами, при переходе к «рынку как системе», то есть к законодательно регулируемым рыночным отношениям, правительство должно отказаться от властного монополизма. На пути этого, однако, как было показано, стоит нерасчленимый монолит партийного государства и национальной финансовой системы.

Очень показательна в этом отношении многолетняя дискуссия в китайском экспертном сообществе о степени эффективности повышения кредитных ставок для борьбы с «перегревом».

Одна группа экспертов считает, что повышение ставок по кредитам является важнейшим инструментом борьбы с «перегревом», так как заставляет хозяйственных и политико-административных субъектов «по-настоящему считать свои деньги». Кроме того, повышение ставок – мера сугубо рыночная, институционально и практически закрепляющая «здоровое хозяйственное поведение региональных правительств и предприятий». И наоборот, ограничение кредитной эмиссии в приказном порядке «сверху» при сохранении низких ставок по кредитам не решает проблемы избыточной

инвестиционной активности. «Резкий рост кредитов и капитальных вложений, пузырь на рынке недвижимости, «перетягивание каната» между столицей и местными властями происходит из-за того, что ожидание от прибыли с инвестиций в разы больше, чем себестоимость капитала. Таким образом, «перегрев» есть следствие низких процентов по кредиту и нежелания (неспособности) правительства во время отрегулировать их. Сформированные [в результате этого] инфляционные ожидания фактически способствуют еще большему снижению процентных ставок. Административное вмешательство [ограничение объемов выдаваемых кредитов «по приказу»], возможно, в состоянии резко ограничить кредитную деятельность за очень короткий срок на какое-то время. Однако, цена такого урегулирования слишком высока! Административно-командному механизму неведомы ни учет конкретных обстоятельств, ни соизмерение целей и средств. Он может одним махом задушить всю экономическую активность». [Фань Ган, Чжан Сяоцин, 2005, с. 51] Отсюда следует вывод: повышение ставок по кредитам нейтрализует механизм «перегрева» и способствует дальнейшему рыночному реформированию китайской экономики.

Вторая группа экспертов полагает, что повышение кредитных ставок на самом деле мало что дает для борьбы с «перегревом». «В первую очередь следует иметь в виду, что в экономике КНР существуют и даже усугубляются тяжелейшие структурные диспропорции. Государственный и «коллективный» сектора народного хозяйства крайне слабовосприимчивы к изменению кредитных ставок. То же самое можно сказать и о местных

правительствах, не стоящих за ценой на капитальные вложения. Региональные власти и крупные госпредприятия всегда найдут возможность убедить [вышестоящие инстанции], что «именно их инвестиционные проекты имеют важнейшее значение». Повышение ставок усугубляет проблему «плохих долгов» банков и предприятий. Если ставки по кредиту в КНР окажутся выше таковых в развитых экономиках, то дополнительные потоки «горячих денег» хлынут в Китай из-за рубежа. Кроме того, повышение цены на капитал резко негативно скажется на динамике фондового рынка». [Линь Ифу, 2008, с. 57] Вывод: в данной ситуации целесообразно оставить банковские ставки на существующем уровне и обратиться преимущественно к административным рычагам по ограничению кредитной эмиссии, применяя их «точечно», то есть в зависимости от конкретных отраслевых и региональных условий.

Третья группа экспертов призывает к одновременному повышению ставок и применению командных рычагов, коль скоро с «конкретным «перегревом» надо решительно бороться здесь и сейчас». Однако эти специалисты признают как относительную слабость влияния высоких процентных ставок, так и весь негатив, связанный с использованием командно-административных рычагов. Существующие системные особенности макро и микро регулирования в экономике КНР не позволяют, с их точки зрения, стратегически успешно противостоять «перегреву» ни «рыночно монетарными», ни «приказными» методами. Они призывают к «углублению структурной реформы финансовой системы, к повышению

конкуренции в банковской сфере, к превращению местных правительств и предприятий в по-настоящему хозрасчетные единицы». [Сю Сяоянь, 2008. с. 77]

Таким образом, в каждой конкретной ситуации борьбы с «перегревом» соблазн применить административные рычаги очень велик. Все группы экспертов – даже заядлые реформаторы-рыночники – в принципе согласны с тем, что кратковременный эффект «приказного» охлаждения может быть ощутимым, причем в очень короткие сроки. Однако в стратегическом плане коренные причины циклических чередований «перегревов» и «переохлаждений» в приказном порядке не лечатся. Для этого необходимы системные реформы по расширению сферы законодательно регулируемого рынка, в том числе и, возможно, в первую очередь, в области взаимодействия партии-государства и национальных финансовых институтов. А это сопряжено с колоссальными социально-политическими и экономическими рисками.

Анализ эмпирического материала свидетельствует, что в ходе каждого из отмеченных выше «хозяйственных» и «политических» циклов в КНР эпохи рыночных реформ партийное государство, в конце концов, неизменно прибегало к командно-административным рычагам борьбы с «перегревом». Именно эти методы всегда оказывались последним и наиболее действенным гарантом сохранения основных системных параметров «многоколейной» модели и – одновременно – кратковременного снижения «градуса перегрева». Вместе с тем, глубинные политико-экономические причины

циклической динамики не претерпевали существенных изменений, структурные отраслевые и инвестиционные диспропорции сохранялись, закладывая фундамент для очередного всплеска и спада хозяйственной деятельности. Такое положение вещей мы склонны называть **«циклами воспроизводства административного принуждения»**, которое в условиях монополии на власть партийного государства неизбежно принимает характер и формы **политико-административного**, а подчас даже откровенно **идеологического принуждения**.

Для целостного понимания политико-административной составляющей в китайской макроэкономике за годы рыночных реформ следует учитывать следующее важное обстоятельство. **По мере становления «многоколейной» модели и увеличения числа ее субъектов, динамика и последовательность применения «рыночных» и «административных» рычагов «макроэкономического контроля» претерпевали существенные изменения.**

По признанию китайских экономистов, первые три макро цикла эпохи реформ, охватывающие 80е и начало 90х годов, характеризовались «нерешительностью и вялостью» властей на начальной стадии «перегрева». Здесь в определенной степени сказалось недостаточное понимание серьезности положения. Однако затем административные меры «пожаротушения» были задействованы по полной программе. Немалую роль в столь решительном «закручивании политико-хозяйственных гаек» сыграло, надо думать, то обстоятельство, что циклы экономического «перегрева»

сопровождались резким обострением общественно-политической ситуации, выливавшейся в массовые протестные выступления в 1986-87 и, конечно, в 1989 годах.

В ходе четвертого цикла в середине 90х годов также преобладали меры административного воздействия в виде принудительного сокращения кредитной эмиссии и инвестиций в потребление. Некоторые эксперты, впрочем, полагают, что денежная политика в этот период на самом деле не была столь жесткой и, следовательно, значительная часть кредитного сжатия являлась не более чем фиктивной отчетностью. [Цзинци жибао, 30.06.2004]

На пятом – «дефляционном» - цикле власти оказались в очевидной растерянности, ибо впервые столкнулись с «вялостью внутреннего рынка» в таких масштабах. Применение как «рыночных», так и административных мер не отличалось ни последовательностью, ни интенсивностью. Однако, как говорилось выше, помогла мировая экономическая конъюнктура. [Мозиас, 2011, с. 228-243] Кроме того, с осени 1998 года центральное правительство приступило к «расширению активной бюджетной политики», то есть в очередной раз запустило стимулирующую инвестиционную спираль. [Лю Шучэн, 2004; Фань Ган, Чжан Сяоцин, 2005, с. 101-103]

К концу 2004 года в политико-административных и экспертных кругах КНР вновь обострились дискуссии о признаках начала «перегрева» в экономике страны и о необходимости переходить к урегулированию шестого макро цикла. Некоторые из экономистов отмечали, что «в этот раз урегулирование должно носить центристский характер, то есть

ориентироваться как на предотвращение инфляции, так и на недопущение дефляции. Ключевые макроэкономические проблемы заключаются не в общих объемах [спроса и предложения], а в их структуре. Соответственно, монетарная политика правительства не должна «резать по живому». В отношении тех сфер, где наблюдается явный «перегрев» - например, в строительстве – необходимо «сбивать макушки», придавливать спрос. В отношении же структурно «слабых звеньев» - сельского хозяйства, транспорта, охраны окружающей среды и т.д. – следует поощрять инвестиции». [Лю Гогуан, 2004, с.64]

Представители «реформаторов-рыночников» в лице, прежде всего, Чжоу Цижэня, призывали к разделению монетарной и кредитной политики. С точки зрения этой группы экспертов, лишь таким образом можно было бы эффективно обеспечить «центристский» характер урегулирования. [Цзинцзи гуаньча бао, 18.09.2005] Однако это разделение могло произойти только в случае коренного переформатирования всей финансовой системы КНР, начиная от механизмов валютного регулирования и заканчивая формой собственности на банковский капитал. В силу этого предложение Чжоу Цижэня вряд ли следовало рассматривать как реалистичное.

В целом, на рубеже 2004 и 2005 годов китайские экономисты склонялись к тому, что урегулирование очередного «перегрева» представляет собой «единый кулак» из экономических и юридических мер, при одновременном использовании ряда необходимых административных

рычагов. Применение последних обосновано недоразвитостью рыночных механизмов». [Ма Кай, 2005, с. 109]

О характере и причинах «недоразвитости рыночных механизмов» в экономике КНР у нас подробно речь шла выше. В процессе урегулирования «перегрева» на шестом макро цикле интересно, прежде всего, то обстоятельство, что на начальной фазе дискуссии о выборе методов урегулирования и их применении преобладало мнение о «центристском подходе» и «преимущественной опоре на экономические рычаги». Административные меры рассматривались как «крайние», «точечные», «исключительно вспомогательные». Более того, ряд аналитиков и публицистов пытались представить дело таким образом, что урегулирование на шестом цикле принципиально отличается от всех предыдущих именно тем, что теперь опора делается на рыночные монетарные, фискальные и юридические меры и как раз они-то и дают в этот раз наибольший эффект. [Фань Ган, Чжан Сяоцзин, 2005, с. 107]

Среди зарубежных экономистов также возобладали оценки, согласно которым «китайская экономика становится все более рыночной. Многообразие форм собственности, сокращение государственного вмешательства и связанное с этим ужесточение бюджетных ограничений постепенно снижают амплитуду макроэкономических колебаний. Власти в Пекине постигают премудрости более гибкого регулирования национальной экономики». [Андерсон, 2005, с. 3-41]

Однако осенью 2006 года ряд экспертов в КНР пришли к заключению, что «избранные методы урегулирования все-таки свидетельствуют: мы пошли по накатанной дорожке, применяя *в конечном итоге главным образом административно-командные рычаги* (курсив мой – М.К.)». [Цзинцзи гуаньча бао, 12.11.2006]

Совершенно аналогичная ситуация имела место и при урегулировании очередных признаков «перегрева» на рубеже 2007 и 2008 годов. С одной стороны, экономические пропагандисты подчеркивали, что «в сравнении с прошлым циклом, урегулирование в текущем цикле имеет ряд важнейших отличий. В гораздо большей степени применяются рыночные меры, в частности, ужесточение монетарной политики». [Лю Сяоу, 2011, с. 87] С другой стороны, наблюдатели вынуждены были в итоге признать: «В процессе антиинфляционного урегулирования в 2006-2008 годах государство предприняло следующие шаги: прежде всего, была ужесточена монетарная политика, структурно упорядочена кредитная эмиссия. Во-вторых, был отменен налог на экспорт, произошло укрепление курса национальной валюты. В-третьих, *вынужденно ограничили инвестиции в основные фонды. Для этого применили имеющиеся в распоряжении административные механизмы квотирования. И, наконец, власти пошли на временное вмешательство в ценообразование, административно ограничив рост цен в ряде секторов внутреннего рынка* (курсив мой – М.К.)». [Чжунго цзиньин бао, 2.5.2011] Очевидно, что третья и четвертая меры носили ярко выраженный «дисциплинарный» характер. Иными

словами, в очередной раз начинали «как лучше, а в итоге получилось как всегда». Следует подчеркнуть, что причины вынужденного применения «мер дисциплинарного воздействия» оказались вполне традиционными: «В первый год 12-й пятилетки инвестиционная лихорадка на местах опять вышла за рациональные пределы. На самом деле, в настоящее время фактические объемы инвестиций местных правительств и темпы роста региональных ВВП существенно недооценены. В условиях политики урегулирования местные власти в своих отчетах, предназначенных для «верхов», значительно занижают [эти] показатели. Если места будут по-прежнему докладывать о высоких темпах динамики капвложений и ВВП, то центр, вероятно, может еще более административно ужесточить кредитное регулирование». [Чжунго цзиньин бао, 9.5.2011]

Таким образом, и в ходе седьмого макроэкономического цикла в КНР, на четвертом десятке лет рыночных реформ, вряд ли можно констатировать «системное ужесточение бюджетных ограничений» для ключевых политико-административных и хозяйственных субъектов. «Инвестиционная лихорадка» местных правительств отнюдь не иррациональна. Как раз наоборот, они вполне рационально стремятся увеличить собственную рентно-ресурсную базу, используя неформальные возможности «многоколейной» модели. Другой вопрос, что конечный результат, как говорилось выше, затруднительно признать рациональным.

Кроме того, в ходе борьбы с «перегревом» в 2010-2011 годах со всей очевидностью проявилась еще одно обстоятельство, демонстрирующее

недостаточность фискально-монетарных методов урегулирования и насущную необходимость опоры на «административный ресурс». Речь идет о распространении в экономике КНР так называемого «теневого банкинга».

Суть этого явления состоит в следующем. Централизованное ужесточение кредитной политики, выражающееся в принуждении банков к повышению норм резервирования и процентной ставки, вплоть до прямых административных запретов на кредитную эмиссию, приводит к ощутимому сокращению банковской прибыли. В этих условиях банки начинают выдавать кредиты через «уполномоченные компании», кредитная деятельность которых формально не ограничена распоряжениями ЦБ. В качестве «уполномоченных компаний» зачастую выступают промышленные и иные предприятия всех форм собственности, имеющие с данными банками тесные связи. Условия таких, по сути дела, «серых» «кредитных полномочий» весьма различны. Предприятия могут давать в рост другим хозяйственным субъектам собственные средства под «теневое» поручительство банка. Возможно также получение «уполномоченным» предприятием средств от банка в той или иной легальной или полуполюгальной форме с последующим оформлением кредита от имени этого предприятия другому предприятию. Банк и «уполномоченное» предприятие заранее договариваются о размерах «теневого» процента, а также о принципах и формате раздела полученного дохода.

Публикации в китайской деловой прессе позволяют утверждать, что, прикрытые неформальными связями и поручительством госбанков,

«уполномоченные» предприятия дают кредиты своим смежникам на мягких условиях, вплоть до списания задолженности. Есть основания полагать, что в поле деятельности «теневого банкинга» формируются внушительные долговые пирамиды. [Чжунго цзиньин бао, 18.05.2011, Цай цзин, 2001, № 3; Цзинцзи гуаньча бао, 25.04.2011]

В ряде документированных случаев объемы выданных таким образом кредитов составляли более половины совокупной годовой прибыли «уполномоченных» предприятий. Доход от «теневого ростовщичества» на капитале госбанков (до 10%) в полтора – два раза превышает прибыль от реализации целевой продукции многих «уполномоченных» предприятий (не более 5%). [Цзинцзи гуаньча бао, 25.04.2011]

В некоторых провинциях Восточного и Юго-Восточного Китая, в частности, в Чжэцзяне, Фуцзяни и Гуандуне, с сентября 2010 года по апрель 2011 года наблюдался рекордный рост численности «уполномоченных» предприятий, занимающихся кредитной деятельностью – на 18%. [Там же]

В июне 2011 года ЦБ КНР провел исследование, в ходе которого удалось выяснить, что приблизительный объем рынка «теневого» кредитования в КНР составляет 3,38 трлн. юаней (порядка 530 млрд. долларов США).

Согласно аналитическим оценкам USB, к концу 2011 года эти объемы превысили 4 трлн. юаней (627 млрд. долларов США), приблизившись к 10% ВВП КНР. [<http://www.lf.rbc.ru/news/other/2011/10/21/195729.shtml>]

В свете этих данных вполне понятно, почему многие китайские экономисты указывают на неэффективность как рыночных, так и административных методов борьбы с «перегревом». В самом деле, официальное повышение кредитной ставки или увеличение нормы резервирования, равно как и «дисциплинарные меры» (невозможно наказать всех и сразу!) имеют явно ограниченный потенциал воздействия на участников «теневого» кредитования в децентрализованном и непрозрачном поле «многоколейной» модели.

Вместе с тем, из имеющихся в распоряжении альтернатив в складывающейся ситуации «дисциплинарный» путь представляется все-таки сравнительно более результативным. Проценты и нормы резервирования – что мертвому припарки в условиях теневой сделки всех со всеми под государственное поручительство. С точки зрения центральных властей, в этой ситуации вполне рационально прибегнуть к «тактике устрашения», выявляя и примерно привлекая к партийной, административной и иной ответственности попавшихся под руку «теневиков».

Таким образом, командно-административные меры по макроэкономической стабилизации вновь приобретают значение и смысл. В глазах центральных властей они в очередной раз становятся не только оправданными, но и неизбежными.

Макроэкономическое администрирование как возможный катализатор системного кризиса в КНР

Мы склонны рассматривать циклическое воспроизводство административного принуждения как один из наиболее вероятных механизмов системного кризиса и, возможно, распада «многоколейной» модели «социализма с китайской спецификой».

В мировой научной литературе и, тем более, в публицистике нет недостатка в «апокалипсических» сценариях развития КНР. Пэй Миньсинь, к примеру, пишет о возможности резкого обострения борьбы группировок в правящей элите по вопросу о переделе ресурсной базы режима как о катализаторе глубокого системного кризиса. Гордон Чан – о войне в тайваньском проливе. Многие диссиденты до сих пор лелеют надежду на развитие «широкого народного движения снизу против существующей коррумпированной власти». Всем эти оценкам, однако, недостает, ясности в смысле описания глубинной причинно-следственной механики возникновения кризисной ситуации. Иными словами не до конца понятно, как, почему и в каком конкретном контексте может появиться непосредственный «триггер» системного кризиса.

Не отрицая в принципе гипотетическую возможность каждого из перечисленных сценариев и даже их синергетического слияния, мы, тем не менее, считаем, что более вероятным первоначальным и глубинным толчком к обострению системных противоречий «рыночного социализма» в КНР может стать кризис «партийной макроэкономики». Говоря о таком кризисе,

мы имеем в виду структурную центробежную реакцию ключевых политико-административных и экономических субъектов «многоколейной» модели на очередной раунд командно-административного «урегулирования», инициированного центральными властями в целях борьбы с «перегревом».

Здесь, думается, уместно еще раз вернуться к основным структурным и динамическим характеристикам «многоколейной» модели.

Во-первых, ключевой системной скрепой этой модели выступает партийное государство «ленинского типа», обладающее полной и идеологически обоснованной монополией на политическую власть и территориально-производственный контроль над институтами и практиками национальных финансов. В качестве де-факто высшего законодателя, силового монополиста, институционального инвестора и последнего гаранта-кредитора это государство определяет условия и патронирует реализацию всего комплекса «многоколейных» сделок между прочими субъектами системы. Всякое «абсолютное сокращение системы» неизбежно является относительным, и ни о каком фундаментальном «самоотводе» партийного государства здесь не может быть и речи. Именно партия-государство обеспечивает структурное единство пространства «многоколейных» сделок и территориально-административную интеграцию страны.

Во-вторых, важнейшей структурной особенностью данной модели социально-экономического развития выступает непрозрачное, многомерное и нерасчленимое единство «плана» и «рынка» в национальном хозяйстве.

«План» генетически связан с силовым и финансовым монополизмом партийного государства. «Рынок» - спекулятивная по своей природе практика создания и перераспределения ренты-дохода от использования ресурсной базы, ключевыми составляющим которой являются золотовалютные резервы и относительно низкая стоимость живого труда. Применение «рыночных практик» на различных этажах системы не имеет законодательно закрепленного регламента. Конкретные параметры этого применения зависят от неравноправных договоренностей между «патроном» в лице партии-государства и «клиентами» в лице прочих субъектов системы. В ходе этих договоренностей определяется сумма условий участия того или иного системного субъекта в «рынке». А договоренная сумма условий как раз и представляет собой «колею» данного субъекта в пределах системного поля «многоколейной» модели. Каждая такая «колея», по своей сути, является результатом договора системного субъекта с партией-государством о срочной аренде того или иного участка ресурсной базы власти. Цель этого договора состоит в расширенном воспроизводстве данного участка ресурсной базы с дальнейшим переделом-«приватизацией» полученного в ходе воспроизводства ренты-дохода.

В-третьих, ключевой динамической характеристикой пространства «многоколейных» сделок выступает стремление системы (т.е. партии-государства) к расширенному воспроизводству, желание ряда субъектов системы выйти за ее рамки и меры, принимаемые системой для недопущения или фундаментального ограничения возможностей такого выхода.

Описанная система представляется нам, с одной стороны, обладающей достаточной степенью устойчивости с учетом сохраняющихся технических факторов ресурсной базы для экстенсивного роста, а также наличия влиятельных внутрисистемных групп, генетически заинтересованных в сохранении и воспроизводстве «многоколейной» модели.

С другой стороны, данная система видится нам хоть и динамически подвижной, но, все же, неспособной к фундаментальному реформированию в направлении «рынка и демократии». Речь идет о невозможности системных реформ в том смысле, что распространение в поле «многоколейных» сделок законодательно регулируемых рыночных отношений, с нашей точки зрения, неизбежно приведет к генетическому видоизменению места и роли ключевых субъектов системы. Это видоизменение произойдет даже в том случае, если рыночные отношения не будут четко законодательно регулируемы, но станут системно определяющими.²³ Основной предпосылкой и, одновременно, ключевым отличительным признаком того, что рыночные отношения переходят в категорию системно определяющих, является, с нашей точки зрения, демонтаж партийно-финансового «симбиоза». Этот демонтаж будет означать, что «экономика» не на словах, а на деле отделяется от «политики», «рынок» от «плана», а «микрорегулирование» от «макрорегулирования». Территориально-производственные институты партии-государства, их идейно-политическое наполнение, а также практики их монопольного

²³ В этом случае как раз и произойдет переход от «пост-тоталитарного» режима по типологии Х. Линца к режиму авторитарному. Однако, как было указано выше, это отнюдь не будет эволюционное изменение. Трансформация «пост-тоталитаризма» в авторитаризм представляет собой, по сути, системную революцию.

контроля над национальной финансовой системой, скорее всего, просто перестанут существовать. Во всяком случае, в своем нынешнем целостном виде. В таких условиях, весьма вероятно, придется фундаментально переформатировать и механизмы территориально-административной интеграции.

Угроза такого развития событий, несомненно, осознается в партийно-государственной элите КНР. Тот факт, что система в целом уже давно перестала уничтожать всех потенциальных ренегатов, а склонна идти на перезаключение с ними «рентно-ресурсных» договоренностей, несомненно, свидетельствует об относительно высокой гибкости «многоколейного» пространства.

В глазах сторонних наблюдателей – причем, отнюдь не только «увлеченных дилетантов», но и многих специалистов - «многоколейная» модель зачастую предстает как динамично меняющаяся и обновляющаяся реальность, как пример успешной адаптации партийного государства, обеспечивающего бурный экономический рост и социальную модернизацию Китая. Разумеется, нельзя сказать, что такое представление вовсе не соответствует действительности. Однако следует иметь в виду, что большинство как видимых, так и скрытых изменений в «социализме с китайской спецификой» представляют собой, по сути дела, лишь количественное расширение и усложнение пространства «многоколейных» сделок, а также увеличение числа их участников – субъектов системы. Вместе с тем, нет достаточных оснований полагать, что качественная

природа отмеченных выше структурных и динамических характеристик самого этого пространства меняется. Здесь не происходит ни «демонтажа», ни «реструктуризации», ни «самоотвода». Нам думается, что именно этим обстоятельством вызвана парадоксальная, на первый взгляд, оценка Пэй Миньсином текущего состояния дел в КНР как «равновесия частичных реформ», застойного в своей системной основе. Вместе с тем, расширение и усложнение пространства «многоколейных» сделок, равно как и увеличение численности их участников – субъектов системы – готовят, как нам представляется, почву и наращивают потенциал системного «самораспада».

Выше речь шла о том, что вполне рациональные действия в системах «ленинского типа» в итоге приводят к системно иррациональным результатам. Мы пришли к выводу, что ключевой «иррациональной зоной» «социализма с китайской спецификой» является партийно-государственная монополия на политическую власть и национальную финансовую систему. Именно партийно-финансовый «симбиоз», построенный по принципу монополии, определяет природу и ключевые характеристики «многоколейной» модели. Власть партии и подконтрольный ей финансово-инвестиционный механизм до сих пор являются в КНР «последними бастионами плановой экономики». Партийно-финансовый «симбиоз» обеспечивает как нерасчленимое единство «плана» и «рынка», так и слитность макро и микроэкономики. Как было показано, даже ведущие китайские специалисты по сей день испытывают серьезные затруднения в попытках отделить на практике «макроконтроль» от «микрорегулирования» в

экономике КНР. Эта «неразделенность» в значительной мере определяет природу описанных «деловых» и «политических» циклов в Китае. Она же диктует нерасчленимое единство «рыночных» и «командно-административных» мер так называемого «макроэкономического регулирования». Командно-административные меры, подобно «плану», генетически связаны с партией-государством и потому в конечном итоге неизменно носят системно образующий характер. «Рыночные» меры важны, но порядок их применения не регламентирован, и – самое главное – их эффект по-прежнему не имеет системно определяющего значения.

Впрочем, становление и усложнение механизмов «многоколейной» модели, значительное увеличение числа ее субъектов и расширение поля договорных отношений вносили и продолжают вносить ощутимые коррективы в динамику и последовательность применения «командных» и «рыночных» методов макроэкономического регулирования. В ходе первых трех «деловых» и «политических» циклов в КНР эпохи реформ о необходимости «рыночного макро регулирования» говорили исключительно в среде экспертного сообщества. Государство же, осознав масштаб и потенциальную опасность проблем, сходу переходило к реализации «командно-административного» сценария урегулирования по полной программе.

Однако, к середине 90х годов, по мере оформления ключевых параметров «многоколейной» модели и – следовательно – с повышением удельного веса многоуровневых рентно-ресурсных договоренностей,

государство действительно стало шире применять «косвенные» рычаги регулирования.

Начиная борьбу с очередным циклическим «перегревом», государство стремится перезаключить сделку с субъектами системы - выражаясь словами китайских экономистов, «добивается консенсуса» - и склонно действовать «рыночными» и «юридическими» мерами. Такие меры, помимо всего прочего, хорошо вписываются в освоенную политическим классом КНР квазилиберальную риторику «углубления рыночных реформ». Однако, поведение большинства этих субъектов, пытающихся либо сохранить прежние позиции, используя свой неформальный потенциал, либо «уйти в тень», либо вообще покинуть поле «многоколейных» сделок, порождает углубляющуюся неразбериху и повышает градус как экономического, так и социально-политического «перегрева». В итоге, партийное государство во имя спасения системы в целом вынуждено прибегать к жесткому командно-административному вмешательству, уже не договариваясь, а принуждая своих «клиентов» по «многоколейным» сделкам.

Невозможно отрицать: это уже не раз спасало систему в прошлом, возвращая макроэкономические дисбалансы в системно приемлемые рамки. Однако проблема в том, что добиваться такого эффекта приходится ценой все больших издержек. Глубинные структурные дисбалансы национальной экономики не лечатся, а скорее усугубляются. Тот факт, что в экономике страны по-прежнему в наличии все технические факторы для воспроизводства экстенсивной модели инвестиционного роста, не отменяет

структурных признаков исчерпанности этой модели на более агрегированных уровнях системы. В частности, выясняется, что механизмы воспроизводства «перегрева» таковы, что их не удастся эффективно контролировать ни рыночно-монетарными, ни административными рычагами. Кроме того, административный «макроэкономический» диктат «сверху» дополнительно стимулирует субъектов системы к ненормативному поведению. Теневой «банкинг» может служить здесь яркой иллюстрацией.

С нашей точки зрения, в перспективе вполне вероятна такая ситуация, когда в ходе борьбы с очередным «перегревом» (в том, что это случится и, по всей видимости, еще не один раз, вряд ли стоит сомневаться) неизбежное применение партийным государством административных методов урегулирования спровоцирует массовую ненормативную реакцию субъектов, имеющую системно дестабилизирующий эффект. *Накопленный объем структурных диспропорций в экономике, обществе и политико-административном устройстве КНР превратит по-своему рациональные устремления системных субъектов в системно иррациональные центробежные действия и выведет пространство «многоколейных» отношений из динамического равновесия.* Иными словами, субъекты «рванут, как могут» за пределы этого пространства, а партия-государство в лице центральных властей обнаружит неадекватность и неэффективность оставшихся в его распоряжении хозяйственных и политических средств для восстановления системного «статус-кво».

О конкретных обстоятельствах, событиях, участниках и последствиях такого сценария говорить сейчас, по понятным причинам, не имеет смысла. Вместе с тем, с учетом типологии механизма и динамики причинно-следственных связей, лежащих в основе «многоколейной» модели, этот сценарий дальнейшего развития «социализма с китайской спецификой» представляется нам гораздо более вероятным, чем, условно говоря, война в тайваньском проливе, народное восстание или успешная эволюция-«самоотвод» партийного государства «ленинского типа». Логично было бы предположить, что следствием системной дестабилизации «многоколейной» модели станет кардинальное переформатирование основных институтов и практик современной китайской государственности.

Список литературы

На русском языке

Арон Р. Тоталитаризм и демократия, М: Текст, 1993

Борох О. Н. Современная китайская экономическая мысль. М: Восточная Литература, 1998

Гайдар Е.Т. Дни поражений и побед. М: Евразия, 1997

Голанд Ю.М. Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы 1921-1924. М: Экономика, 2006; Кризисы, разрушившие НЭП. М, 1998

Грик Н. А. Советская экономическая политика в 1921-1933гг. Томск, 2002

Жигулева В.В. От плана к рынку: опыт КНР в области реформы ценообразования. М: ИДВ, 2006

Журавская Е. Федерализм в России// *Гуриев С. и др. (ред.) Россия после кризиса.* М: Альпина Бизнес Букс, 2011

Карпов М.В. Экономические реформы и политическая борьба в КНР (1984-1989), М: Древо жизни, 1997; Был ли Дэн Сяопин умнее Михаила Горбачева? // *Азия и Африка сегодня*, 1999, № 10; Алгебра китайской гармонии // *Азия и Африка сегодня*, 2007 № 3

Корнаи Я. Дефицит, М: Наука, 1990

Кива А.В. Страны БРИК в мечтах и реальности // *Общественные науки и современность*, 2009, № 5

Мизес Людвиг фон, Социализм. Экономический и социологический анализ, М: Catallaxy, 1994

Михеев В.В. (ред.) Глобализация экономики Китая, М: Памятники исторической мысли, 2003

Молодцова Л.И. Особенности формирования промышленной системы КНР 1949-1985. М: Наука, 1988

Нечаев А.А. Россия на переломе. Откровенные записки первого министра экономики. М: Астрель, 2010

Пихоя Р.Г. Соколов А.К. История современной России. Кризис коммунистической власти в СССР и рождение новой России. Конец 1970х – 1991гг. М: Росспэн, 2008

Просеков С.А. Социально-философский анализ модернизации современного Китая в условиях глобализации. М: Финансовый университет при правительстве РФ, 2009

Работяжев Н.В. Соловьев Э.Г. Феномен тоталитаризма. Политическая теория и исторические метаморфозы. М: Наука, 2005

Ремыга В.Н. Реформа системы управления промышленностью КНР. М: Наука, 1989

Скворцов О.И. Экономическая политика Горбачева – фактор крушения биполярного мира.// <http://aleksander-kommari.narod.ru/skvorcov.htm>

Титаренко М.Л. О международном значении образования КНР и опыта китайских реформ. Тезисы выступления на XVIII международной научной конференции ИДВ РАН «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» М. 2009

Фань Ган, Реформы по нарастающей и «двухколейный переход»//*Проблемы Дальнего Востока*, 1995 № 3

На английском языке

Apter D. *The politics of Modernization*, Chicago: University of Chicago Press, 1965

Aslund A. *How Russia Became a Market Economy*. Washington D.C.: Brookings Institution Press, 1995; *Russia's Capitalist Revolution: Why Market Economy Succeeded and Democracy Failed*. Peterson Institute for International Economics, 2007

Bastid M. *Levels of Economic Decision Making*//Schram S. (ed.) *Authority, Participation and Cultural Change in China*. Cambridge: Cambridge University Press, 1973

Cohen S. *Rethinking the Soviet Experience. Politics and History since 1917*. Oxford University Press, 1985

Csanadi M. *Self-Consuming Evolutions*. Budapest: Akademiai Kiado, 2006

Dittmer L, Hurst W. Analysis in Limbo: Contemporary Chinese Politics Amid the Maturation of Reform // *Issues & Studies* 38, № 4/39, no. 1 (December 2002-March 2003)

Fainsod M. How Russia is Ruled, Cambr./Mass.; Harward University Press, 1951

Friedrich C., Brzezinski Zb. Totalitarian Dictatorship and Authocracy. Cambr./Mass.: Harward University Press, 1956

Galbraith J. The New Industrial State. Boston, Mass.: Harward University Press, 1967

Goldman M. The Soviet Economy: Myth and Reality. New Jersey: Englewood Cliffs Prentice Hall, 1968

Goldstein S. China in Transition: The Political Foundations of Incremental Reform.//*China Quaterly*, 1995, p.1105-1131

Guthrie D. China and Globalization. The Social, Economic and Political Transformation of Chinese Society. NY: Routledge, 2009

Huntington S., Moore Cl. (ed.) Authoritarian Politics in Modern Society. The Dynamics of Established One-Party Systems. NY, London: Basic Books, 1970

Immergut E. The Theoretical Core of the New Institutionalism // *Politics & Society, Vol. 26, № 1*

Inkeles A. Public Opinion in Soviet Russia. Cambr./Mass.: Harvard University Press, 1951

Inkeles A., Bauer R. The Soviet Citizen. Daily Life in a Totalitarian Society. Cambr./Mass.: Harvard University Press, 1959

Kelly D., Rajan R., Goh G. Managing Globalization: China and India. Inaugural Conference of the Lee Kuan Yew School of Public Policy. Singapore: World Scientific Publishing, 2006

Lardy N. China's Unfinished Revolution. Washington D.C. The Brookings Institution, 1998

Lieberthal K. Governing China: From Revolution Through Reform. Norton, W. W and Company Inc. 2003

Liu Guoli, Dittmer L. (ed.) China's Deep Reform. Rowman and Littlefield, 2006

Liu Kang. Globalization and Cultural Trends in China. University of Hawaii Press, 2004

Lyons T. Explaining Economic Fragmentation in China: a System Approach.//*Journal of Comparative Economics*, Vol. 10, № 3 (September 1986)

March J, Olsen J. Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics. N.Y.: The Free Press, 1989

McCormick B. Political Reform in Post-Mao China: Democracy and Bureaucracy in a Leninist State. Berkeley: University of California Press, 1990

Motyl A. The Dilemmas of Sovietology and the Labyrinth of Theory //Fleron F, Hoffmann E (ed.) *Communist Studies and Political Science*, Boulder: Westview Press, 1993

Mueller K. East European Studies, Neo-Totalitarianism and Social Science Theory. Berlin: WZB, 1997

Murphy K, Shleifer A, Vishny R. "The Transition to a Market Economy: Pitfalls of Partial Reforms"//*The Quarterly Journal of Economics*, August 1992

Naughton B. Growing out of the Plan: Chinese Economic Reform 1978-1993. NY: Cambridge University Press, 1994

Nolan P. China's Rise, Russia's Fall. Politics, Economics and Planning in Transition from Stalinism. Cambridge University Press, 1995; Transforming China: Globalization, Transition and Development. Cambridge University Press, 2004

Ross C. Local Government in the Soviet Union: Problems of Implementation and Control. NY: St Martin's Press, 1987

Rostow W. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge: Cambridge University Press, 1960

Sachs J, Woo W. Structural Factors in the Economic Reforms of China, Eastern Europe and the Former Soviet Union//*Economic Policy*, 1994, April

Schurmann F. Ideology and Organization in Communist China. Berkeley: University of California Press, 1971

Shirk S. The Political Logic of Economic Reform in China. Berkeley: University of California Press, 1993

Stepan Al., Linz J. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Baltimore: John Hopkins University Press, 1996

Studwell J. *China Dream. The Quest for the Last Great Untapped Market on Earth.*
NY: Grove Press, 2002, 2003

Sullivan M. *Democracy and Developmentalism: Contending Struggles over Political Change in Dengist China (1978-1995).* PH.D Thesis, № 9608135.
University of Wisconsin-Madison, 1995

Liping Sun, "Zouchu zhuanxing xianjing" («Преодолевая ловушку трансформации»)
<http://www.eco.com.cn/2012/0301/221691.shtml>

Tinbergen J. *On the Theory of Trend of Movements. Selected papers.* Berkely:
University of California Press, 1959

Tucker R. *Towards a Comparative Politics of Movement Regimes//American Political Science Review*, 1961 № 55 p.281-289

White G. *Riding the Tiger.* Stanford University Press, 1993

Winckler E. (ed.) *Transition from Communism in China. Institutional and Comparative Analyses.* London: Boulder, Lynne Rienner Publishers, 1999

Zheng Yongming. *Globalization and State Transformation in China.* Cambridge University Press, 2004

На немецком языке

Arendt H. Die Elemente und Urspruenge Totaler Herrschaft. Antisemitismus, Imperialismus, Totaler Herrschaft. Frankfurt a.M, 1955

Heilmann S. Das Politische System des Volksrepublik China. Hamburg: Mitteilungen des Instituts fuer Asienkunde, 1998; Die Politik der Wirtschaftsreformen in China und Russland. Hamburg: Mitteilungen des Instituts fuer Asienkunde, 2000

Kornai J. Das Sozialistischen System. Die Politische Oekonomie des Kommunismus. Nomos Verlag, 1995

Linz J. Totalitaere und Autoritaere Regime. Berliner Debatte Wissenschaftsverlag, 2000

Mayntz R, Scharpf F. Der Ansatz des akteurzentrierten Institutionalismus // *Mayntz R, Scharpf F. (Hg.) Gesellschaftliche Selbstregelung und politische Steuerung. Frankfurt a.M.: Campus*

На китайском языке

Ван Чжиган. Дандай чжунго цзинци тичжи гайгэ (Современная структурная реформа китайской экономики), Пекин: Издательство экономической литературы, 1984

Дай Гуйцзюй. Чжунго дэ цзягэ ии (Смысл цены в Китае), Пекин: Издательство экономической литературы, 2007

Дяо Синьшэнь. Гуаньюй чжунго шуангуйцзинци дэ фэньси (Об анализе двухколейной экономики в Китае)//*Чжунго: фачжань юй гайгэ (Китай: развитие и реформа)*, февраль 1989

Ли Маошэн. Цзоучу цзинци куньзун дэ ши сян дуйцэ (Десять контрмер по выходу из экономических трудностей)//*Цаймао цзинци (Экономика торговли и финансов)*, 1989, №7

Ли Хуэйчжун. Чжунго цзягэ гайге дэ лоцзи (Логика реформы цен в Китае), Издательство экономической литературы провинции Шаньси, 1998

Линь Ифу и др. Чжунго дэ цинци: фачжань чжанлюе юй цзинци гайгэ (Китайское чудо: стратегия развития и экономическая реформа), Народное издательство г.Шанхай, 1994

Лю Бода. Гоминь цзинци цзягэ чжишудэ цзичжи (Механизм индекса цен в национальной экономике)//*Цзягэ лилунь юй шицзянь (Теория и практика ценообразования)*, 1985, № 9

Лю Гогуан (ред.) Гоминь цзинци цзунхэ пинхэн дэ жогань лилунь вэньти» (Некоторые теоретические вопросы целостного равновесия национальной экономики), Пекин: Издательство литературы по общественным наукам, 1981

Лю Сяосюань. Чжунго чжуаньгуй гочэн чжун дэ чаньцюань хэ шичан (Права собственности рынок в процессе трансформации Китая), Народное издательство г.Шанхай, 2003

Ляо Лили. Чжунго дэ иньхан чжэнцэ юй тунхо пэнчжан (Политика банков и инфляция в Китае)//*Бэйцзин дасюэ цзинци сюебао (Экономический вестник Пекинского университета)*, 1986, № 2, с. 29

Мяо Чжуан. Чжиду бяньцянчжун дэ гайгэ чжанлюе сюаньцзэ вэньти (Вопрос выбора стратегии реформ в условиях системной трансформации)//*Цзинци яньцзю (Экономические исследования)*, 1992, № 10

Сю И. Гоминь цзинци дэ цаосюе гуннэн юй саньвэйити дэ гайгэ (Кровотворческая функция национальной экономики и триединая

реформа)//*Цзягэ лилунь юй шицзянь (Теория и практика ценообразования)*, 1989, № 11

У Ии. Чжунго дэ цзягэ гайгэ хэ цие чжиду гайгэ (Реформа цен и реформа системы предприятий в Китае)//*Чжиши фэньцзы (Интеллигенция)*, выпуск зимы 1987

У Цзинлянь Чжунго цайцю ле «чжуцзинь гайгэ» чжаньдую ма? (Принял ли Китай стратегию «постепенных реформ»?) *Цзинцзисюе дунтай (Форум экономических наук)*, 1994, № 9; Дандай чжунго цзинцзи гайгэ (Современная китайская экономическая реформа), Шанхай: Издательство «Юань Дун» («Дальний Восток»), 2005

Фань Ган. Гунгун сюаньцзэ юй гайгэ гочэн (Общественный выбор и процесс реформ)//*Цзинцзи шэхуэй тичжи бицзяо (Сравнительный [анализ] общественно-экономических систем)*, 1993, № 1; Чжуцзинь гайгэ дэ чжэнчжи цзинцзи сюе фэньси (Анализ политической экономии постепенных реформ), Шанхай: Издательство «Юань Дун» («Дальний Восток»), 1996

Ху Жуинь. Цзоу сян цзягэ дэ фанкай (На пути к освобождению ценообразования)//*Цзягэ лилунь юй шицзянь (Теория и практика ценообразования)*, 1992, № 3

Хэ Сяодун. Сюаньнян: шицзы лукоу дэ чжунго цзинци (Тревога: китайская экономика на распутье), Харбин: городское книжное издательство, 2000

Цзинци Гуанча бао (Economic Observer), (24.03.2009)

Цзягэ лилунь юй шицзянь (Теория и практика ценообразования), 1985, № 4, с.58

Чжан Гуанюань. Цзоу сиан шичан цзинци дэ таньсуо (Поиски в направлении движения к рыночной экономике). Пекин: Китайское издательство литературы по ценообразованию, 2003

Чжан Цзюнь. «Шуангуйчжи» дэ цзинцзисюе: чжунго дэ цзинци гайгэ (1978-1992) (Экономика «двухколейной модели»: Китайская экономическая реформа (1978-1992), Народное издательство г.Шанхай, 2006

Чжан Чжоюань. Гуаньюй чжунго гайгэ лоцзи дэ жогань сысян (Некоторые соображения относительно логики реформ в Китае)//Цзинци яньцзю (Экономические исследования), 1996, № 1

Чжунго Цзинин бао (China Business Journal), 16.03.2009

Чэнь Ицзы. Шинянь цзинци гайгэ юй бацзю миньюнь (Десять лет экономических реформ и демократическое движение 1989 года), Тайбэй, 1990

Чэнь Сю. Ганцай цзягэ «шуангуйчжи» яньбянь цзи цяньцзянь (Эволюция и краткий обзор «двухколейной модели» цен на стальной прокат)// *Чэньбэнь юй цзягэ цзыляо (Материалы по себестоимости и ценам)*, 1985, № 10

Чэньбэнь юй цзягэ шицзянь (Материалы по себестоимости и ценам), 1991, № 13

Ши Чжантянь. Чжунго гайгэ фансян юй цзягэ тичжи яньбянь (Направление реформ в Китае и эволюция системы ценообразования), Пекин: Издательство экономической литературы, 1997

Шэн Хун. Гуаньюй чжунго шичанхуа гайгэ дэ году гочэн дэ яньцзю (Об изучении переходных процессов в ходе рыночных реформ в Китае)// *Цзинци яньцзю (Экономические исследования)*, 1996, № 1. с.69-81; Чжунго дэ году цзинци сюе (Изучение переходной экономики в Китае), Народное издательство г.Шанхай, 2003

Ян Шуцзин. Гэнчжи тунхопэнчжан бисю цзай тичжи нэйбу гоуцзао кунчжи цзичжи (Для коренного обуздания инфляции надо создать механизм внутри

системы)//Цзягэ лтлунь юй шицзянь (Теория и практика ценообразования),
1989, № 8

Ян Шэнмин, Лицзюнь. Цзягэ шуангуйчжи дэ лиши минюнь (Исторические судьбы двухколейной модели ценообразования), Пекин: Китайское издательство литературы по общественным наукам, 1993
